

Российская Академия Наук
Институт философии

Н.В. Мотрошилова

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО
В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ**

Москва
2007

УДК 300.312
ББК 15.50
М–85

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *В.К. Кантор*
доктор филос. наук *И.Н. Сиземская*

М–85 **Мотрошилова Н.В.** Цивилизация и варварство в современную эпоху [Текст] / Н.В. Мотрошилова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2007. – 268 с. ; 17 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0085-6.

В книге представлена социально-философская концепция, опирающаяся на теоретическое понятие цивилизации и раскрывающая ее существенные черты, общие для многообразных цивилизационных форм. Исследованы индивидуальные и внеиндивидуальные бытийные формы, механизмы, благодаря которым цивилизация, возникшая в глубочайшей древности, сохраняет себя (несмотря на гибель локальных цивилизаций) и воспроизводит в истории человеческого рода. Выявлены противоречия цивилизации, в том числе те, которые порождают мощные выбросы варварства. Особое внимание уделено рассмотрению варварства как оборотной стороны современной цивилизации. В свете этой концепции проанализированы те проблемы современной России, которые связаны с ее цивилизационной отсталостью.

ISBN 978-5-9540-0085-6

© Мотрошилова Н.В., 2007
© ИФ РАН, 2007

Введение

В этой книге я решаюсь предложить вниманию благосклонных и заинтересованных читателей, во-первых, свои написанные в последнее время, но до сих пор не напечатанные работы, которые посвящены глубоко волнующим меня темам цивилизации и варварства, а во-вторых, также и некоторые ранее опубликованные тексты по тем же темам, в том числе и созданные более пятнадцати лет назад.

Что касается последних, то интерес к появившимся еще в советское время работам может быть и системно-теоретическим, и историко-философским. В системно-теоретическом отношении речь идет об идеях, формулировках, концептуальных построениях, которых я придерживаюсь и сегодня, ибо думаю, что они выдержали испытание нашим временем, когда и в России, и во всем мире произошли кардинальные социально-исторические изменения. Более того: сказанное в них о сути, судьбах цивилизации, как мне представляется, не только подтвердилось — актуальность цивилизационных тем, сюжетов, поворотов, которые исследовались прежде, неизмеримо возросла. Правда, к написанным ранее (опубликованным, но ставшим библиографической редкостью, и неопубликованным) текстам у меня именно сегодня есть дополнения и уточнения, и в каждом таком случае в книге будет также представлен тот или иной *Post Scriptum* самого последнего времени.

Историко-философский интерес, вместе с тем побуждающий опубликовать без особых изменений как более ранние тексты, так и то, что было написано на рубеже веков и в XXI в., состоит в следующем. Для истории отечественной философии первостепенно важным оказалось то обстоятельство, что в 80-х гг. XX в. целая группа наших исследователей (я была в их числе) обратилась к цивилизационной проблематике, которая до той поры пребывала где-то на краю, на обочине социальной философии, находившейся под крылом, то бишь под надзором официального марксизма. В его

социальной философии доминировал не цивилизационный, а формационный подход. Что не случайно: этот подход (и главный акцент в нем: социализм против капитализма) обосновывал стратегию и тактику смертельного размежевания, борьбы на уничтожение одного класса другим, т.е. одной части населения страны и мира другой его частью, тогда как цивилизационный подход призван был выдвинуть на передний план *принцип единства, целостности человечества и мирного разрешения любых социальных конфликтов*. Вместе с обострением во второй половине XX в. смертельных опасностей, угрожающих *всему человечеству*, а затем и в контексте ускорившейся глобализации, цивилизационные аспекты объективно доказали свою первостепенную значимость. Но чтобы осознать и выразить это в нашей стране еще в 70–80-х гг. прошлого века, требовались и социальное чутье, и определенная теоретическая смелость: ведь надо было двигаться против основного потока официальной и официозной литературы, идеологически настроенной на волну революций, конфликтов, на борьбу социальных систем, а не на цивилизованное сотрудничество индивидов, стран, народов и на преемственность деятельности, целостность человечества.

На эту волну, кстати, были активно, порой агрессивно настроены и те западные авторы, которые не просто приветствовали, а со своей стороны идеологически обосновывали, разжигали холодную войну. Из-за последней было сделано много исторических ошибок, осложнивших развитие мировой цивилизации и до сих пор полностью не преодоленных. Еще и сегодня продолжает действовать антицивилизационная, конфронтационная сторона исторического развития, которая, увы, всегда присутствовала в антиномиях цивилизации. А это только повышает современную значимость цивилизационного подхода как в теории, так и в социальной практике.

Что касается, в частности, судеб отечественной философии, то в ней упомянутый поворот к цивилизационной проблематике сыграл большую роль, ибо он на деле был од-

ним из рычагов становления в нашей стране социальной философии, философии культуры нового, исследовательского (а не идеологизированного) типа; он способствовал преодолению многих теоретических и идеологических стереотипов, которые сдерживали использование и дальнейшее развитие исследовательского потенциала, постепенно накапливавшегося и в этой (самой, пожалуй, идеологизированной) области отечественной философии начиная с 50–60-х гг. XX в. К слову, отнюдь не случайно, что два материала, публикуемых в этой книге, были напечатаны в коллективных трудах, выпущенных к юбилеям В.С.Степина: в теоретическом становлении этого ученого мирового класса можно без труда проследить путь (парадигмальный и для мировой философской мысли), приведший его от специальных раскладок философии науки — через разработку цивилизационных проблем, проблем философии истории — к новой концепции науки в контексте исторического развития цивилизации и культуры.

Постоянный интерес к социологии познания, в том числе к социологии философского познания, подсказывал, что поворот философии к цивилизационной проблематике определялся как самим социальным развитием, его тенденциями, противоречиями, опасностями, так и внутренними линиями развития философии на рубеже XX и XXI вв. С углублением центростремительных исторических тенденций, в последние десятилетия получивших свое воплощение в начавшейся глобализации, это становилось все более ясным и явным. Поэтому не только ученые-гуманитарии (среди них — историки, социологи, политологи и, конечно, философы), но и политики, общественные деятели, журналисты, литераторы, словом, люди различных профессий и занятий, в наши дни все чаще говорят и пишут о цивилизации и цивилизованности. Однако бросается в глаза и другое примечательное явление, и оно-то меня особенно беспокоит. Я имею в виду то, что в оживленном и в целом плодотворном, сегодня довольно богатом конструктивными идеями отечественном и мировом социально-политическом дискур-

се цивилизационная проблематика и программатика все же оттеснена на задний план. Правда, слово «цивилизация» нередко употребляется, но содержательные теоретические предпосылки и следствия *цивилизационного подхода* остаются непродуманными и, следовательно, не примененными. А это представляется неверным как с теоретико-стратегической, так и с политико-тактической точек зрения.

С точки зрения **теоретически обоснованной стратегии** развития России и всего мира чрезвычайно важно осмысливать и решать коренные, в том числе и вполне конкретные, злободневные проблемы как общие вопросы современной цивилизации в целом и как особые, но именно цивилизационные проблемы той или иной страны. Приведу один пример. В изображении ряда влиятельных теоретиков и в практической деятельности немало числа европейских институций современные проблемы демократии выглядят так: есть-де центры современной демократии, где демократические процедуры и ценности имеют характер уже полностью определенных, ясных образцов, парадигм, которые лишь требуют перенесения в другие, пока еще не демократизированные страны; миссия «цивилизованных» стран, их правящих кругов, соответствующих международных инстанций — просто внедрять эти образцы. (Излишне доказывать, что эта позиция — сугубо идеологическая, упрямо и не всегда ловко защищающая интересы, взгляды, подходы совершенно определенных «центров силы» и влияния, а на деле — даже не тех или иных стран, а конкретных правящих групп.) Не говоря уже о том, что средства, методы, пути «внедрения», распространения демократии на практике оказываются далекими от демократических и цивилизованных, в свете цивилизационного подхода все дело выглядит иначе. Ибо и в специальной литературе, и в действительно демократическом дискурсе уже признано: *демократические практики, формы, процедуры переживают сегодня, причем везде*, в том числе в так называемых цивилизованных странах, *глубокий, и именно цивилизационный кризис*. Это, в частности, значит, что совре-

менная цивилизация уже не смиряется с простым следованием формализмам демократии, с весьма распространенным и достаточно легким выхолащиванием демократических форм, а часто с их превращением в прикрытие, парадную вывеску для антидемократической реальности. (Этому вопросу посвящен материал в ряде разделов данной книги.)

Сказанное, разумеется, не предполагает отказа от лучших традиций и от самих форм, процедур демократии, а лишь то, что в повестку дня современного развития встает *вопрос об общем для всей цивилизации существенном, парадигмальном преобразовании демократии, ее процессов, процедур, ее ценностей*, — и соответственно об усовершенствовании, в соответствии с современными запросами и требованиями, теории демократии, включая ее общеполитические предпосылки.

Или другой пример, уже из отечественной социальной практики. Когда в нашей стране формулируются и решаются стратегические или тактические, общие или конкретные, злободневные проблемы и задачи, то их понимание и решение почти никогда не переводится в плоскость цивилизационных подходов. А неудачи, так часто постигающие при их практическом решении и проистекающие именно из цивилизационной отсталости страны, почти никогда не осмысливаются, не оцениваются в этой плоскости, тем более не обрисовываются в их системности и целостности. Между тем в случае выдвижения любой серьезной общероссийской или региональной программы следовало бы загодя просчитывать некоторые «цивилизационные коэффициенты», как способствующие, так в особенности препятствующие проведению в жизнь, исполнению намеченных программ (в целом по стране, в отдельных регионах или на местном уровне). Ибо ведь сумма цивилизационных предпосылок и факторов должна быть определена, «просчитана» даже в первую очередь. Почему, поясню с помощью очень простого и понятного примера. Можно — и очень нужно! — поставить на село или в малые города новые машины скорой помощи, как это, слава богу, наконец, делается в соответствии с националь-

ной программой здравоохранения. Но если новым машинам не проехать по сельскому бездорожью, если они будут то и дело ломаться из-за ухабов на типичных улицах российских малых городов, если их будут обслуживать полупьяные водители или если их будут вызывать, в основном, к пациентам, отравившимся паленой водкой, то так нужная программа не достигнет своих важных целей. В предлагаемой книге конкретнее рассмотрены те стороны жизнеустройства, быта, сознания людей, которые, по моему мнению, должны входить в понятие «цивилизационного коэффициента», причем речь идет как о главных, стержневых его составляющих, так и о «мелочах цивилизации», которые на деле — совсем не мелочи, ибо от них часто зависит самое главное. На них — например, на плохих дорогах (зачастую в буквальном смысле) — глохнет мотор самых существенных, выстраданных государственных реформ и преобразований.

В начале данной книги будет представлена моя попытка дать *основные характеристики понятия цивилизации*. Речь пойдет о том, что определяет (конечно, по моему мнению и разумению) *исторический смысл цивилизации*, то есть саму необходимость, неизбежность ее возникновения в седой древности человеческого рода. В этом (но только в этом, а не в каком-то провиденциальном, религиозно-телеологическом) смысле можно условно говорить о цивилизационном «замысле», «телосе» истории, то есть именно о том, какие центральные общеисторические задачи, функции должна была и — несмотря на все громадные издержки, откаты, противоречия, на гибель отдельных локальных цивилизационных образований — до сих пор все же выполняла человеческая цивилизация. Ясно, что *главные ее цели — выживание человеческого рода, непрерывность человеческой истории*. Имеются и более конкретные цели, функции, а также средства цивилизации, о которых достаточно подробно, особенно в их применении к современной цивилизационной стадии, повествуется в предлагаемой книге. Иными словами, *понятийно-теоре-*

тическое осмысление цивилизации входило в число моих основных, исходных авторских замыслов. Есть некоторая удовлетворенность тем, что найденные достаточно рано (около двадцати лет назад) формулировки не приходится менять сколько-нибудь существенно. Нужны разве некоторые уточнения. (При сравнении с теоретическими формулами, которые предлагают уважаемые коллеги и которые мною постоянно принимаются во внимание, я нахожу, что мне, пожалуй, удалось представить более полный набор и разбор признаков цивилизации.)

По мере развертывания и углубления сформулированной мною уже к началу 90-х годов (и воспроизводимой в первых разделах этой книги) концепции цивилизации само время все больше подталкивало к постановке таких острых вопросов: почему «замысел», «телос», т.е. собственно социально-историческое предназначение, главные ценности цивилизации, реализовались столь противоречиво, неполно? Наконец, в цивилизационной истории чем дальше, тем больше обострялись главные ее противоречия и возникал вопрос: почему же человечество, накапливая несомненные достижения, постепенно решая некоторые на протяжении прежних веков еще не решенные цивилизационные задачи, в XX столетии пришло, причем *впервые в истории*, к *реальной* возможности гибели, самоуничтожения уникальной цивилизации? Ответы на эти и другие тревожные вопросы я ищу, как свидетельствуют главы второго раздела данной книги, в ходе *развернутого философского анализа варварства как оборотной стороны всей, в частности и особенности, современной цивилизации*. Сейчас эта тематика, сколько я могу судить, достаточно широко признана в ее актуальности. Но когда сравнительно недавно, в 2005 г., на последнем Всероссийском философском конгрессе, я сделала пленарный доклад на эту тему, мне показалось, что многие слушатели так и не взяли в толк, зачем философам нужно обращаться к этому сюжету, который долгое время отдавался на откуп исключительно историкам седой древности. Впрочем, как я знаю,

немало участников Конгресса в выступлениях на секциях поддержало и обращение к этой теме, и подходы к ней. (Текст доклада, вместе с вопросами слушателей и ответами на них, также публикуется в данной книге.)

Особый блок проблем, разбираемых здесь в контексте проблематики цивилизации и варварства, образуют специфически-российские сюжеты. Ибо я полагаю, что теоретически верно, практически важно и ответственно с гражданской точки зрения *четко обозначить, конкретно, нелицеприятно выявить те формы*, следствия веками существовавшей и сегодня все еще сохраняющейся *цивилизационной отсталости России*, из-за которых так затруднено наше движение вперед и без долгосрочной деятельности по смягчению которых останутся, увы, мало эффективными самые лучшие, самые благородные программы.

К вопросу о мерах и государственных программах, реализуемых в нашей стране в самое последнее время. Я впервые публикую здесь некоторые тексты, написанные мною пару лет назад (выполнены они были в рамках Программы Отделения общественных наук РАН). Я еще и потому публикую их без существенных изменений (добавляя лишь один-другой *Post Scriptum* нынешнего года), что выявляется примечательный факт: предложенные многими учеными, политиками, публицистами (и сформулированные также и в моих текстах) общие и более конкретные предложения, программы именно в последние пару лет стали активно реализовываться в практической экономической и политической жизни нашей страны. Что недобросовестно было бы не признать, не отметить — при обязательном фиксировании нерешенных проблем, трудностей, противоречий, неудач. И снова же: связь между последними и именно цивилизационным фоном несомненна — как очевидно и далеко недостаточное внимание к цивилизационным аспектам решаемых и еще требующих решения задач дальнейшего развития России в цивилизационном контексте мирового исторического процесса.

Основные понятия, понятийные каркасы, темы, о которых последовательно идет речь в данной книге, — цивилизация, варварство, глобализация, ценности цивилизации и их обновление — неразрывно связаны друг с другом. Работа над ними, начатая, как сказано, достаточно давно, продолжается. Продолжается потому, что она порождена, стимулирована самой жизнью, развитием современных социальных систем и ныне живущих индивидов, как раз и составляющих *реально существующее, сейчас наличное человечество*. Цивилизация же — именно тот исторический процесс, который, при всех его противоречиях и издержках, делает важным и тоже реальным понятие человечества как исторической целостности.

В заключение этого *Введения* хотела бы отметить, что предлагаемое в книге исследование принимает в расчет не только ту литературу, которая в ней непосредственно цитируется. В подпочве, конечно, залегает моя полувековая работа над историей философии, особенно над идеями, сочинениями тех авторов, которые в книге «Рождение и развитие философских идей» (М., 1991) названы «мыслящими и тревожащимися о цивилизации» (с. 11), о ее проблемах и противоречиях, пусть они еще не употребляли это относительно поздно появившееся понятие. А ведь тут целая плеяда великих философов — Платон, Аристотель, Кант, Гегель, В.Соловьев, Гуссерль и многие другие, кому я посвятила свои специальные исследования, книги, очерки, статьи. Нельзя не упомянуть и тех коллег, чьи работы (их темой были проблемы цивилизации, цивилизованности, ценностных универсалий, культуры, морали) на протяжении целых десятилетий были и сегодня остаются объектами моих интересов и внимания. Это О.Дробницкий, М.Мамардашвили, Ю.Замошкин, Б.Ерасов, А.Ахиезер, М.Барг, Н.Бромлей, А.Панарин, Н.Моисеев, С.Аверинцев, В.Степин, А.Гусейнов, В.Толстых, В.Шохин, В.Межуев, В.Кантор, В.Федотова, В.Терин, Ю.Яковец и др.

Если резюмировать теперь главные интенции и пафос той работы, которая предпринята в объединенных в этой книге сочинениях, то в голову не приходит ничего лучшего, чем процитировать не только не устаревшие, но еще более актуальные слова из моей книги 1991 г. «Рождение и развитие философских идей» (с. 11): «Противоречия современной цивилизации — ее взлеты и откаты, ее стремительный бег, невиданное ускорение и вдруг душные времена, мертвящие зоны застоя, наконец, самый страшный парадокс: угроза уничтожения цивилизации, и не какой-то внешней силой, а творениями самой цивилизации и самими людьми цивилизации, — вот что в конечном счете заставляет в начале нового столетия и нового тысячелетия высветить именно цивилизационные аспекты человеческого бытия...».

РАЗДЕЛ I. ЧТО ТАКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Глава первая. Цивилизация как таковая

Слово «цивилизация», которое сравнительно недавно встречалось преимущественно в работах философов, историков, исследователей культуры, сегодня прочно и широко вошло в лексикон политики, обыденной жизни людей. Когда мы его слышим или произносим сами, то, конечно, интуитивно подразумеваем какое-то смысловое содержание. Однако при том поистине фундаментальном значении, которое оно приобрело в нынешней жизни человечества, смутной интуиции недостаточно. Надо идти дальше — к более четкому современному осмыслению цивилизации, выведению ее «понятия», то есть к выяснению ее существенных черт, проблем и противоречий, чем мы теперь и займемся. Многое, правда, тут уже проговорено, пережито, осмыслено. На исходе XX в. и второго тысячелетия во всем мире, в том числе в нашей стране, споры о цивилизации и цивилизованности выдвинулись в центр широких политических обсуждений. Любопытно, что подобный же всплеск бурных дискуссий о судьбах и самом понятии цивилизации произошел на рубеже XIX и XX столетий. Кстати, именно с XIX в. в научно-понятийный аппарат вошло слово «цивилизация» (его образовали от латинского «*civitas*» — община, город-государство). Правда, европейцы стали спорадически употреблять его еще в XVIII в.

Однако не стану утруждать читателей информацией о небезынересных, но далеких от сегодняшней жизни понятийных, теоретических спорах о цивилизации, которые ве-

лись в истории человеческой мысли. Ведь ныне, когда развитие цивилизации обернулось роковым скатыванием к пропасти небытия, философско-теоретические размышления о цивилизации уже никак нельзя отделить от выработки *отношения к ней*, причем отношения действенного, помогающего активному усвоению и преобразованию цивилизационного опыта человечества и цивилизации нашей собственной страны. (Эта тематика подробно разбирается во II разделе данной книги.)

Кажущаяся нам весьма длительной история цивилизации в сравнении с вечностью космоса и с уходящей в глубь многих тысячелетий историей становления биологического рода *Homo sapiens* — лишь краткий миг. Человечество только учится быть цивилизованным. Относительно кратковременный специфически человеческий, то есть собственно цивилизационный, эксперимент пока выглядит уникальным и в ближайшем к нам космосе. Человечеству не на что опереться, кроме собственного опыта, однако извлекать из него уроки люди, увы, еще не умеют. Над человеческим родом тяготеет, часто не пускает его двигаться вперед цепкое наследие предцивилизационного состояния, которое историки (используя древнегреческое понятие, служившее для обозначения негреческого мира, но толкуя его по-иному) называли «варварством». (Следуя традициям исторической науки и противопоставляя здесь цивилизацию варварству, не стану, однако, вдаваться в такие тонкости, как весьма условная, подвижная грань между поздними ступенями варварства — а в Европе это гомеровские времена — и первыми стадиями цивилизации.) Как в уме и делах отдельного индивида склонности варвара-«недочеловека» могут побеждать задатки, формы жизни цивилизованного индивида, так и в истории целых стран и народов — даже при наличии каких-то высоких цивилизационных, культурных достижений — возможны массовые рецидивы варварства, возможна отсталость, стоящая на грани одичания, запустения, деградациии, обезчеловечения и бездуховности жизни. Да и в опыте высоко-

цивилизованных стран, народов, наций — и как раз в периоды взлета цивилизации — могут длительное время существовать и даже нарастать варварские, то есть разрушительные, негуманные, иррациональные тенденции. Это, например, и случилось, когда технически развитые, цивилизованные страны не избежали проявления современного варварства — создания и накопления смертоносного оружия или когда безудержными и бездумными техногенными воздействиями на природу был спровоцирован невиданный прежде экологический кризис.

Но если цивилизация столь противоречива, хрупка, столь обременена рецидивами прежнего и чертами нового варварства, то стоит ли она того, чтобы ее сохранять и совершенствовать? Не в том ли судьба человеческого рода, чтобы из-за всех грехов созданной им самой цивилизации погибнуть на пепелище последнего «страшного суда» истории вместе с самой историей, словом, исчезнуть в костре ядерного самосожжения? Вопросы весьма непростые, и отвечать на них в духе бодряческого оптимизма не пристало.

Однако, что бы там ни говорили апокалипсически настроенные «провидцы» и непримиримые противники цивилизации (а их было немало в прошлом, есть они и сегодня), именно ее развитие и совершенствование внушает надежды. Ведь несмотря на пробы, ошибки, зигзаги, даже на гибель отдельных (локальных) цивилизационных образований, развитие цивилизации в целом было и остается процессом поступательным, кумулятивным, то есть собирающим, накапливающим, обогащающим человеческий опыт. Оно было и остается развитием новаторским. И что особенно важно, развитием пока еще непрерывным. Угроза же самоуничтожения, нависшая над цивилизацией, проистекает не из-за чрезмерной цивилизованности, а именно из-за неравномерности, неполноты, незрелости цивилизационного развития человечества. Надеяться на то, что это развитие может протекать без противоречий и издержек, что где-то за ближним или дальним историческим горизонтом людей ожи-

дают безмятежное «светлое будущее» и только «светлый путь» цивилизации, — по меньшей мере наивная, а по своим последствиям и вредная иллюзия. Но не менее опасная иллюзия — призыв отказаться от цивилизации, вернувшись к некоему простому, «естественному» состоянию человечества, романтически наделяемому только привлекательными чертами. Оно, конечно же, совершенно невозможно. А вот что возможно и необходимо, так это сделать попытку вывести опыт цивилизации на более высокий, чем сегодня, более сознательный, рациональный, гуманный уровень. Такая миссия ложится на плечи сегодняшних и завтрашних поколений, то есть, собственно, на нас с вами и потомков людей, которые сегодня живут на Земле. Для ее выполнения очень нужно возвращаться мыслью, воображением, переживанием к самим истокам и последующим видоизменениям, к самой сути человеческого цивилизационного опыта. Надобна, следовательно, *развитая и ответственная историческая рефлексия*.

Совершая свои деяния в настоящем, сохраняя, реставрируя, надстраивая и перестраивая дом цивилизации, люди должны хорошо представлять себе, каковы его фундамент, несущие балки, устойчивы ли нижние, прежде возведенные этажи. Цивилизационную работу человечества, используя другой образ, можно уподобить также и пестованию, взращиванию огромного дерева — дерева опыта, познания, деятельности, словом, дерева человеческой жизни, на мощных исторических корнях и стволе которого вырастают старые и новые ветви, вызревают разнообразные и все более обильные плоды. Но случается, что некоторые ветви болеют и отмирают. А бывают и времена, когда болезни и даже гибель грозят всему дереву человеческой жизни. И все же оно, дерево цивилизации, до сих пор было способно к мощному росту и цветению. Конечно, не само по себе, а благодаря неустанным творческим усилиям индивидов, стран, народов. Когда я думаю о человеческой цивилизации, всегда вспоминаю о созданном скульптором и мыслителем Эрнстом Неизвестным грандиозном проекте, который и называется «Древо жизни».

Поразмыслим над тем, какие основные характеристики, черты присущи человеческой цивилизации, т.е., выражаясь философским языком, каково ее «понятие».

Цивилизация и цивилизованность

Цивилизация, как уже говорилось, — это прежде всего общее название специфически человеческого эксперимента, то есть исторического развития рода *Homo sapiens* после многовекового переходного этапа, именуемого историками варварством. При варварстве человечество уже создает первые социальные (родоплеменные) объединения, но долгое время развивается под преимущественным влиянием внешних и внутренних (для человека) природно-биологических детерминант. Цивилизация же означает *усложняющееся взаимодействие не прекращающих своего влияния природно-биологических факторов с социально-историческими регулятивами, возрастающее значение последних в развитии человеческого рода*. Это общее определение нуждается в уточнениях, которые целесообразно сделать как раз через выделение решающих признаков цивилизации и цивилизованности.

Прежде чем осуществить это выделение, необходимо сделать важные предупреждения.

- Те черты цивилизации, которые далее выделяются и разъясняются, появляются в цивилизованном развитии не сразу и не одновременно в различных регионах, странах мира. Чаще всего история как бы вводит и испытывает их на каких-либо «площадках» своего опыта и начиная с какого-либо (длящегося) времени, чтобы затем вписать в фонд непреходящих структур, особенностей, достижений, форм цивилизации. Некоторые черты цивилизации — самые древние, другие — более поздние, и формируются они на основе самых древних. Но раз возникнув, и эти вторые становятся фундаментальными основаниями цивилизации.

• Поскольку выявляться будут *сущностные* черты, *характеристики самого понятия* цивилизации, следует иметь в виду сложное отношение всех сущностно-понятийных структур к их действительным проявлениям, воплощениям в реальной исторической действительности. Взятые вместе, сущностно-понятийные черты цивилизации выявляют ее «телос», то есть ее историческое значение, ее функции в человеческой истории, причины ее возникновения, развития, длительного существования. Это предполагает, конечно, что историческое развитие, взятое в целом и на отдельных этапах, так или иначе воплощает, «реализует» сущностное определение цивилизации. Но отнюдь не предполагается, что какой-то отдельно взятый отрезок истории и отдельное формообразование цивилизации может демонстрировать «чистое», полное, тем более совершенное воплощение всех данных признаков. Как и все на свете, цивилизация развивается через отступления, откаты, противоречия, причем на более поздних этапах истории — вопреки историческому прогрессизму — противоречий становится не меньше, а больше, и сами противоречия, коллизии приводят к невиданным прежде, поистине смертельным опасностям.

1. *Цивилизация знаменует* (спорадически начавшееся еще в условиях позднего варварства) *все большее, в тенденции повсеместное, в тенденции не только на земле, но и в ближайшем космосе, преобразование материала нетронутой когда-то природы в предметы и процессы, которые К. Маркс, опираясь на предшествующую традицию, назвал «второй природой»*. Человечество, действительно, как бы удваивает природу, постепенно расширяя свою преобразующую деятельность. *Вторая природа и становится своего рода визитной карточкой цивилизации как таковой*. Но цивилизация на каждом этапе своего развития к унаследованному от прошлого и преобразованному предметному богатству прибавляет нечто совершенно новое, невиданное, так что ее исторические эпохи также имеют свои особенные опознавательные знаки. Воплощаются же они в специфике орудий,

приспособлений, инженерных сооружений, средств передвижения, строительства, архитектуры, искусства, да и вообще в конкретных приметах жизни, быта, в одежде, облике людей и т.д.

Человечество создает множество неповторимо прекрасных, уникальных или стандартных, но удобных и нужных предметов, способных удовлетворять все более разнообразные потребности индивидов и их сообществ. Однако из горнила человеческой деятельности появляется и немало дисфункциональных, уродливых, засоряющих Землю и близлежащий космос, а то и просто вредных предметов и веществ. Здесь заключена одна из первых фундаментальных проблем-антиномий цивилизации. Вряд ли можно надеяться на то, что эта проблема когда-нибудь будет окончательно решена. Скорее ее можно считать неустранимой, неснимаемой цивилизационной антиномией. Но вот что реально и необходимо, так это максимально следовать одному из *категорических императивов цивилизации*, которые сегодня отстаиваются многими людьми: при расширении, видоизменении второй природы необходимо заботиться о достойном человека функциональном, а также отвечающем критериям красоты цивилизационном предметном богатстве; человечеству надо учиться предотвращать безудержный рост во имя роста, двигаясь к малоотходным циклам производства и повседневной жизни. Иными словами, надо идти вперед, учитывая исторически изменчивые, но в принципе определяемые цивилизационные *критерии разумной достаточности, пользы, красоты* и имея в виду относительную самостоятельность и ценность первой природы — природы вне человека и в нем самом.

2. Вместе с тем надеяться, что человечество с сегодня на завтра перестанет вмешиваться в природные процессы, было бы наивной иллюзией. Ибо *возрастающее, в тенденции — глобализирующееся, т.е. охватывающее всю Землю и, по сути, противоречивое вмешательство человека и человечества в природные процессы является неотъемлемой чертой цивилизации*. В новое время великие мыслители, такие, как Декарт, с гор-

достью именовали человека «Хозяином и Покорителем природы». Сегодня человечество (но, к сожалению, пока скорее на уровне ценностей, а не в повседневной практике) отказывается от «господского» отношения к природе, от ориентации на безудержный рост предметов, материалов второй природы, изготавливаемых из во многом невозполняемых ресурсов первой природы. Экологические катастрофы, которые мы зачастую рассматриваем как сугубо современные явления, в менее угрожающей — неуниверсальной, локальной — форме возникали и в предшествующей истории человечества. Они были, есть и будут тяжелой платой — но вот за что, надо уточнить. Некоторые полагают, что именно за развитие цивилизации.

Вспоминаю одну из съемок нашего телевидения. Охотник-эвентк, с горечью оглядывая искореженную, захламленную тундру, приговаривал: «Это все цивилизация!». И так у нас думает немало людей. Тут есть своя правда. Однако правда далеко не вся. Ведь уродует Землю, так сказать, «недоцивилизованная цивилизация», оборачивающаяся к природе и к людям не достоинствами, а тяжкими издержками, элементами варварства внутри цивилизационного процесса. Цивилизованный же труд — при его высших взлетах — способен, напротив, украсить и облагородить Землю. Ведь превратили же крестьяне Голландии, Швейцарии, ФРГ, Австрии, Канады, США, Японии возделываемые ими поля в плодородные и цветущие земли. Прекрасны в этих странах многие большие и малые города. Конечно, и в этих странах накопились свои экологические и другие цивилизационные проблемы. Однако современный опыт говорит о реальности достижения разумного баланса между бурным научно-техническим прогрессом и цивилизованностью жизни. Во всяком случае, он показывает: путь если не полного устранения (что невозможно), то существенного смягчения издержек роста и расширения цивилизации пролегает не где-нибудь, а именно на тщательно проложенной, ухоженной столбовой дорожке самой цивилизации. И уж, конечно, не на ухабах одичания и запустения.

Становление человеческого рода уже и десятки тысяч лет назад было связано с использованием и обработкой «даров природы», с формированием второй природы. Обмен такими предметами — тоже древнейшее достояние жизни *Homo sapiens*. Но только с определенного времени (на рубеже II и I тысячелетий до н.э.) совершается переход к особым формам производства товаров, услуг и обмена ими. Этот переход к достаточно развитому товарному производству и обмену одновременно и есть переход к цивилизации.

3. Человеческая цивилизация в прошлом, настоящем и обозримом будущем имела и будет иметь вид усложняющихся разделения и интеграции труда, совокупного материального и духовного производства, направленного на *создание, сохранение, транспортировку, обмен, потребление товаров и услуг*, которые и предназначены удовлетворять растущие потребности индивидов и их сообществ. Иными словами, развитие цивилизации на долгие века становится также и синонимом пусть противоречивого, но в целом *поступательного развития товарных производства и обмена*.

Уже в Древней Греции совершается цивилизование товаропроизводства и товарообмена — древнейших сфер человеческой жизнедеятельности. Складываются и особые области разделения труда, и специфические типы социальных отношений, взаимодействий индивидов, профессиональных и имущественных групп, стран и народов по поводу создания и обмена товаров. Отношения между производителями различных видов товаров и внутри одного производства; связи производителей и покупателей; производителей услуг и клиентов; управляемых, организуемых и управленцев, организаторов; производителей, потребителей и посредников между ними — все эти и подобные отношения, строго взаимные, развиваются и совершенствуются. А вместе с ними возникают, видоизменяются изобретенные именно цивилизацией институциональные и неинституциональные формы, благодаря которым только и возможно функционирование товарных производств и обмена. Среди них достаточно упо-

мянуть мастерские, потом заводы, фабрики, фирмы, товарный рынок, финансово-кредитные, хозяйственно-юридические службы и т.д.

Товарные производство и обмен, как и все изобретения цивилизации, носят в себе противоречия, антиномии. Производство товаров для продажи, обмен ими, особенно после изобретения и внедрения всеобщего эквивалента, порождают, конечно, культ прибыли и денег, что обуславливает жесткость, а порой и безжалостность конкуренции. Но цивилизационные товарно-денежные отношения заключают в себе и *стимулы* для плодотворного взаимодействия людей, для добротного высококвалифицированного труда, для повышения его эффективности, качества, для развертывания инициативы, творчества, состязательности людей. И для того, что Аристотель назвал «пропорциональной», то есть соответствующей количеству и качеству вложенного труда, справедливостью. Непреходящий вклад в цивилизацию товарных отношений внесла Древняя Греция. Несколько иной вид товарное хозяйство, рынок имели в древних восточных цивилизациях, но и там они возникали, совершенствовались именно как цивилизационные изобретения. И нельзя забывать, что историческое изменение в европейском регионе — «греческое чудо» — было в значительной степени подготовлено существованием развитого товарного рынка в восточных странах Средиземноморья и интенсивной торговлей между ними.

Чем дальше, тем больше внимания человеческое общество уделяет усовершенствованию высших для каждого этапа истории образцов товарных производства и обмена при непрерывной критике издержек товарно-денежных отношений. Не случайно европейцы — вслед за древними греками и их агорой (рыночной площадью) — использовали удобно и красиво обустроенные центральные площади своих городов как Площади Рынка: туда они привозили для продажи и обмена лучшие, красивейшие свои товары; там обменивались и производственным опытом, и политическими ново-

стями. По соседству — опять-таки по примеру греков и их народных собраний — строили здания ратуш, судов и других политических институтов государственного и городского управления. Таковы были исторические корни, которые в наиболее развитых современных странах сохраняются до сих пор и на которых проращиваются сегодняшние формы цивилизованного рынка.

Были такие корни и в нашей стране: вспомните хотя бы знаменитые российские ярмарки, эти своеобразные демонстрации мастерства производителей и торговцев. Конечно, тут, как и на всяком рынке, встречались обманщики, жулики, норвящие подsunуть что похуже и продать как можно дороже. Но ценность добротного труда, значение хороших, как дорогих, так и недорогих, товаров знали и у нас. Стоит, правда, предостеречь против слащавой и необъективной идеализации прошлой истории, и нашей, и европейской. Во всяком случае оказалась исторически бесперспективной, а потому потерпела крах господствовавшая в советское время идеология наступления на товарно-денежные, рыночные отношения — с попыткой либо насильственно искоренить их, либо подвергнуть такому преобразованию, которое, как оказалось, противоречит их сущности, а потому губительно деформирует их.

В нашей стране была сделана попытка, диктуемая марксистской теорией, устранить то, что я лично считаю *первоосновой развитых товарного производства и обмена, важнейшим из изобретений цивилизации, — частную собственность*. Делалось это на резонных, казалось бы, основаниях: считалось, что общественная собственность, еще более древняя, чем частная, и так или иначе сохранившаяся рядом с частной, должна стать не просто высшей, предпочтительной, но единственной формой собственности, особенно на стадии интенсивного, поистине революционного развития науки и техники. Возникновение и существование частной собственности в марксистской традиции всегда ставилось в связь преимущественно с негативными сторонами исторического

опыта человечества — прежде всего с эксплуатацией, господством одних индивидов, групп, классов над другими. И такой подход, разумеется, имеет свои основания. Однако марксизм не учитывал непреходящего значения частной собственности как формы владения и формы деятельности, органично связанной со многими специфическими сторонами товарных производства и обмена, а также с тем неустрашимым для человеческой истории фактом, что реальными субъектами истории, действительными производителями и потребителями являются *индивиды с их всегда конкретными частной жизнью и частными интересами*. Могут возразить: частная собственность и в истории цивилизации появилась не сразу; в некоторых уже достаточно развитых древних цивилизациях она долгое время не имела ни четких форм, ни первостепенного значения. Эти уточнения важны. Однако они, по моему мнению, не отменяют того бесспорного факта, что частная собственность принадлежит к числу тех “изобретений” цивилизации, которые (несмотря на более позднее появление и неравномерность распространения, использования в тех или иных странах) со временем расширяют, раскрывают свое именно цивилизационное значение. Тем более что она — не единственная, а одна из различных форм собственности, «предлагаемых» развитием цивилизации.

4. Изобретая и общественную, и частную формы собственности, человечество на протяжении истории значительно усложняет, варьирует и обе эти формы, и их отношения друг к другу. *Это взаимодействие, как и его отлаживание, становится одним из существенных признаков цивилизации и цивилизованности*. И вовсе не случайно многие сегодня видят выход в плюрализме форм собственности, в том числе в легализации частной собственности. Ведь частная собственность была изобретена человечеством именно при переходе от варварства к цивилизации. И для всего последующего развития истории, включая современность, она оказалась *весьма эффективной предпосылкой стимулирования энергии, самостоятельности, предприимчи-*

востии, ответственности выбора и решения, здравого смысла и смекалки, словом, индивидуальной свободы и разумности человека в производстве, обмене, в повседневном быту. Она стала естественной, самоорганизующейся формой обеспечения добротного труда, повышения его производительности, обеспечения нужного количества и качества создаваемых товаров и услуг, их сохранности и наиболее успешного движения к потребителю.

Рожденная цивилизацией, частная собственность на протяжении дальнейшей истории подвергалась непрерывным преобразованиям, в том числе и в смысле ее цивилизования, увязывания с другими формами собственности (общинной, государственной, кооперативной, общественной), в смысле внутреннего дисциплинирования, самоналадки. И что очень важно, в смысле ее встраивания в совместную жизнь людей, приспособления индивидуальных, частных жизни и интереса к групповым, общенародным, общегосударственным и международным делам, к иным формам организации труда и собственности.

Вместе с тем критика неизбежных противоречий, издержек частной собственности была и остается важным историческим фактором. Социалистическая идея, даже когда она становилась просто идеей-отрицанием, играла и играет свою критически-предупреждающую роль в трансформации частнособственнических отношений, что убедительно показывает пример некоторых современных государств, где частная собственность, оставаясь фундаментом производства и обмена, находится под постоянным вниманием критически настроенных, в том числе и разделяющих социалистические убеждения, членов общества. Другое дело история стран, где, как у нас, социалистическая, коммунистическая идеология стала мощным оправданием, стимулом для попыток насильственно упразднить частную собственность и утвердить лишь собственность общественную (или по видимости кооперативную, которая, однако, оказалась разновидностью общественно-ничейной собственности). Эти

попытки могли привести лишь к катастрофическим результатам. Ведь удар наносился по цивилизационным первоосновам. А такого история не прощает.

Насильственная отмена частной собственности, стремление заменить во многом стихийные, но ведь и самоналаживающиеся механизмы товарных производства и обмена, механизмы свободного рынка и свободной конкуренции командно-распределительными регулятивами — вот что, по разделяемому мною мнению многих отечественных и зарубежных специалистов, стало (не могло не стать) источником бедственного состояния нашей экономики, тех ее болезней, которые так или иначе были свойственны ей на протяжении всех семи с лишним десятилетий советского режима и которые затем, осложнившись и распространившись по всему хозяйственному организму, привели к тяжелейшему кризису.

Правда, полностью уничтожить товарно-денежные отношения, рынок, частную собственность все равно не удалось. Но они были невероятно, порою абсурдно деформированы, что сегодня нам хорошо известно. Мы все еще живем и, боюсь, долго будем жить в условиях диктата производителей над потребителями, сферы обслуживания — над клиентами. Торговля, хранение, распределение товаров в советское время превратились у нас в сферы, где обеспечивались привилегии начальства и где утвердились мафиозный грабёж, спекуляция и издевательское пренебрежение интересами покупателей. Рынок существовал у нас главным образом в виде рынка «черного» или нецивилизованного, антисанитарного базара, где спрос всегда опережал предложение, где взвинчивались цены и где, как и в госторговле, не было и речи о честном и бережливом отношении к покупателям.

Удивительно ли, что необходимость перехода к рынку население связало именно с нашими уродливыми реалиями. Оно ожидало и ожидает — и не без оснований — появления рынка, кооперации, частной собственности в уродливых же формах, при которых самое худшее в них (высокие цены, эксплуатация, коррупция) вполне может, особенно на

первых порах, блокировать то, ради чего рынок и различные формы собственности исторически формируются и у нас сегодня вводятся. Но ведь у нас нет другого пути, кроме пусть трудного, но необходимого возвращения на дорогу *мировой цивилизации*. Возвращения, конечно, самостоятельного, ибо за нас наш путь не проделает никто. Что нам способно серьезно помочь (наряду с прямой материальной и моральной поддержкой других стран), так это мудрое, лишенное гордыни и спеси изучение опыта мировой цивилизации, использование ее несомненных достижений, изобретений, традиций, новшеств. Для нас это означает также трудное восстановление того лучшего в хозяйственной, политической и культурной жизни, чем по праву гордилась дореволюционная Россия.

Возвращение на путь мировой цивилизации для нашей страны есть также движение от тоталитаризма к правам и свободам человека, к правовому государству, движение к демократии.

5. *Коренная функция человеческой цивилизации состоит в обеспечении все более свободных, закрепляемых и юридическими, и нравственными нормами форм совместного бытия людей и в предоставлении (в тенденции — всеобщих) прав, свобод, гарантий, возможностей участвовать в решении своих судеб и судеб нации, страны, мира.* Если само по себе «изобретение» норм морали и права относится к древним временам цивилизационного развития, то даже и требование *всеобщности* прав и свобод человека — сравнительно недавнее достояние человеческой истории. Но с тех пор как эти принципы бывают приняты, так или иначе, в том или ином месте реализованы хотя бы частью человечества, они становятся перспективными структурами всей цивилизации. Высокая цивилизованность или, напротив, крайняя отсталость страны измеряется также и тем, сколь широко, прочно укоренены — или, наоборот, насколько поприаны, урезаны, стеснены — такие свободы во всех сферах человеческой жизни.

Принципы и практика наибольшей свободы для наибольшего числа людей издавна связаны с *демократией*. Демократическое взаимодействие людей — относительно давнее изобретение цивилизации. И хотя некоторые предпосылки демократии в виде различных форм обсуждения людьми проблем их совместного бытия рождались в древнейшие времена в разных регионах мира, именно древние греки создали развитую, в известной степени цивилизованную демократию, причем не только в политике, но и в экономической и культурной жизнедеятельности. Вместе с демократией возникли, разумеется, и весьма трудные проблемы, которые варьируются от века к веку, затрудняют демократическое развитие, а в некоторые эпохи делают демократические формы правления исключительной редкостью. Наряду с демократией человеческая цивилизация рождает также целый набор иных разнообразных форм, принципов совместного бытия людей, государственного и общественного управления. Однако сегодня можно с уверенностью говорить о том, что в процессе изменения цивилизации развитая и прочная *демократия уже выигрывает историческое соревнование с другими социально-экономическими, политическими порядками*. Другие же — недемократические, тем более антидемократические, тоталитарные, деспотические — формы правления подвергнуты строгому суду и осуждению самой историей. Теснейшая связь цивилизации, цивилизованности и ненасильственной, все более широкой и необратимой демократии — явная тенденция современной истории. Она же подтверждается яркими страницами истории прежней — например, расцветом полисной демократии и одновременным цивилизованием всей жизни Древней Греции.

Однако как раз потому, что путь к демократии, сама демократическая дорога чрезвычайно трудны и совсем не усыпаны розами, необычайно важным всегда было и остается сегодня *цивилизация самой демократии*. Нам сейчас отчетливо видны опасности, так сказать, «варварской демократии», через которые народы мира в своей истории проходи-

ли не один раз и которые в нашей стране тоже выплыли на поверхность в пору в целом плодотворного процесса демократизации. И все же к концу XX столетия и первого тысячелетия новой эры человечество накопило столь огромный опыт цивилизованной демократии, что не воспользоваться им было бы непростительной ошибкой.

Цивилизование демократии — лишь часть цивилизационного усовершенствования межиндивидуальных, межгрупповых, международных человеческих отношений. И это тоже чрезвычайно трудная, но и первостепенная задача.

6. *Коренная функция человеческой цивилизации состоит в обеспечении все более свободных, ненасильственных, добровольных форм совместного бытия индивидов и их свободно же формирующихся объединений.* Тенденции этого воплотились в том, что даже при самых кризисных состояниях, при самых острых противоборствах люди учились жить и действовать совместно. Никогда не исчезавшие из жизни человечества, до сих пор ведущиеся кровопролитные войны тем более взывают к мирным, то есть более цивилизованным, отношениям людей. Человечество в нашем веке прошло через две мировых войны, истребительные революции, локальные войны, через геноцид и даже «самогеноцид» целых народов, атомные бомбардировки. Окончательно не устранена еще угроза атомного самоуничтожения. И люди, ужаснувшись современному варварству, начинают понимать всю настоятельность цивилизованного миролюбия, высокую ценность прочных, взаимовыгодных мирных соглашений и договоров, неизбежность взаимодействия и взаимопомощи, неплодотворность практики обманов, подсиживаний, двойных стандартов в отношениях как между индивидами, так и между народами. *Цивилизованность, таким образом, чем дальше, тем больше предполагает необходимость самыми мирными из возможных в каждый данный момент способов общаться, взаимодействовать с другими индивидами и народами, разрешать возникшие и упреждать возможные конфликты.*

Развитая цивилизация, обладая перечисленными признаками, в целостном виде воплощается в способах жизни и поведения, в повседневном бытии и быте людей, вполне ясно, наглядно отличаясь от нецивилизованности, разрухи, запустения.

7. Важнейшей особенностью цивилизации и признаком цивилизованности жизни является то, что индивиды, народы, страны, неустанно стремясь к удовлетворению растущих потребностей (потребностей и тела, и духа), делают свою повседневную жизнь все более обеспеченной необходимыми для их удовлетворения благами, все более обустроенной, удобной, красивой, комфортной и в этом (хотя не только в этом) смысле все более достойной человека.

Историческая тенденция состоит не просто в увеличении средств и возможностей такого *цивилизационного благоустройства и комфорта*, а в предоставлении их максимально большему числу людей.

Комфорт — это человеческие условия труда, удобные, оснащенные современной техникой, красивые жилища, широкий выбор нужных товаров, безупречный сервис, прекрасные дороги, налаженные средства связи, да и многое другое. И если в ряде стран Запада и Востока такой комфорт стал или быстро становится чертой повседневной жизни не только богатых и избранных, а большинства населения, то российская повседневная жизнь не просто некомфортна — миллионы людей лишены элементарных цивилизационных удобств. И беда в том, что многие из нас примирились с этим, не прилагают никаких усилий, чтобы выйти из тупика запустения. Более того, у нас вольготно чувствуют себя идеологи, которые, пусть даже проповедуя действительно благородные духовные ценности, пытаются внушить самим себе, своим читателям слушателям, будто духовность нашего народа в том и состоит, что он способен, даже предназначен терпеть всяческие жизненные неудобства и лишения.

До боли сочувствуя народу, переживая вместе с ним унижительные невзгоды антицивилизированной неустроенности и дискомфорта, хочу, однако, сказать: пока мы в повсед-

невной жизни терпим все это, пока каждый день трудимся и живем условиях, которые наиболее развитые современные нации сочли бы для себя невозможными, недостойными, страна наша, несмотря на творческие потенции и одаренность ее народов, так и остается «недоцивилизованной».

И особенно горько то, что за последние десятилетия, когда деревни, малые и большие города разных регионов и континентов, в том числе и разрушенных войной стран Европы и Азии, стали превращаться в ухоженную, в буквальном и переносном смысле цветущую землю, мы повергли свой огромный край в состояние повсеместного одичания и запустения. Всюду разрослись свалки — вокруг предприятий, возле магазинов и частных домов, во дворах административных и жилых зданий, на окраинах городов и сел, вдоль железных и автомобильных дорог. Ранней весной, когда сходит снег и обнажается израненная, испоганенная нами — а кем же еще? — земля, сердце сжимается от боли¹.

Конечно, бурьяны, чертополох на «ничейной», захлавленной свалками земле корнями уходят в самую социальную систему. И многие из нас поняли, что перво-наперво надо преобразовывать именно ее. Но тут есть своего рода замкнутый круг, и его надо разрывать: нам надо перестать превращать родную землю, о любви к которой произносилось и произносится так много слов, в огромную помойку. Здесь — задача для всех и каждого: для граждан, которых у нас, согласно укоренившимся командно-административным, воен-

---

¹ Я с горечью и болью писала эти строки более пятнадцати лет назад. Конечно, за это время, в особенности в XXI в., многое изменилось: нет дефицита товаров, строятся новые, более комфортные жилища; чистыми стали какие-то улицы городов; появились цветники; ухожены парки и т.д. Но осталось — а где-то и разрослось — многое из того, о чем в этом тексте говорилось и что еще более разительно контрастирует с новой роскошью: свалки, нищета, запустение, одичание целых поселений, ужасающее состояние подъездов наших домов... В дальнейшем анализе в данной книге вопрос о живучести варварства и его нетерпимости в современной России будет рассматриваться детальнее.

но-коммунистическим привычкам, называют «рядовыми», — стать нетерпимыми к свалкам, чертополоху, бесхозяйственности, словом, нецивилизованности *вокруг самих себя*; для вновь избранных органов местного самоуправления и общегосударственного управления — в ближайшее время разработать и законодательно внедрить такие формы повседневных жизни, быта, отдыха, при которых *цивилизованность, следовательно, обустроенность, чистота, красота, комфорт были бы нужными, экономически выгодными, морально престижными, а нецивилизованность стала бы невыгодной, юридически наказуемой и нравственно недопустимой*. Но, конечно, решающее значение для присущего цивилизации обустройства жизни имеют те уже названные фундаментальные признаки цивилизации и цивилизованности, которые связаны с *целостной системой созидательной деятельности людей*.

Какого же человека можно назвать цивилизованным в противоположность нецивилизованным существам, варварам?

Цивилизованный человек — обязательно труженик и созидатель. Варвар же не просто пренебрегает созидательным трудом, но в любой момент готов разрушить, испоганить то, что создано природой и накоплено историей. Цивилизованный человек стремится овладеть новейшими средствами, достижениями труда, его организации, наиболее эффективными трудовыми навыками и знаниями, перенимая, таким образом, опыт других людей. Он обдумывает, проектирует, прогнозирует, критически осмысливает и постоянно совершенствует свою деятельность. Пусть он и не владеет собственно научными и высшими техническими знаниями, но испытывает к ним интерес и уважение. Варвар ко всему этому по меньшей мере равнодушен: если он и работает, то по старинке, на уровне сохи и кувалды. Итак, добротный, эффективный, созидательный, умный, квалифицированный труд, уважение к труду и гордое самоуважение к себе как труженику, собственнику — *первая группа признаков*, отличающих цивилизованного индивида. Такой индивид не может

позволить себе, пренебрегая первоосновой цивилизованности, производить никому не нужные или вредные товары; не может, органически не способен разбазаривать, пускать на ветер то, что создано не только его собственным трудом, но и усилиями других людей. Ибо он уважает, бережет чужой труд и чужую собственность не менее, чем плоды своего труда и свое достояние.

Вторая группа признаков, отличающих цивилизованного человека от варвара, связана с отношением к свободе, достоинству, ответственности — как своих собственных, так и других индивидов, стран, народов. Человек-собственник — понятие, которое долгое время употреблялось с негативным оттенком. Но тот же опыт истории учит, что цивилизованный человек — это собственник, наделенный свободой, здравым смыслом, способностью принимать решения и отвечать за них. Цивилизованный индивид, особенно в современных условиях, тяготеет к тому, чтобы быть демократическим индивидом и членом демократического, гражданского общества, ибо его гражданская активность есть органическое продолжение, а также предпосылка свободной и инициативной трудовой деятельности. Цивилизованному человеку свойственны естественная гордость за свои нацию, народ, страну, стремление трудом и талантом служить им. Вместе с тем подлинная цивилизованность несовместима с некритическим отношением к их истории и современному бытию, с унижением других наций, народов, с националистической агрессивностью. Цивилизованный человек осторожно и ответственно выбирает группы, ассоциации, объединения, в которые вступает; он категорически и решительно противостоит кровопролитиям, насилию, разрушительным конфликтам. Варвар же вполне терпимо относится к тому, что у него самого и других людей отняты собственность, свобода, ответственность. Он испытывает постоянное желание отнять что-либо у других индивидов, групп, народов — для того лишь, чтобы отнятое проесть, разбазарить, разрушить; он охотно вливается

в агрессивную толпу, готов к кровопролитию; на варваров опираются диктаторские, тоталитарные режимы, националистические черносотенные движения.

Третья группа признаков, отличающих цивилизованного человека, может быть отнесена к условиям, в которых он трудится и отдыхает, общается с другими людьми, а также к стилю его поведения. Его отличает от варвара, в том числе и от погрязшего в дикости современного варвара, также стремление и умение обустроить свою повседневную жизнь: чистота, удобства, комфорт повседневной жизни нужны ему как воздух. Конечно, цивилизованный индивид — человек, и ничто человеческое ему не чуждо, в том числе и страсти, устремления, которые обладают не только созидательной, но и деструктивной силой. Но он учится, умеет сдерживать, «окультуривать» свои нужды и эмоции. Не случайно еще древние греки так возвеличивали *ценность умеренности потребностей и мудрости поведения*; «мера во всем превосходна», говорилось в «Золотых стихах» пифагорейцев. Тут своего рода парадокс. Потребности цивилизованного человека развиты, богаты, тонки, разнообразны. Но он по крайней мере стремится умерять их, делать *разумно достаточными*. У варвара же, напротив, ограниченные и грубые потребности. Но, представься ему возможность удовлетворять их, он не знает никакой меры.

Разумеется, нарисовав здесь крупными мазками *типологический портрет цивилизованного человека*, я не претендую на исчерпывающую полноту характеристик. И не претендую на то, что это портрет, полностью совпадающий с какими-либо реальными прообразами. (Правда, немало людей в своей жизнедеятельности то более сознательно, то стихийно руководствуется критериями цивилизованности.) Хотелось бы подчеркнуть, что *только вместе, в единстве* названные группы признаков отличают и формируют цивилизованного человека. Ибо, например, добротный труд и благоустроенность жизни, но без демократичности, свободолюбия могут ужиться с варварством. Убедительный

пример — те «цивилизованные варвары», на которых опирался фашизм. Свободолюбие без умения трудиться и благоустраивать жизнь еще не формирует цивилизованного человека. Кстати, цивилизованные люди живут, действуют, сохраняют себя также и в странах, которые нельзя отнести к достигшим высокого уровня цивилизации. А в странах в целом цивилизованных вполне можно встретить современных варваров. К тому же процесс формирования, воспитания и самовоспитания цивилизованного человека, хотя он несколько облегчен в цивилизованных и сильно осложнен в условиях отсталости, в обоих случаях весьма непросто. Победить в себе варвара приходится, о чем уже упоминалось, и цивилизованному человеку.

И еще об одной существенной проблеме.

Цивилизованность индивида, страны, народа, в моем понимании, не тождественны ни высокой нравственности, ни высокой художественной, научной культуре. Не могу не согласиться поэтому с теми критиками цивилизации (пример — Ж.Ж.Руссо), которые указали на возможный разрыв между расширением, усвоением цивилизационных навыков, знаний и прогрессом нравственности. Индивиды, живущие в условиях цивилизационного комфорта, совсем не всегда становятся высоконравственными и высококультурными людьми. И наоборот, нравственные добродетели каких-то индивидов, талантливость народа, высота духа и культуры в принципе совместимы с убожеством, нищетой жизни, с цивилизационной отсталостью страны. Отсюда, разумеется, не следует, что высокая духовность требует примирения с отсталостью. Напротив, чем дальше, тем больше проявляется и такая закономерность: по мере усложнения человеческой духовной жизни, все более тесного взаимодействия различных ее сфер друг с другом и с экономикой, политикой страны, в связи с необходимостью огромных затрат на прогресс образования, науки и культуры (а также под влиянием других факторов) цивилизационная развитость все более становится по крайней мере *предпосылкой*, а нередко и *мощным стимулом*

для укрепления гуманистических, тенденций, для создания более человеческих, нравственных форм общения, для расцвета науки и культуры. Верно и обратное: антицивилизационное запустение тесно сплетается с пренебрежением к культурному наследию, с падением уровня образования, отставанием науки, с «остаточными принципами» финансирования культуры — словом, с тем, что нам знакомо так же хорошо, как наши материальные дефициты или антидороги.

8. Культурная, духовно-нравственная компонента цивилизации — это деятельность по созданию *всеобщих идеальных образцов* (по-гречески — парадигм) предметной деятельности и *норм, принципов* человеческого общежития и общения.

Такие парадигмы прежде всего вплетены в любую предметную деятельность и в ней составляют найденные цивилизацией (транслируемые от поколения к поколению, видоизменяемые или изобретаемые вновь), доступные всеобщему использованию проекты, принципы, навыки, знания, позволяющие наиболее рационально, эффективно, оптимально (для данного момента времени) совершать действия во имя достижения какого-либо результата. Платон приводит такой пример: допустим, что испортятся или исчезнут все ткацкие челноки. Но люди их способны восстановить, потому что владеют идеей челнока — знают целевые функции, технику и технологию его изготовления. Это касается не только предметных, но и коммуникативных действий, то есть тех, которые направлены на общение людей. В них также вплетены порожденные цивилизацией и ею совершенствуемые правила, регулятивы, нормы разной общности — обычаи, традиции, разрешения и запреты, нравственные и юридические нормы. С определенного исторического момента, как раз и совпадающего с зарождением, оформлением цивилизации, люди обретают способность мысленно, идеально отделять обще- и все-общезначимые цели, принципы, нормы, правила, навыки, смыслы деятельности от ее конкретных единичных и особенных контекстов, подвергая общее и всеобщее специальному изу-

чению, видоизменению и совершенствованию. Так и зарождается специальная работа с идеальными, духовно-нравственными смыслами, которая ведется в предметном материале (глина, мрамор, камень, холст, краска, бумага, звуки и музыкальные инструменты и т.д.) на основе изобретенных людьми знаков и форм, выражающих общее и всеобщее какого-либо вида (языковые, математические, нотные знаки, символы и т.д.). Иными словами, культурные элементы, всегда заключенные внутри цивилизационной деятельности, постепенно дают начало формированию особых сфер культуры как специализированной деятельности. А она и имеет своей преимущественной целью работу с идеальным, духовным, в частности с нормами нравственности и принципами красоты, с этическими и художественно-эстетическими идеями.

Идеи начинают вести относительно самостоятельную жизнь — и никакой тут нет идеалистической мистики. Сфера такого их бытия есть *культура*.

Конечно, употребление терминов «цивилизация» и «культура» весьма многообразно. И если кому-то очень хочется, можно назвать культурой то, что я именую цивилизацией. Но тогда все равно придется выделять культуру в только что указанном, более узком и специальном смысле. Из-за этого, а также из-за отмеченного ранее возможного несовпадения, порою и противостояния цивилизованности и культуры предпочтительнее не сливать, а различать оба понятия, в то же время не отрывая их друг от друга.

Теперь о главной цивилизационной функции *философии*. Человечество проходит довольно длительный путь развития цивилизации и культуры, прежде чем возникает настоятельная потребность в вычленении всеобщего как такового, в специальной работе с ним. На нее и отвечает рождающаяся философия — *специфическое ответвление культуры*, сравнительно поздно появляющееся благодаря корням, стволу человеческой цивилизации и уже довольно мощным ветвям более древних форм культуры (искусства, религии, мифоло-

гии, литературы). Процесс выделения и обработки всеобщего для цивилизации также всеобщ: недаром же он — синхронно или последовательно — происходит в разных регионах мира. Происходит всякий раз в специфической форме, но и подчиняясь некоторой необходимой и всеобщей логике. Как именно вычленяется всеобщее в различных областях духа и какое отношение к этому имеет философия, можно видеть на примере анализа древнегреческой философии, когда, например, прочерчивается путь древнегреческой мысли от отдельных областей прикладной математики через складывание математически-всеобщего к проблеме числа, количества, пространства и времени или движение от повседневной речевой практики греков через специальные области ораторской, речевой культуры, литературы к проблеме Логоса как Слова, к философским риторике, поэтике, логике, к первоначальной философии языка.

Работа над общим и всеобщим — величайшее достояние цивилизации, форма существования и развития культуры. В цивилизационном взаимодействии важны все области труда. Вместе с тем есть основания подчеркнуть непреходящее и возрастающее значение *идеального*. По форме идеальные результаты и виды деятельности также исторически единичны, конкретны, ибо создают их индивиды, неповторимые личности, и рождаются такие результаты в контексте жизни каких-то стран, наций, в специфические исторические эпохи. Но по своей сути идеальные, духовно-нравственные продукты цивилизации и культуры свободны становиться внутренним достоянием любого индивида и любого народа, которые пожелают их освоить, осмыслить, использовать, преобразовать для дальнейших предметных действий или для нравственного обогащения, художественного наслаждения. Парадигмы, образцы цивилизации и культуры еще и в том смысле бесценные всеобщие сокровища, что, будучи однажды добытыми, изобретенными, они дают любому индивиду и народу как бы спрессованный, освобожденный от проб и ошибок опыт человечества. И благодаря этому они

обеспечивают цивилизации невиданные по сравнению с варварством темпы, динамику преобразований, создают возможность согласовывать и увязывать *в общечеловеческое целое* развитие индивидов, поколений, народов.

Умение каких-либо людей, групп, народов, стран, регионов взять за основу парадигмы цивилизации, в частности ее духовно-нравственные образцы; способность отделить то, что в предшествующем опыте цивилизации создано добротного, прочно, на века и потому должно быть заботливо сохранено (таковы, например, «вечные» заповеди нравственности, религии, как и формы необходимых людям предметов — стола, стула, бытовой утвари, крестьянского дома и усадьбы; формы жизни, быта, одежды и т.д.), от того, что нуждается в коренном преобразовании; стремление быстро и без ложной гордыни брать все ценное в цивилизационном творчестве других народов, не повторяя их уже обнаруженные, тем более исправленные ошибки; готовность специально отбирать, обучать, высоко ценить тех людей, которые наилучшим образом изобретают, преобразуют общее и всеобщее, то есть особо беречь выдающиеся умы нации и ярчайших носителей ее совести — все это тоже относится к критериям цивилизованности отдельных людей и целых народов. Неспособность же ко всему этому, напротив, тесно переплетена с цивилизационной отсталостью. И вот тут опять всем нам есть над чем задуматься, есть что менять коренным образом, преодолевая зазнайство, спесь, уверенность в исключительности судеб, миссии, путей развития страны и нации. Нам дорого обошлись и обходятся антиинтеллектуализм, неумение ценить людей выдающегося ума, таланта, высочайшей нравственности. У нас, увы, частенько начинают их «любить» после того, как надругаются над ними, над их правами и достоинством, как доведут до тюрьмы и сумы, высылки, смерти...

9. Теперь, как бы суммируя сказанное, можно выделить такую черту цивилизации, которая состоит *во всемирно-историческом, общечеловеческом характере и значении ее опыта.*

Процесс развития цивилизации до сих пор был непрерывным. Цивилизационный опыт человечества в каждый момент существования может быть уподоблен мощному потоку, в который уже влились, вливаются и будут вливаться, пока существует человечество, живительные источники, питаемые деятельностью индивидов разных эпох и стран. *Цивилизация человечества всеобща в смысле всемирно-исторического континуума и непрерывной (хотя и неравномерной, в разное время неодинаковой) причастности всех стран, народов, эпох к формированию ее результатов, форм, словом, к возникновению и обогащению цивилизационного опыта.* Правда, очаги локальных цивилизаций, в какие-то времена разгоревшись особенно сильно, потом могли или вовсе исчезнуть, или ослабеть (впрочем, еще неизвестно, не разгорятся ли эти на время ослабевшие очаги с новой яркостью). Но никогда еще не затухал «общий очаг» мировой цивилизации: сохранялось, множилось, обновлялось предметное, духовно-нравственное ее богатство.

«Общий очаг» (Hestia koine) — понятие, которое древние греки распространяли на полисную и общегреческую общность, современное человечество имеет все основания применить к мировой цивилизации как таковой. Отсюда следует, что исконный исторический интерес всех народов требует сохранения нашего общего очага — мировой цивилизации на планете Земля. Но, конечно, отсюда никак не вытекает, что, скажем, экспроприация чьей-то частной собственности, грабеж других народов есть возвращение «своего» или дележ «общего». Ведь исторически, цивилизационно-всеобщее не может породиться и существовать иначе, нежели в единичных и особенных формах — в виде частного, совместно-группового, общегосударственного, национального, общенародного достояния. Факты «отчуждения» такого достояния от деятельности и собственности причастных к их созданию индивидов, стран, народов — путем насилия, завоевания, противозаконных изъятий и т.д. — в истории нередко встречались, но они вовсе не случайно обрачивались социальными катастрофами, состояниями несвободы, разрухи, застоя.

Таковы, в моем понимании, основные черты цивилизации и цивилизованности.

Закljučая этот предварительный теоретический разговор, не могу не обратить внимание на одно принципиально важное обстоятельство. В дискуссиях, связанных с кратко изложенной здесь концепцией, в советское время не раз приходилось слышать следующее возражение. Зачем, дескать, нужно выдвигать в центр социальной философии, философии истории понятие цивилизации, когда марксизм-ленинизм, говоря о тех же исторических процессах, явлениях, формах (разделении труда, собственности, товарном производстве, взаимодействии и взаимозависимости людей, нормах нравственности и т.д.), в основном обходится без понятия «цивилизация» или употребляет его весьма редко. Согласна, понятие цивилизации долгое время было, так сказать, на обочине марксистско-ленинской теории.

Здесь не место вдаваться в вопрос о значении и судьбах марксизма, его достоинствах и ошибках². Тем более что это никогда не было объектом моей профессиональной работы. Воздавая должное Марксу, вполне правомерно сослаться на его идеи и высказывания, ибо Маркс не только марксистами признан одним из крупнейших мыслителей прошлого. Однако в том, что понятие цивилизации никогда не было в центре ортодоксальной марксистско-ленинской философии истории, я как раз и вижу ее изъян. И изъян не чисто теоретический, а чреватый далеко идущими практическими и идейно-психологическими последствиями. В центр внимания марксизм-ленинизм всегда помещал и ценностно, этически приподнимал, возвеличивал понятия и принципы,

---

² Post Scriptum 2007 г. Этот текст, опубликованный в книге «Рождение и развитие философских идей», был написан в конце 1980-х гг. При прохождении его в издательстве (тогдашний Политиздат) были трудности: один из влиятельных редакторов категорически потребовал снять его как «выпад против марксизма». Я столь же категорически отказалась. Философская редакция (во главе с В.Кураевым) поддержала меня, а не своего начальника, и текст был напечатан.

которые фиксируют *прерывность* исторического процесса (понятие общественно-исторической формации), резкие, конфликтные, кровавые *социальные взрывы* (понятие социальных революций как локомотивов истории), *непримиримую борьбу* общественных групп, партий (понятие классов и классовой борьбы как движущей силы истории), *насилие* одного класса над другим (диктатура господствующего класса), непримиримое противостояние различных социальных образований, идей, идеалов и принципов (борьба социальных систем, обостряющаяся идеологическая борьба и т.д.). Никак нельзя утверждать, что противоположные особенности истории — те, которые обеспечивали ее непрерывность, единство, всеобщность — не привлекали никакого внимания марксизма. Но в понимании всей предшествовавшей истории, объявленной «предысторией», они отодвигались на задний план, считались подчиненными «историческим закономерностям», диктующим непримиримую борьбу классов, а с середины XIX в. — борьбу пролетариата, трудящихся до «победного конца». И только в «подлинной» истории, при коммунизме, во имя которого, как утверждалось, такую борьбу, неизбежно оплачиваемую многими жертвами, и нужно вести, воцаряется, дескать, мир и единство между индивидами и народами. Это и будет, согласно Марксу, «царство свободы» — взамен прежнего «царства необходимости».

Мне, конечно, известны современные трактовки, авторы которых (как правило, способные и совестливые люди) стремятся всячески приглушить формационно-революционные идеи классического марксизма, отвергнуть вульгарные «учебниковые» варианты советского периода и выдвинуть на первый план критико-гуманистические идеалы, в которых у Маркса тоже не было недостатка. (Готова согласиться, что так называемый творческий марксизм, двигаясь именно по такому пути, достигнет обновления.) Однако со стороны этих авторов было бы недобросовестно не признать, что философия истории марксизма-ленинизма, в известной мере реа-

листично обрисовывая конфликтность истории, различия и противостояния индивидов, социальных групп, наций, народов, стран, социальных систем, не по недоразумению, а в силу определенной и хорошо продуманной идейной направленности меньше внимания уделяла столь важным сегодня, реальным механизмам непрерывности, единства исторического процесса, возможности согласовывать интересы людей. А без этого, как я полагаю, невозможны теоретическое исследование и практическое утверждение механизмов и перспектив цивилизованного, свободного взаимодействия людей в прошлой, настоящей и будущей истории. Именно истории, а не «предыстории», вся роль которой, по Марксу, в том и состоит, чтобы вымостить дорогу к райским вершинам «подлинной истории». И совсем не случайно то, что на этой дороге остались миллионы жертв и искореженные судьбы народов, а «сверкающие высоты» так и не были достигнуты. Связь между ориентированной на конфликты философией истории марксизма-ленинизма, трагически противоречащей некоторым гуманистическим идеям самого Маркса, и подобными практическими результатами кажется мне несомненной.

Постепенное осознание столь трагической связи, стремление найти иной, отвечающий общечеловеческим ценностям подход к истории привели меня лично (особенно на рубеже 70–80-х гг.) к философско-исторической, социально-философской концепции, которая основана на понятии цивилизации. Не отодвигая в сторону реальной конфликтности истории, эта концепция позволяет понять ее реальную же и исключительно важную непрерывность, раскрыть механизмы взаимодействия людей, истоки и смысл общечеловеческих ценностей. Нравственные преимущества такого философско-исторического поворота тоже представляются очевидными: в отличие от столь знакомого нам упоения разрушением, борьбой, диктаторским насилием (кровавые последствия такого рода идеологии и психологии преследуют нас и сегодня) цивилизационная теория естественно стиму-

лирует практику, идеи, настроения мирно-цивилизированного взаимодействия людей, открывая тем самым больший простор созидательным тенденциям истории.

Завершая предварительный теоретический разговор о цивилизации и цивилизованности, оставляю за собой право подкрепить его в процессе раскрытия основной (заявленной в заглавии) темы книги интереснейшим, поучительным и сегодня конкретно-историческим материалом.

Все основные признаки цивилизации и цивилизованности, выделенные на теоретико-логическом уровне, могут быть обнаружены и при историческом анализе развития общества, начиная уже с древнегреческого общества (IX–VIII вв. до н.э.), но особенно, конечно, с периода наибольшего расцвета Эллады (VI–IV столетия до н.э.). Отнюдь не случайно в ту же эпоху возникает (VII век до н.э.) и расцветает (V–IV вв. до н.э.) философская мысль древних греков: любовь к мудрости, которая и раньше отличала этот народ, постепенно становится особым, весьма разносторонним знанием и познанием, становится новой формой культуры.

Глава вторая.
И снова — о понятии «цивилизация»
и значимости цивилизационного подхода
(Post scriptum 2007 года)

Предшествующий текст 1991 г., в котором расшифровывается содержание философского понятия «цивилизация», опубликован здесь лишь с некоторыми сокращениями и почти без изменений не только из историко-философских соображений. Правда, и они важны, так как представляют возможность документировать факт оформления так важного сегодня исследовательского цивилизационного подхода в отечественной философии *советского времени* (это тем более существенно, что такие «нюансы» не принимаются во внимание людьми, склонными малевать одной черной краской исторический опыт нашей философии того периода). Но главное — в другом: представленные выше понятийные определения и примыкающий к ним цивилизационный анализ и сегодня образуют фундамент моей концепции цивилизации, в том числе и той ее части, которая последовательно разрабатывалась позже и презентирована во всех разделах этой книги. И у меня, как кажется, есть основания посоветовать на то, что даже в философской литературе, обращенной к теме цивилизации, эта концептуальная линия, основной смысл которой — прежде всего *раскрыть смысл, сущность, противоречия человеческой цивилизации как таковой*, т.е. расшифровать именно ее «понятие», не была принята во внимание. (Возможно, потому, что книга «Рождение и развитие философских идей» получила определенную известность скорее среди историков философии, чем среди тех, кто, как и я, выстраивал философскую теорию цивилизации).

Нижеследующие дополнения и заметки нацелены на то, чтобы выявить господствующие в литературе (как в философской, так и литературе других специальностей) подходы к понятийному определению цивилизации, а также зафиксировать, обосновать мою неудовлетворенность положением дел, сложившимся в этой важнейшей теоретической области.

В общем и целом из изучения литературы напрашивается суммарный вывод (его я в дальнейшем подкреплю примерами и доказательствами): понятийное определение цивилизации до сих пор имеет своим фундаментом и фоном две главные линии преимущественного интереса: 1) оппозицию древнейшего варварства и цивилизации, возникшей на исторической почве варварства и из него (это традиционная область исторического анализа древней истории); 2) исследование конкретных цивилизационных образований — локальных, региональных цивилизаций (в работах историков-страноведов, историков-культурологов, а также, скажем, философов-востоковедов и т.д.). Вторая линия, как мы увидим, наиболее репрезентативна для научной литературы XX и XXI вв. Сегодня она особенно популярна в страноведческих и посвященных проблемам отдельных регионов экономических, политических и т.д. дискуссиях, которые стали особенно острыми и интенсивными в контексте процессов глобализации и их осмысления.

Говоря о первой линии, нужно добавить, что во второй половине XX в. *исторический* интерес к поискам стадий и форм перехода от варварства к цивилизации уже не был господствующим и частично уступил место статическим (структурным) исследованиям. Причина более или менее понятна: эти стадии и формы имели место в столь глубокой древности, что (все более редкие) археологические находки позволяли разве лишь строить неверифицируемые гипотезы, а не высказываться об оппозиции «варварство-цивилизация» со «строгой научностью», которой XX столетие все больше требовало и от гуманитарных дисциплин. Интерес исследователей еще и в XIX, но особенно в прошлом столе-

тии все более перемещался к непосредственному изучению чудом сохранившихся остатков, анклавов так называемых примитивных обществ. Этнология, этнография, структурная антропология (как и другие научные области, включая фольклорно-лингвистическое изучение таких анклавов) тяготели к превращению в богатые материалом, доступные для внедрения современных количественных и структурных методов области «конкретного обществознания». Характерный образец — идеи, концепции, работы Клода Леви-Стросса и его последователей. Их я и избираю в качестве примера, позволяющего показать, как и почему в целых областях по видимости лишь конкретно-этнографического, антропологического (а по сути своей цивилизационного) интереса ученые избегали употреблять и прояснять понятие «цивилизация».

Если сам Леви-Стросс, хоть редко, но использовал это понятие³ (впрочем, не проясняя его и по существу отождествляя цивилизацию и культуру), то последователи и толкователи от него начисто избавились. (Это видно, скажем, в блистательных статьях наших выдающихся авторов Вяч. Вс. Иванова или Е. М. Мелетинского, давших отличный частно-профессиональный комментарий к русскому переводу «Структурной антропологии»). *Фактически и по существу* этнологические, «антропологические» (в смысле Леви-Стросса) исследования все же имеют отношение к темам цивилизации в ее различных аспектах — *генетическом* (ибо на наглядных для современности примерах могут быть высвечены и те исторические структуры, которые способствовали переходу от варварства к цивилизации, и те, которые цивилизация в себя не приняла и не могла принять), *сравнительном* (сопоставление конкретных цивилизационных образований и обнаружение — в их зародыше, генезисе — общецивилизационных парадигм), собственно *структурном*

---

³ См.: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 10, 230. Далее страницы по этому изданию указываются в тексте.

(структуры цивилизации, в том числе надбиологические программы индивидов, в их противоречивом генезисе), и многое, многое другое. Но если все это имеется, как сказано, по сути, фактически, то сознательно и целенаправленно Леви-Стросс не только не движется (в известных мне работах) в сторону цивилизационного исследования, но и активно отталкивается от такого, вообще-то возможного, исследовательского поворота. Для чего у него есть достаточно веские причины.

Во-первых, в его произведениях и в рамках интересовавших его дисциплин исследуются такие общественные состояния, такие («примитивные») социально-исторические целостности, в которых еще нет заметной грани между цивилизацией и культурой в собственном и узком смысле. Да и сам переход от того, что именуется «примитивным обществом», даже к первоначальной цивилизации в них не всегда уже совершен. И Леви-Стросс предпочитает везде употреблять понятие «культура» (соответственно — «культурная антропология»), толкуя его в широком, даже расширительном смысле, да и здесь не особенно вдаваясь в категориально-понятийные размышления и разъяснения. Исследованию Леви-Стросса — конкретному, мелко-структурному — это, по сути дела, не мешает. Он и его последователи имели бы определенное право сказать, что в «гипотезах цивилизации» (выстраивание которых отняло бы немало сил) они не нуждаются и оттого таковых «не измышляют».

Во-вторых, преимущественный интерес и акцент всего исследовательского поиска данного направления состоит, как это четко формулирует сам Леви-Стросс (указ. соч., с. 20), в поиске *особенностей*, самых тонких и мелких *различий* между описываемыми образцами, формами сохранившихся остатков примитивных обществ — с вполне понятной целью: не упустить ни одной частной детали — пока они вообще доступны наблюдению и описанию, пока обступившая эти анклавы более развитая цивилизация не испортит, не замути чистоты уникального, самой историей созданного исследова-

довательского «эксперимента». Леви-Стросс отмечал, что «...мы присутствуем при весьма любопытном явлении: антропология развивается одновременно с тенденцией этих обществ к исчезновению или по крайней мере к утрате своих отличительных признаков» (указ. соч., с. 306). И ведь в самом деле следовало торопиться, описывая именно эти «отличительные признаки»; надо было оперативно сравнивать оставшиеся примитивные общества между собой; пока можно было не концентрироваться на их сопоставлении с развитыми цивилизациями или с цивилизацией в целом.

В-третьих, поиск и изучение различий, дифференциаций, более чем понятные и оправданные в описываемых случаях, хорошо интегрировались в одну из главных идейных тенденций XX в., его установки, умонастроения, порожденных эпохой войн, столкновения социальных систем; такая направленность была глубоко укоренена также и в культуре и поддерживалась пафосом борьбы, стремлением акцентировать не общее, а особое, различное, не то, что объединяет, а то, что разъединяет людей разных эпох, стран, регионов.

В-четвертых, Леви-Стросс, отнюдь не отказываясь от выявления в ходе своих исследований «*общих свойств* социальной жизни» (там же), подобно многим своим современникам, опасался запутаться в сопутствующей теоретическим генерализациям «упрощенной» «социальной метафизике» (с. 92), в «тупиках» отвлеченной философии (с. 93), в лабиринте «широких обобщений» и «общих мест» (с. 20). Надо думать, создание концепции цивилизации как таковой представлялось ему движением в подобные тупики.

И все же я хотела бы вернуться к тезису, согласно которому исследования Леви-Стросса и других социальных антропологов-структуралистов по крайней мере по сути релевантны цивилизационному анализу. Кроме того, хоть и редко, сам Леви-Стросс предполагал возможность такого пути. Проблема естественным образом возникала, когда исследователь наталкивался на относительно устойчивые, так или иначе транслируемые структуры жизни, быта, устройства об-

щих дел в изучаемых целостностях, а также на некоторые родственные парадигмы культуры. И тогда для их объяснения все же требовались общетеоретические гипотезы. Так, в весьма конкретной работе «Симметрично развернутые изображения в искусстве Азии и Америки» (1944–45 гг.), зафиксировав удивительное родство ряда «формальных», непривычных приемов в искусстве разных континентов, Левистрасс задается вопросом: «Как объяснить это сходство столь неестественных приемов изображения в культурах, разделенных пространством и временем?». И дает такой примечательный и важный для нас ответ: «Наиболее простой гипотезой является исторический контакт или *независимые пути развития на основе общей цивилизации*. Но даже если эта гипотеза опровергается фактами или если (что вероятнее) она не располагает достаточным количеством доказательств, то это не должно быть причиной отказа от нее» (указ соч., с. 230. Курсив мой — Н.М.).

Понятию цивилизации, впрочем, *содержательно* не повезло не только в конкретных исследовательских областях, подобных той, которая только что была рассмотрена, но даже в широкого плана философско-исторических концепциях XX в., в которых о цивилизации прямо и по крайней мере *формально* шла речь. В качестве примера можно сослаться на учение О.Шпенглера.

Не вдаваясь здесь в обсуждение очень сложных и многомерных, причем несходных культурологических концепций О.Шпенглера или А.Тойнби, можно в общей форме констатировать: их преимущественный и реальный интерес к изображению цивилизационных и культурных *различий* хотя и позволял объединять в некоторые целостности исторические, территориальные (региональные) и относительно самостоятельные образования совместного бытия людей, но не выводил авторов к столь же обстоятельному исследованию единой общечеловеческой цивилизации. И дело не только в этом. В работах О.Шпенглера, например, бросается в глаза не просто разрыв, а — скажу резче — пропасть меж-

ду обстоятельностью *анализа различных* (правда, не всех) *типов* цивилизации и легковесным «идеологически-пропагандистским», что ли, отношением к цивилизации как таковой, даже к самому понятию цивилизации. Не менее характерно оказавшееся заразительным шпенглеровское противопоставление цивилизации и культуры, а если и их сближение, то только на «смертной линии» («цивилизация» — это, по Шпенглеру, обозначение вырождения, смертного часа той или иной культуры). Это не только совершенно особое, полностью произвольное словоупотребление, но и знак, символ отчаяния, горького разочарования в западноевропейской цивилизации, лучше всего выраженное знаковым же смыслом самого заглавия главного шпенглеровского труда («Закат Европы»); это оправдавшееся предчувствие близких глобальных бед и последующих катастроф XX в. Шпенглеровская «парадигма» весьма типична для литературы XX в., и зарубежной, и отечественной. Энергия критики и протеста, порожденная вполне реальными и все более опасными изъянами, противоречиями цивилизации вообще, западной цивилизации эпохи «модерна», т.е. нового времени, в частности и особенности, в конце концов *обратилась против самого исследования цивилизации и цивилизаций*, спутав все карты и сбив все ориентиры уже и в деле разъяснения исходных понятий, категорий цивилизационного дискурса. (Подобный ход мысли без труда прослеживается в очень многих работах, но уже лишенных шпенглеровских таланта и энергии). Не говоря уже об «онтологическом» пренебрежении (на грани ненависти) к самой пусть и противоречивой, но ведь и единственно данной всему человечеству цивилизации, Шпенглер буквально заразил гуманитарный дискурс весьма опасной для теории подменой: вполне оправданная, имеющая давние традиции и сегодня особенно нужная *критика цивилизации* (в частности, европейской) заполнила собой все то поле, где вместе с нею (а в логико-теоретическом отношении еще прежде нее) должно было вестись *исследование цивилизации как таковой* — ее сути, ее про-

тиворечий, перспектив развития. И, конечно же, где надо было и нужно сегодня вести понятийную, категориальную работу. Неправильно было бы утверждать, что Шпенглер такой работы вовсе не вел. Но по сути дела она сводилась к еще одной подмене: понятие культуры фактически заслонило понятие цивилизации (что неудивительно при сугубой ценностной идеологизации последнего). Между тем и противопоставление цивилизации и культуры, и их отождествление (что имеет место довольно часто, особенно у культурологов, и что, казалось бы, естественно для их занятий) — равно ошибочные, по моему мнению, теоретически-объяснительные шаги.

Поскольку ни в книге в целом, ни в этом постскрипту не ставится цель последовательно выписывать этапы и отдельные образцы спора вокруг понятия цивилизации и ее теоретического определения, позволю себе от упоминания о Шпенглере сразу перешагнуть к современному дискурсу. Здесь тоже обнаруживается характерное противоречие, касающееся именно интересующего нас здесь понятия цивилизации и цивилизационного подхода. Литература, к которой я далее (бегло) обращусь, интересует меня не только в данной конкретной связи. Речь в ней идет о широких дискуссиях вокруг проблем глобализации (разбираемых в III части данной книги), причем не собственно в философии, а в других дисциплинах — экономических науках, истории, страноведении и т.п.

* * *

Я постоянно интересуюсь работами авторов самых различных специализаций, которые так или иначе выходят к цивилизационной проблематике, что в последние два десятилетия в особенности существенно стимулировалось поворотом к темам глобализации. Не будучи специалистом, скажем, в экономике и экономических науках, международной

политике и политологии, страноведении (но с благодарностью используя профессиональные исследования), я все же вижу, насколько повысился уровень отечественных работ и в перечисленных, и в других специальных областях — он вполне сопоставим с тем, что имеется в мировой мысли, кстати, постоянно и оперативно включаемой в контекст российского исследовательского дискурса. Сошлюсь для примера на книгу «Глобализация и крупные полупериферийные страны» (М., 2003). По своему непосредственному, как бы частному предмету она посвящена современным проблемам стран, которые было принято называть развивающимися (отвлекаюсь от разъяснения понятия «полупериферийных» стран, которое — под влиянием школы И.Валлерстайна⁴ — с 70–80-х гг. распространилось в соответствующей литературе). Среди анализируемых в книге вопросов как будто доминируют проблемы экономические (большинство авторов — экономисты, в частности, экономисты — страноведы). Однако на деле, фактически — и это считаю в высшей степени плодотворным — видна главенствующая тенденция, заключающаяся в стремлении экономистов, историков, страноведов *построить более общие теоретические модели, касающиеся глобализации, ее хода, противоречий и перспектив*. Имея в виду отмеченный факт превалирования экономистов, особенно существенно акцентировать реальную нацеленность всей работы на преодоление «экономизма» и включение в орбиту внимания исторических, социо-культурных, политических и других измерений и факторов.

Тематике и направленности моих исследований по проблемам цивилизации и варварства, вместе с тем, особенно релевантен парадокс, который трудно не заметить (в том числе и в названной книге). С одной стороны, характерно стремление авторов противостоять не только «экономизму»,

---

⁴ См.: Уоллерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; *Его же*. После либерализма. М., 2003. (Имя автора у нас в разных источниках пишут по-разному.)

но и всякому другому теоретическому «партикуляризму» в смысле абсолютизации того или иного узко-профессионального подхода. И здесь попытки междисциплинарного синтеза особенно ценны. Пример — концептуальные поиски М.А.Чешкова (автора, которого я уже цитировала в своих работах), в частности, его попытки построить системное «знание о развивающемся мире» (сокращенно ЗРМ), используя и синтезируя такие научные области, как востоковедение, страноведение, глобалистика, культурология, наука о развитии, экология, наука о международных отношениях и т.д. Трудности на этом пути очевидны. М.А.Чешков прав, когда говорит: «Целостное видение человечества не может пока опереться и на адекватный ему метод» (указ соч., с. 89).

С другой стороны, бросается в глаза, что упоминаемые этим ученым «цивилизационные исследования» (а они могли бы в принципе помочь такому «целостному видению человечества») берутся и даже мыслятся исключительно в виде «частнонаучных дисциплин» (там же) — в соответствии с общераспространенными, к сожалению, употреблением и расшифровкой понятия «цивилизация» во множественном числе и с направленностью анализа (исключительно) на различие типов, или, как выражается В.М.Межуев, «веера» цивилизаций. Без того, кстати, чтобы на понятийном уровне сначала выяснить суть, характерные отличия, противоречия и т.д. *цивилизации как таковой* — соответственно создавая (и используя) *современную целостную теорию цивилизации*. В этой теории, разумеется, должна найти свое место концепция (к настоящему времени она — более разработанная, развитая) разнообразия, типов цивилизаций, специфики тех или иных относительно самостоятельных цивилизационных образований, целостностей. Но ведь *с логико-теоретической точки зрения* разделение (чего-либо, в частности, цивилизации) на «веер» форм, типов — дело вторичное, возможное лишь после того, как хотя бы на интуитивном уровне будет определено, что такое «сама по себе», «по своей природе» цивилизация в целом. В историческом же движении иссле-

дований интересующей нас проблемы дело обстояло так, что подобной платформой, точкой отсчета могла стать и фактически стала лишь самая общая оппозиция «цивилизация — варварство». (Почему некоторые авторы и сегодня о цивилизации как таковой говорят не больше, чем просто ссылаясь на такую оппозицию). А в центре внимания сегодня, как и раньше, по большей части остаются только *различные* формы, типы цивилизации.

Характер такого движения, как бы обратного теоретической логике (сначала или в основном — типы, дифференция), как нельзя более отвечает тому, о чем раньше уже шла речь — динамике и направленности до сих пор протекшей мировой истории, в которой борьба, рознь, разъединения как бы господствовали над тоже существовавшими, но всегда пребывавшими на заднем плане тенденциями объединения, сближения, согласованности интересов, воли, устремлений отдельных индивидов, социальных групп, стран, народов, до сих пор если и объединявшихся, то в противостоящие блоки, которые разрешали свои разногласия посредством войн и других форм насилия. Эти тенденции, конечно, не только не исчезли и сегодня, но в чем-то усилились. Как раз в эпоху глобализации страны, народы, да и целые континенты (пример — Латинская Америка) в ответ на еще и сегодня господствующие формы если и не прямо колониального, то все же насильственного объединения («цивилизации») с особой — вполне понятной, *одной стороной объективного цивилизационного развития* обусловленной — настойчивостью борются за сохранение и даже приумножение своего цивилизационно-культурного своеобразия. Борются против всяческой — экономической, политической, культурной — экспансии, то есть против некоего уравнительного, усредняющего начала. (Какие в этой борьбе избираются формы, какие идеологии агрессивного религиозного фундаментализма, крайнего национализма и шовинизма вырастают на поле этого неизбежного сопротивления — другой вопрос). Но ведь вторая сторона объективного исторического развития со всей

несомненностью заключается в *возрастающей значимости и все более динамичной трансляции общецивилизационных структур*, сближении стран, народов, континентов, в их неизмеримо возросшей взаимозависимости, в чем, собственно и состоит *глобализирующая тенденция современной мировой цивилизации*. Эта тенденция, а также новые вызовы и угрозы (о них подробно говорится в моей книге) ставят в повестку дня как вопрос о системном, все цивилизационные образования затрагивающем кризисе, так и о новых формах, методах, темпах интеграции человеческой цивилизации. В этих условиях сосредоточение теоретической мысли, обращенной к темам цивилизации, преимущественно или исключительно на дифференциях, дроблениях (как бы они ни были реальны и важны) становится неадекватным, не отвечающим запросам именно современной практики социального развития.

Выразительные примеры оттеснения на задний план (или даже отрицания) самой возможности употреблять понятие «единой общемировой цивилизации» дают работы тех авторов, которые особо акцентируют и, по-моему, абсолютизируют раскол современного мира, взаимотчуждение Севера и Юга, развитых и отставших в своем развитии стран и считают дальнейшую «регионализацию» главной или чуть ли не единственной тенденцией будущего развития. Так, С.И.Лунев, специалист по проблемам Индии и других стран Азии, делает поистине обескураживающий вывод: *«Эти процессы ставят под сомнение перспективы формирования новой общечеловеческой цивилизации с точки зрения социально-экономических измерений*. К XXI в. также стало все более понятным, что биполярный и однополюсный мир не соответствует и культурно-цивилизационным реалиям и отличиям стран мира. В последнее время на Юге отчетливо прослеживается тенденция к отчужденности от многих ценностей европейской цивилизации. Культурологические факторы, наряду с экономическими и политическими, определяют *регионализацию* как ведущую тенденцию мирового развития, и наиболее вероятен переход мировой системы к именно многопо-

лярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между регионами — цивилизационными, экономическими, политическими и иными»⁵.

В этом тексте многое вызывает недоумения. Разве «регионализация» — это совсем уж новое явление, новая тенденция? *Человеческая цивилизация всегда была «регионализована»*. И чем дальше мы продвигаемся в глубь истории, тем большую степень «регионализации», даже изолированности, самодостаточности регионов Земли мы обнаруживаем. Поэтому, когда С.И.Лунев говорит о регионализации как «ведущей тенденции мирового развития», то это верно, если иметь в виду всю, а не только современную мировую историю. Но, во-первых, это *одна из двух* антиномичных тенденций — наряду со все большей *интеграцией регионов* по мере исторического развития (доказательства чего вряд ли требуются). А во-вторых, из-за этого-то и остается неясным, почему регионализация (повторяю, *всегда* бывшая неотъемлемой чертой развития мировой цивилизации), какой бы вид она ни приобрела в ближайшем будущем, должна «поставить под сомнение перспективы формирования новой общечеловеческой цивилизации».

Возможно, в подпочве рассуждений С.И.Лунева залегает какое-то иное, мне не известное определение «общечеловеческой» цивилизации — такое, в соответствии с которым в ней не должно, не может быть ни регионализации, ни цивилизационных отчуждений и конфликтов, ни духовных, идейных, культурных расхождений, например, острых диалогов о ценностях. Но такой цивилизации никогда не было и не будет. В *само понятие цивилизации* принципиально необходимо включать — в соответствии с реальной «онтологией» человеческой истории — *разнообразие*, порой обособление и даже противостояние цивилизационных формообра-

---

⁵ Лунев С.И. Индия в глобализирующемся мире // Глобализация и крупные полупериферийные страны. С. 172–173 (курсив мой. — Н.М.).

зований, целостностей, типов. В этом отношении «многоцивилизационность» (которую С.И.Лунев почему-то относит к будущему времени) — *сущностное отличие всей истории человеческой цивилизации*, а не только требование (впрочем, несомненное, остро обозначаемое и переживаемое) нашего времени.

Однако, что уже подчеркивалось, столь же «сущностным», определяющим как *для понятия* человеческой цивилизации, так и для ее сугубо современных тенденций являются упомянутые *процессы растущей интеграции, единства, целостности*. Ведь «цивилизация» как понятие — это, по существу, синоним до сих пор сохраняющихся единства, целостности, непрерывности человеческого рода. И сохраняющегося как *благодаря* разнообразию, дифференциации (здесь: и регионализации) цивилизационных форм, так и *вопреки* конфликтам, борьбе, даже гибели отдельных локальных цивилизаций. Более того, отдельная, «частная» цивилизация в каком-либо регионе (скажем, цивилизация майя) могла погибнуть, но «регион» как крупная цивилизационная единица (например, латино-американская цивилизация, культура) неизменно сохранялся (если речь идет об известной нам цивилизационной истории).

Другое дело, что описываемые С.И.Луневым противоречивые явления (отчужденность, недовольство, попытки тех или иных кругов каких-то стран создать некий подвластный им однополярный мир), действительно, имеют место и в принципе будут существовать и далее. Но ведь такие попытки сегодня не только не увенчиваются успехом, но и встречают растущее сопротивление. Главное, что *сопротивление имеет место именно благодаря объективному характеру мировой цивилизации (единство только при разнообразии)* и благодаря тому, что эта суть цивилизации сегодня все более осознается нашими современниками в разных частях света.

Я бы хотела обратить внимание на то, сколь интересно и четко именно сопряжение — трудное, противоречивое — общецивилизационных и специфических (для страны, региона) тенденций современного развития демонстрируется,

прочерчивается в рассматриваемой книге на примере Китая (в статьях А.И.Салицкого, В.В.Михеева, В.Г.Гельбраса; см., например, в статье В.В.Михеева анализ нового «компромиссного мышления» как теоретически и практически принимающего в расчет обе отмеченные тенденции, компоненты цивилизации — указ. соч., с. 211).

Подобное же *соотношение противоположных, но строго взаимосвязанных тенденций цивилизации* фактически обсуждается в российских и зарубежных *дискуссиях о России* — правда, часто без всякого понимания или объективирования того, что перед нами обострившаяся сегодня коренная проблема всей цивилизации, а не одной России. Ибо и тематика соотношения общецивилизационного и специфического, особого для той или иной страны, в свою очередь, имеющая *общецивилизационные характер и значимость*, и постановка, переживание всех связанных с этим проблем именно сегодня, в конечном счете, обусловлены единой *динамикой современной цивилизации*. Между тем эти проблемы очень часто ставятся и «читаются» как исключительно российские, что (как показано в этой книге) приводит к немалому числу теоретических заблуждений и практических ошибок.

Отвлекаясь (пока) от российских проблем, я хочу перейти к собственно философской современной литературе, в которой обсуждается проблематика цивилизации.

* * *

В связи с проблемами и дискуссиями, возникающими при применении цивилизационного подхода к истории и современному состоянию России, хотелось бы обратить внимание читателей на недавнюю глубокую, интересную книгу известного отечественного исследователя В.М.Межуева «Идея культуры» (М., 2006). Я отсылаю читателей к этой книге еще и потому, что согласна со многими тезисами автора, касающимися и истории усвоения, распространения в России термина «цивилизации» (соответственно — цивилизаци-

онного подхода к российской истории; см. с. 324 и далее), и (критически оцениваемых) попыток через это понятие отстоять идею совершенно особой, *ни с чем не сопоставимой* «русской цивилизации», и с общим резюме автора: «Вопреки мнению, что Россия уже сложилась как особая цивилизация, напрашивается другой вывод: она и сегодня находится в поиске своей цивилизационной идентичности, своего места в мировой истории» (с. 327). Все мое предлагаемое здесь исследование (в том числе и работы, ранее опубликованные, но по сложившимся у нас обычаям, конечно же, не упоминаемые) — подтверждение тезиса В.М.Межуева о том, что Россия — страна еще не сложившейся, а лишь *становящейся* цивилизации (с. 333–334).

У меня, однако, есть существенное замечание — возражение, но оно относится скорее не к обсуждению российской проблематики, а к непосредственно интересующей нас здесь понятийно- терминологической стороне дела. В книге В.М.Межуева, прекрасно освещающей тематику культуры, философии культуры и ее истории, при обращении к проблеме цивилизации, ее понятийному определению снова же имеет место типичное для многих подобных попыток стремление сразу говорить о «цивилизациях» во множественном числе (о типах, разнообразии, или «веере» цивилизаций и т.п.) — без того, чтобы с самого начала *глубоко и обстоятельно* разобраться в том, каковы характерные черты, противоречия *цивилизации как таковой*. Предельно общее упоминание о том, что «цивилизация возникает в оппозиции к варварству» — не в счет, потому что это пока лишь начало, первый шаг, и затем, конечно, требуется раскрытие того, в чем именно состоит «оппозиция». Я не вдаюсь здесь в вопрос о том, что в более конкретном анализе В.М.Межуева неопределенность общего, единящего понятия «цивилизация» и употребление его скорее во множественном числе (при подчеркивании лишь различий, дифференцированности цивилизационных образований) становится причиной еще одного смешения: при разговоре о цивилизации речь фактически идет о культуре —

например, о религии, (хотя об ошибочности отождествления цивилизации и культуры и о том, что оно «вообще характерно для всей англо-американской научной культуры — (указ. соч., с. 327–328) — тоже говорится.

Хочу быть правильно понятой: я не только не считаю исследование цивилизаций («во множественном числе») чем-то посторонним, второстепенным для построения общей философской теории цивилизаций, но вижу в уже наработанных традициях и возможных в будущем специфицированных описаниях, осмыслениях отдельных разновидностей цивилизации, имевших место в истории или сугубо современных («единичное» цивилизации), в объединении их в типы («особенное» цивилизации) неотъемлемую интегральную часть и совершенно необходимую предпосылку искомой общей философской теории цивилизации, выполненной на уровне современных теоретико-методологических требований.

С этой точки зрения философские обобщения, ставящие во главу угла именно дифференциации, различия и больше обращенные к «единичному» и «особенному» цивилизации, считаю вполне важными и ценными, поскольку без учета единичного и особенного, без их специального, тщательно изучения нет и не может быть плодотворного определения и осмысление цивилизационно-всеобщего. С этой точки зрения я (с благодарностью) опираюсь, скажем, на соответствующие статьи (философских книг в данной области почти нет) известных авторов, в том числе статьи энциклопедические⁶. Тем более в случаях, когда речь непосредственно идет о философском осмыслении единичного и особенного аспектов цивилизации⁷. И это тем более важно подчеркнуть, что в моих попытках понятийного анализа цивили-

---

⁶ См.: Толстых В.И. Цивилизация // Новая философская энциклопедия. Т. IV. М., 2001. С. 332–335.

⁷ См.: Степин В.С. Цивилизационного развития типы // Там же. С. 330–332. См. также: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1998.

зации, что легко заметит осведомленный читатель, я вынуждена чаще всего отвлекаться от двух вообще-то очень важных аспектов. Первое отвлечение — от *чисто исторического аспекта*, связанного с исследованием возникновения самых древних форм цивилизации из того состояния, которое именуется варварством. Второе отвлечение — от специального разбора разграничений и исследований *исторических типов цивилизации* (у Тойнби, например, имеется описание более 20 типов цивилизаций). Обе темы — сугубо специальные, требующие огромных познаний в конкретных областях истории как науки. Давать поверхностный, дилетантский пересказ специального материала, как это делается в ряде источников, считаю бессмысленным.

Что же касается философско-теоретической стороны дела, и, в частности, понятийного определения цивилизации, то выше упомянутые отвлечения (подчеркну: отвлечения, тем не менее обязательно предполагающие определенный уровень знания и освоения соответствующей литературы) здесь возможны и оправданы, ибо, как уже отмечалось, разграничению типов цивилизации должно *теоретически и логически* предшествовать определение ее существа, выявление ее основных характеристик, которые, понятное дело, в принципе, так или иначе, с теми или иными уточнениями должны относиться к любому типу цивилизации. Мои же усилия (некоторые результаты которых представлены в этой книге) вот уже двадцать лет нацелены на создание **общезначимой философской теории цивилизации и варварства** (как ее оборотной стороны, неизменной и неизбежной спутницы). Иными словами, и при обязательном учете дифференциаций, разнообразия типов и форм цивилизации, философский интерес (по самой его природе) сконцентрирован на определении, выведении *всеобщих аспектов, измерений цивилизации*, иными словами, измерений общечеловеческих, то есть протянувшихся через всю историю и так или иначе затрагивающих все регионы Земли, все страны и народы. Отдаю себе отчет в том, что такой интерес подстегнут, стимулирован за-

тронувшим весь современный мир осознанием того, что человеческая цивилизация — при всем своеобразии ее образований, исторических стадий — по сути своей универсальна, глобальна. Но и пониманием того, что противоречия цивилизации всего страшнее и нагляднее воплощающиеся в выбросах, вспышках современного варварства, сегодня угрожающих гибелью всему миру современного человечества и даже грозящих разрушениями другой обнимающей его «глобальности», ближайшему космосу. Центростремительные и центробежные (относительно сути, ядра, единства цивилизации) тенденции всегда были в истории. Но сегодня их противоборства в самой исторической реальности и дихотомия, разрыв, противопоставление их друг другу в умах, душах людей, а также на уровне абстрактных теорий опасно, как никогда в истории.

В последующих разделах книги, при разборе более конкретных проблем цивилизации и варварства, будут делаться ссылки на самую разную, не обязательно философскую литературу. В частности, на журналы, альманахи, в которых достаточно глубоко и живо анализируются самые различные актуальные проблемы современности. Я провела своего рода «контент-исследование» довольно значительного массива публикаций с точки зрения того, употребляется ли и в каком смысле применяется понятие цивилизации, есть ли в них признаки цивилизационного анализа. (Конечно, мое исследование не было ни строго-социологическим, ни репрезентативным). Результат вкратце таков: во-первых, слово «цивилизация» употребляется весьма редко; во-вторых, если оно употребляется, то усилия *понятийного* прояснения с ним не связаны; в третьих, при теоретическом осмыслении или практическом решении актуальных проблем тем более не осуществляется сколько-нибудь связный, *теоретически обоснованный системный цивилизационный анализ*. (В последующих разделах и главах это будет наглядно продемонстрировано).

В связи с предложенным в тексте 1991 г. определением основных характеристик цивилизации как таковой (цивилизационного «всеобщего») и с развернутыми в дальнейших главах книги исследованиями цивилизации хочу сделать и такое существенное уточнение. Дело в том, что выделенные черты и характеристики давно фигурируют и исследуются в социальной философии, а также в других гуманитарных дисциплинах, причем очень часто безотносительно к понятию и концепции цивилизации. Так, о воздействии на природу и экологических кризисах, о разделении труда, о товарном производстве и обмене и других характеристиках социального действия и взаимодействия написаны горы книг, сказаны миллионы слов. Зачем же, спросят, еще раз повторять их — теперь «под зонтиком» понятия «цивилизация»? Мой ответ на подобные, вполне резонные сомнения, недоумения, возражения вкратце таков.

1. Отмеченные черты, характеристики социально-исторического бытия, развития истории отличаются именно тем, что начиная с определенного периода (после переходных стадий, оставшихся в очень давней истории) они становятся *универсальными структурами жизнедеятельности людей*. Универсальными в том смысле, что (в то или иное время истории, с той или иной последовательностью, в том или ином «объеме», с теми или иными противоречиями, трудностями, даже откатами) имеют тенденцию стать *трансрегиональными*, т.е. захватывать *все* страны, регионы мира и оставаться, по крайней мере, на «обозримое» время, также и *трансисторическими* формами жизнеустройства человечества. Как раз для общего обозначения *трансисторической и трансрегиональной универсальности таких форм и придуманы слова «человеческая цивилизация», или просто «цивилизация»*. И если в принципе можно (до поры до времени) описывать, изучать их, не прибегая к этому понятию, то на какой-то стадии

развития социальной философии становится необходимым обратиться к понятию цивилизации как к универсальной социально-философской категории.

2. Напомню также о том, сколько вреда уже принесло «отвлечение» от реально-исторической и понятийно-теоретической связи упомянутых явлений, характеристик именно с цивилизацией. Так, *кардинальная ошибка*, сделанная и в утопических теориях, и в длительной — вспомним: сугубо насильственной и потерпевшей крах — практике «отмены» частной собственности коренилась в том, что *этот социальный «институт» не осмысливался как неотъемлемая — с «определенного» времени — структура всей человеческой цивилизации*, приспособленная к жизни, устремлениям реального действующего лица истории, индивида, — а значит, как структура, которую не просто ошибочно, но поистине губительно «отменять», ибо целиком «отменить» ее можно только вместе с гибелью цивилизации. Более того, все теории и практики, нацеленные на такое *антицивилизационное насилие*, имели своей обязательной предпосылкой, идейной, социально-психологической, административно-управленческой почвой перевод «стрелок» социального развития с общецивилизационной столбовой дороги в тупик идеологических чисто формационных «экспериментов», которые пришлось дорого оплачивать соответствующим странам и народам. Причем оплачивать не только в сам период осуществления такого рода тупиковых экспериментов, но и тогда, когда — по неотменимым цивилизационным законам — возвращение на столбовую дорогу все же происходит, но неизменно оказывается болезненным и уродливым. Россия и другие страны, в которых как раз и пытались «победить» законы цивилизации, узнала все это на своем очень горьком опыте — опыте прошлого и настоящего.

Примерно то же можно сказать о других в концентрированной (типологической) форме выраженных чертах цивилизации. И их еще и сегодня воспринимают, трактуют в неких частных, а не всеобщих-цивилизационных формах. О том, как это ошибочно и сколь опасно, повествует вся дан-

ная книга. Так, типичная идейная платформа для дискуссии между «Востоком» и «Западом», «Севером» и «Югом» сегодня выглядит так, будто есть продвинутые страны, от которых должны исходить поучающие, а если надо — и карающие действия, и страны, долженствующие стать покорными учениками во всех социальных делах. Противоположная идеология не менее наступательна и агрессивна: «мы», т.е. страны и народы, ввергнутые в нищету, отомстим за нее и покараем «Запад», «США» и т.д. И хотя в таких столкновениях и спорах нередко упоминаются слова «цивилизация», «цивилизованные» (соответственно — «нецивилизованные») страны, здесь нет и следа действительно цивилизационного подхода и грамотного оперирования понятием цивилизации. Ибо кризисная ситуация современности — плоть от плоти *общецивилизационного кризиса*, находящего не только разные, но и в принципе сходные проявления в отдельных странах и регионах. И выходить из кризиса сегодня надо на путях *согласованной, именно общецивилизационной работы*. Однако проблемы далеко не всегда осмысливаются, формулируются, решаются именно в терминах и в рамках цивилизационного подхода.

В этой книге читатель найдет самый разнообразный материал, с разных сторон иллюстрирующий следующий общепризнанный тезис: в силу нерасторжимой связи единичного — особенного — всеобщего (здесь: в ее отнесении к историческому опыту отдельных стран и народов, регионов и опыту всего человечества) забвение, подавление не только особенного, но и всеобщего чрезвычайно опасно. А сегодня — даже смертельно опасно для человечества. И дело ведь не только в опасностях. *Цивилизационный теоретический анализ и умение практиков, политиков мыслить и действовать в его терминах дают именно сегодня особые преимущества*. Я бы сказала резче: будущее — за теми странами, регионами (соответственно — социальными группами, партиями, их лидерами), которые научатся формулировать, решать свои, в том числе самые конкретные (единичные, особые) пробле-

мы в принципиальной увязке с актуальными запросами всей человеческой цивилизации — то есть, говоря философски, с учетом всеобщего, именно цивилизационного измерения. А также и с учетом тех отклонений от смысла, «телоса» цивилизации, которые теоретически суммируются в проблематике *варварства* как оборотной стороны цивилизации. (О более конкретном, российском звучании этой же темы см. разделы этой книги, специально посвященные России). Отсюда — дополнительный акцент: из всех частей человеческой культуры философия всего больше приспособлена к «творению», осмыслению и преобразованию всеобщих смыслов, парадигм — в данном случае парадигм цивилизации. Значит, именно сегодня снова бьет час философии.

Насколько философы сумеют ответить на этот вызов истории и насколько общество, в частности, в России, сумеет к ним прислушаться — вопрос столь же открытый, сколь и тревожный.

РАЗДЕЛ II. ВАРВАРСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава первая. Варварство — общесторическая предпосылка и спутник цивилизации⁸

Отечественная и зарубежная литература по проблемам современной цивилизации — это своеобразная арена острых дискуссий и разногласий, касающихся определения цивилизации, ее сути, противоречий и перспектив развития. Но есть по крайней мере один общий тезис, под которым готовы подписаться многие историки, социологи, философы, работающие ныне над цивилизационными проблемами. Он носит характер своего рода приговора: в протекшей до сих пор истории то, что именуется варварством, было не только исторически начальным, оставленным далеко позади состоянием человеческого общества. И после возникновения цивилизации, гласит этот приговор, варварство неизменно оставалось спутником, оборотной стороной цивилизации, означая ее «саморазрушение»⁹; даже и в новое время, эпоху «модерна» (*Modernität, modernity*) историческое развитие «неминуемо порождало ... новое, более рафинированное варварство»¹⁰. Более того, риск варварства, его наиболее бурные всплески пришлось на недавно закончившийся XX в. с его самыми массовыми в истории уничтожениями миллио-

---

⁸ Здесь представлены доработанный текст пленарного доклада, сделанного на Всероссийском философском конгрессе 2005 г., а также вопросы слушателей и ответы на них.

⁹ *Offe C.* Moderne «Barbarei»: Der Naturzustand im Kleinformat // *Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts.* Fr./M., 1996. S. 263.

¹⁰ *Giesen B.* Die Struktur des Barbarischen // *Modernität und Barbarei.* S. 118.

нов людей, с двумя мировыми войнами. Рецидивы варварства, как полагают исследователи, не исключены и в будущем, если до сих пор сохраняющаяся, при всех изменениях, «программа модерна» не будет подвергнута человечеством коренному изменению. Забегая вперед, скажу, что я в принципе согласна с этим тезисом-приговором. Отмечу также, что в ряде своих работ последнего времени я пыталась встроить тему варварства в разработанную мною ранее концепцию цивилизации¹¹.

Но просто утвердить, так сказать, застолбить общий тезис для философа далеко недостаточно. И для теории, и особенно для практики в высшей степени важно раскрыть и доказать его, что я и попытаюсь (по необходимости кратко) сделать в этом докладе. Сначала о понятийной стороне дела.

О сути варварства — в связи с понятием цивилизации

Известно, что в большинстве концепций цивилизации, разрабатываемых историками, философами, социологами, понятия «цивилизация» и «варварство» употребляются как соотносительные, зависящие друг от друга, но и как противоположаемые друг другу. Для этого есть все основания. Исторически новое и в масштабах истории относительно «молодое» состояние общества, обобщенно именуемое цивили-

---

¹¹ См.: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и цивилизованность // *Мотрошилова Н.В.* Рождение и развитие философских идей. М., 1991. С. 18–39; *Она же.* Варварство как оборотная сторона цивилизации // *Наука, Цивилизация.* М., 1999. С. 256–269; *Она же.* И снова о варварстве как оборотной стороне цивилизации — применительно к России // *Человек. Наука. Цивилизация.* М., 2004. С. 764–777. Применение концепции цивилизации к анализу античной философии и культуры. См.: *Мотрошилова Н.В.* Работы разных лет: Избр. ст. и эссе. М., 2005. С. 72–138. К слову: меня очень огорчает то, сколь медленно отечественные философы, в том числе и специалисты по социальной философии, откликаются на эту важную и актуальную тематику, весьма популярную в зарубежной мысли.

зацией, в трудах и муках рождалось из тех куда более длительных, уходящих в бесконечные дали истории процессов становления рода Homo Sapiens, которые получили, прежде всего у историков, обобщенное название «варварства». При исторической изменчивости, неоднозначности употребления этих понятий (при том, например, что слово «цивилизация», употреблявшееся с XVIII столетия вошло в широкий обиход гуманитарной культуры только в XIX в., хотя сам феномен цивилизованности в противостоянии варварству под другими названиями осмыслялся уже в глубокой древности), — при всем том представляется оправданным и сегодня положить в основу исходного понятийного различения, сопоставления, но также и связывания цивилизации и варварства некоторые основные признаки — критерии. Главное я вижу в следующем. *«Варварством», во-первых, целесообразно именовать уже обозначенные ранее поистине бесконечные по своей длительности процессы исторического становления человека и человечества, в ходе которых природно-биологические предпосылки, механизмы, стимулы, следствия жизнедеятельности рода Homo Sapiens были — сначала — единственными, а потом не единственными, но все же господствующими.* «Цивилизация» — понятие, (с XIX в. и по сегодняшний день) принятое для обозначения того значительно более краткого, чем варварство, последующего этапа человеческой истории, когда постепенно возникают, а затем становятся в принципе (но только в принципе!) превалирующими механизмы, которые В.С.Степин кратко называет «надбиологическими программами человеческой деятельности». Но весь драматизм, вся непредсказуемость человеческой истории состоит в том, что и после возникновения, многотысячелетнего функционирования таких программ характерные для эпохи варварства механизмы детерминации и поведения человека не исчезают полностью ни из жизни индивидов, ни из исторической практики человеческого общества. Они сохраняются в виде некоего «наследственного кода», который и на уровне

индивида, и на уровне общественных систем проявляет свое действие, причем нередко становится исходной причиной взрывов, всплесков варварства — и не только, так сказать, на обочине, но и на самой «столбовой дороге», в центре цивилизации. Вот почему, как я думаю, в случае таких всплесков можно и даже нужно вести речь именно о рецидивах варварства, т.е. о «наследственных болезнях» индивидов, обществ, самой истории, которые пока что не в силах преодолеть, предотвратить, а может только смягчить еще относительно молодая (в масштабах мирового времени) и, как видно, уникальная, не опирающаяся ни на какой другой опыт человеческая цивилизация.

Одновременно, во-вторых, варварством целесообразно именовать также и совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, сущностных признаков (если хотите, «телоса») цивилизации и цивилизованности. И отличаются особенно грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззащитным попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизационных принципов и норм, недостойным человека одичанием, скотством, да и другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству. И таких откатов в истории цивилизации — великое множество.

Отсюда вытекает несостоятельность контрадикторного противопоставления и прославления цивилизации как некоего при всех условиях более «прогрессивного» исторического восхождения общества или, наоборот, приукрашивания доцивилизационного, «естественного» состояния как, якобы, «простой гармонии» человека и природы, к которой следовало бы вернуться человечеству.

Далее я попытаюсь конкретнее расшифровать и противостояние, и — увы! — неразрывность цивилизации и варварства, имея в виду лишь отдельные, но, по моему мнению, коренные их признаки, которые мы можем обнаружить уже

в зрелой человеческой цивилизации, включая ее современное состояние. На первый план выходит тема отношения человека к природе.

Отношение человека к природе с точки зрения проблемы цивилизации и варварства

Чисто животное, а потом уже и примитивно-человеческое, *варварское отношение к природе* означает ничем не сдерживаемое потребление ее даров и хищническое использование ее условий, крайним следствием чего становится некомпенсируемое расхищение природных богатств, накапливаемых тысячелетиями и столетиями, *насилие над окружающей средой, в конце концов делающие ее непригодной для обитания как человека, так и других живых существ*. Цивилизация означает возникновение такого исторического способа жизнедеятельности, при котором практически внедряются и отчасти соблюдаются хотя бы элементарные нормы восстановления, сохранения, обогащения даров природы и облагораживания природной среды человеческого обитания. Переход к такому состоянию в отдаленнейшей истории означал спасение человеческого рода от гибели, которая, скорее всего, неминуемо ожидала бы его при безраздельном господстве регулятивов варварства. Благодаря переходу к цивилизации, т.е. собственно, хотя бы к элементарным надбиологическим программам деятельности, возникло определенное сдерживание напора чисто биологических механизмов расхитительского потребления природных даров. И возникло, если хотите, перемирие, возник баланс в прежде крайне воинственных, сиюминутно-ориентированных агрессивных отношениях человека к природе, переплетенных, кстати, с огромным страхом перед нею. Но в том-то и дело, что конкретно-исторические формы поддержания такого баланса отражали постоянное противоборство только возникших, слабых механизмов цивилизации и совсем не ис-

чезнувших, в чем-то более «удобных» для человека регулятивов варварства в отношениях с природой. Подчас думают, что экологические кризисы — сугубо современное явление. Но на деле движение цивилизации через перманентное порождение экологических кризисов — характерная ее черта. Не о таком ли древнейшем экологическом кризисе говорится в поэме Тита Лукреция Кара «О природе вещей»:

«Да, сокрушился наш век, и земля до того истощилась,
Что производит едва лишь мелких животных, а прежде
Всяких давала она и зверей порождала огромных...
Да и хлебов наливных, виноградников тучных она же
Много сама по себе сотворила вначале для смертных,
Сладкие также плоды им давая и тучные пастбы, —
Все, что теперь лишь едва вырастает при нашей работе:
Мы изнуряем волов, надрываем и пахарей силы,
Тупим железо, и все ж не дает урожая нам поле, —
Так оно скупо плоды производит и множит работу».

Временные исторические перемирия в отношениях с природой то и дело сменялись экологическими войнами, которые периодически развязывало человечество — и оно делало это тем упорнее и интенсивнее, чем бóльших научно-технических успехов ему удавалось достигнуть. Но в эпохи перемирий механизмы цивилизованности все-таки толкали к тому, что в наиболее богатых, благополучных странах природная среда облагораживалась, обогащалась, благоустраивалась — как это сделали еще древние греки, превратившие свой прежде дикий, засушливый край в цветущую землю с прекрасными городами, гаванями, поселениями или как это происходило в новое время или происходит в нашу эпоху в европейских, а теперь и в азиатских странах, превративших и превращающих свои регионы в достойную человека среду обитания. Однако и в них мощное освоение природы с помощью техники и науки именно сейчас обернулось *невиданным по своим масштабам и к тому же — впервые в истории — глобальным экологическим кризисом*. Наша прекрасная планета покрылась язвами экологического варварства. Надо чет-

ко сказать: таково неизбежное и страшное следствие экологических войн, которые столетиями вела и еще и сегодня ведет человеческая цивилизация. Это также следствие идеологии господства человека над природой, к выработке и утверждению которой, увы, причастна и философия. Ведь это Декарт говорил, что люди «должны сделаться *хозяевами и господами природы*»¹². Конечно, такая идеология могла возникнуть только в эпоху относительно зрелой цивилизации с ее невиданными при варварстве возможностями воздействия на природу. Но ее сближало и сближает с варварством *насилие над природой, бездумное, даже самоубийственное пренебрежение последствиями такого насилия*. Именно принцип *покорения природы, господства* над нею, явочным порядком принятый во всей истории цивилизации, сегодня со всей очевидностью обнаруживает свою историческую несостоятельность.

Казалось бы, сказанное очевидно, многократно признано и повторено. В самом деле, об экологическом кризисе и других глобальных проблемах в отношении природы не говорит только ленивый. Однако фактическое состояние дела вызывает крайнее беспокойство. Ведь за дымовой завесой болтовни об ухудшающемся состоянии экологии бал в современном обществе правит, если можно так выразиться, коллективный и в то же время индивидуализированный сатана экологического варварства. Идет чреватое гибелью человечества опасное «соревнование» пока мощного экологического варварства и еще слабых ростков, механизмов нового экологического сознания, требующего не только выработки, но и массового соблюдения принципов экологической цивилизованности в каждом шаге человеческой жизнедеятельности. Необходимо также со всей определенностью подчеркнуть: экологические войны только по форме суть враждебно-господские отношения человека к при-

---

¹² Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 305 (курсив мой. — Н.М.).

роде. По содержанию же это поистине самоубийственные, варварские «военные действия» человеческих индивидов и общностей против самих себя, а также против будущих поколений, т.е. собственно, против своих же детей, внуков, отдаленных потомков. А здесь — в отношении человека к другому человеку, к самому — и пролегает главный водораздел между цивилизованностью и варварством.

Отношение человека к человеку в свете проблемы цивилизации и варварства

Цивилизованное сознание, действие, взаимодействие индивидов и социальных общностей, если они в самом деле имеют место, отличаются от варварских целым рядом черт и признаков, о которых теперь и пойдет речь. И снова скажу о том, что считаю главным.

Формы, парадигмы и результаты цивилизованного действия в принципе, *по сути, объективно* имеют созидательный, конструктивно-творческий характер. Даже независимо от того, насколько сам отдельный индивид осознает это, он, будучи включенным в цивилизованные системы и программы, создает, продуцирует нечто, что доступно продуктивному использованию, обогащению, преобразованию со стороны современников и потомков. И что, как правило, поступает в оборот совокупного действия человечества, перешагивая границы стран, регионов, исторических эпох. Результаты и достояния цивилизованного действия — это вещи, предметные ценности вместе с воплощенными в них приемами освоения, сами идеи, нормы, принципы общения. Они имеют — в принципе и тенденции — общечеловеческий характер (особенно тогда, когда направлены на поддержание и обогащение мирной человеческой жизни, а не на ее уничтожение). В общей форме можно утверждать: *созидательность, добровольность, сознательность, конструктивность, продуктивность, историческая перспективность* — вот

зримые опознавательные знаки среза цивилизованности в мирной жизнедеятельности индивида, социальных общностей, стран. В процессе формирования, поддержания и развития цивилизации должны были возникнуть такие механизмы и принципы взаимообмена деятельностью, о которых писал еще великий Аристотель: «общественные отношения, имеющие дело с обменом, поддерживаются именно этим видом справедливости, воздаянием равным, которая имеет в виду пропорциональность, но не равенство, ибо каждому воздается пропорционально его деятельности..., а государство именно и держится такими взаимными услугами ... в том и состоит специальное устройство благодарности, чтобы получивший одолжение не только отвечал услугой, но и сам начинал с одолжения»¹³. В этом замечательном тексте хорошо описанный, хотя и выражаемый в иных понятиях *механизм цивилизованности, т.е. социальной взаимности действия*, тесно объединен с этическими аспектами. И в самом деле, цивилизация в принципе нацелена на создание объективных механизмов человечности, о которых со своей, уже субъективно-нравственной стороны, с древнейших времен заботятся этика и религия. Благодаря достаточно длительной работе таких механизмов индивиды, их сообщества, целые страны вырабатывают *исторические привычки цивилизованного действия*. Ибо они убеждаются: практически выгодно и одновременно нравственно, благородно не посягать на жизнь, здоровье, человеческое достоинство других людей, не замышлять против них враждебных, бесчеловечных, немилосердных действий. Более того, практически выгодно (для себя, своей общины, своей страны, т.е. для себя и своих ближних) оказывать услуги «дальним», добросовестно, сознательно, без принуждения выполнять свои социально значимые функции и обязательства, в чем бы они ни состояли. Они ожидают того же и от других людей, — и чем цивилизованнее страна, тем больше их ожидания оправдываются.

---

¹³ Этика Аристотеля. СПб., 1908. С. 91.

Особо отмечу: именно благодаря таким внутрииндивидуальным механизмам, а также (в меньшей степени) под влиянием общесоциального контроля в цивилизованных странах создается возможность (конечно, никак не стопроцентная) предотвращения самых крайних разрушительно-насильственных действий и их результатов, угрожающих жизни, здоровью, достоинству, собственности, правам и свободам людей. И это видно, что называется, невооруженным глазом: ухоженные, красивые жилища, поселения; (относительная) безопасность повседневной жизни; все более массовое использование научно-технических достижений цивилизации и высокий престиж знания, науки, рациональности, здравого смысла; превалирование порядка, организованности, закона, правоохранения в совместной, в том числе государственной жизнедеятельности людей; высокий трудовой эмос, гарантированное качество продукции и многое, многое другое.

Цивилизация и цивилизованность в моем понимании не тождественны культуре в узком значении этого термина — как сфере созидания идеальных смыслов. Но они тесно соединены с культурой в широком смысле — как высоким качеством жизни, труда, общения, как высокой эффективностью и глубокой интериоризацией ценностей, норм совместного бытия людей.

Итак, *ключевые слова, характеризующие цивилизацию*: равная мера свободы и ответственности, социальный контроль, порядок, безопасность во всех сферах деятельности и повседневного бытия; действенный закон, право и правоохранение; сознательность, конструктивность, эффективность деятельности индивидов, их ориентация и на индивидуальный интерес, и на общие цели; высокое качество форм, средств коммуникации — дорог, транспорта, связи; достойная повседневная жизнь согласно критериям комфорта, чистоты, благоустроенности, красоты; забота о детях, старых и слабых и многое, многое другое. Все это всегда бывает помножено на коэффициент длительного исторического вре-

мени, ибо нигде и никогда не возникает в одночасье, как бы по мгновению волшебной палочки, а образуется в результате сложения усилий многих поколений людей.

Теперь возьмите эти черты, признаки, особенности с отрицательным знаком — и вы получите обобщенные характеристики форм варварства как оборотной стороны цивилизации. В ряде стран и сегодня царят такие зримые признаки варварства, как разруха — дома, целые поселения без воды, отопления, электричества, доведенные до антисанитарии, варварства, немыслимых для современного мира; это подделки товаров, и часто очень опасные для жизни (скажем, массовая подделка лекарств или деталей для самолетов, или алкоголя в сильно пьющей стране); это грандиозные обманы, аферы, мошенничество в массовых масштабах на фоне удивительного легковерия населения и полной безнаказанности мошенников и аферистов; это общий разгул преступности с чудовищными по своему цинизму преступлениями; это культ бандитского образа жизни, его языка и символов; это массовая коррупция правоохранительных органов; это издевательское, наплевательское отношение к людям знания, науки и подлинной культуры — вместе с культом подделок под искусство, пошлость, наглость в средствах массовой информации; это миллионы беспризорных детей при живых родителях и опять-таки очень, очень многое другое, чего просто нельзя не заметить. В таких странах неизбежно и такое цивилизационное следствие: когда после столетий несвободы и десятилетий тоталитарной власти завоевывается свобода от непосредственного насилия и принуждения, то она почти неизбежно используется именно варварски, приводя к еще большим контрастам богатства (как правило, нажитого неправыми и неправовыми путями) и унижительной нецивилизованной нищеты, к особенно оголтелой коррупции, к беззастенчивому попранию закона и права, к поистине варварскому выхолащиванию всех формальных цивилизационных механизмов. Примеры — рынок, который далек от цивилизованности и превращается в кри-

минальный сговор сильных и наглых или демократия, механизмы которой также наполняются нецивилизованно-криминальным, по сути своей антидемократическим содержанием. И еще одно важное обстоятельство. В цивилизованных странах — несмотря на многовековое функционирование государственных структур — отношения между этими структурами и гражданами государства отнюдь не безоблачны. Однако их взаимодействия постоянно совершенствуются и находятся под контролем гражданского общества. Что касается отношений государства и граждан в нецивилизованных странах, то тут впору вспомнить о временах варварства: государство, т.е. конечно, в лице его коррумпированных чиновников, неповоротливых институтов, буквально воюет против своих граждан, обирая, унижая, притесняя их, предельно бюрократизируя необходимые процедуры и изобретая ненужные препоны. Неудивительно, что граждане отвечают государству, властям тотальным недоверием, враждой, обходя, где только можно, установления и препоны, в том числе разумные и необходимые. Граждане, рядовые и нерядовые тоже, увы, используют любую возможность ограбить государство, не подчиниться законам, подкупить чиновников и т.д.

Хочу особо сказать о языке. Язык вообще, национальные языки в частности и в особенности — такие средства цивилизации и цивилизования, средства объединения народов и регионов в единую, именно цивилизационную целостность, историческая значимость которых вполне очевидна. По причинам, вникать в которые здесь не место, но которые, безусловно, являются объективно-историческими, в разные исторические эпохи те или иные языки выполняют роль языка (языков) международного общения. Так было с греческим и латынью в эпохи древности и средневековья. Подобным образом обстоит дело в наши дни с английским и русским языками. С английским языком дело кажется вполне ясным: на многих уровнях, в том числе и на техническом, к нему прибегают сейчас сотни миллионов людей. Но

ведь для многих стран и народов и русский язык — язык великой культуры — к XXI в. стал языком общения, причем не только с русскими (что уже немаловажно), но и между другими народами. Так сложилось, что на русском языке ныне могут общаться между собой казахи, узбеки, таджики, латыши, литовцы, украинцы и другие народы бывшего СССР. А потому обусловленная неумной политикой борьба против русского языка в некоторых частях постсоветского пространства — это пусть и понятная в своих истоках, но по сути своей антицивилизационная агрессия против ни в чем не виноватого духовного средства. Ведь знание языка великой культуры — особая историческая удача, пренебрежение которой противоречит здравому смыслу.

Рецидивы варварства в условиях зрелой (в масштабах истории) цивилизации означают, что упомянутые ранее механизмы, формы и принципы в той или иной стране, в тот или иной период истории либо не стали действенными, массовыми, либо под влиянием целого комплекса причин оказались вытесненными на периферию социального действия. Нельзя также забывать, что в случае цивилизации речь идет, о чем справедливо писал Кант, только о социальных, правовых, нравственных *формах* действия, правда, первостепенно важных, но способных наполняться самым различным и часто противоречивым конкретно-историческим содержанием. В эти формы вполне могут вселяться варварские цели, побуждения, идеи, привычки. И тогда на общество обрушиваются стихия, анархия, насилие, вражда — и разражается, как писал М. Мамардашвили, «партизанская война всех против всех», от которой рукой подать до революций, гражданских и мировых войн. Особая опасность такого «цивилизованного варварства» в том, что варварство лицемерно, но подчас очень ловко рядится под цивилизованность, использует цивилизационную терминологию, прикрывается формами права, демократии, свободы.

Было бы совершенно неправильно трактовать ранее сказанное о преимуществах цивилизации и цивилизованности в том духе, будто есть некие первоклассные и безупречные

центры цивилизованности, демократии, страны или группы стран, которые должны якобы поучать нецивилизованные или недостаточно цивилизованные страны и, если понадобится, применять в отношении них вооруженное насилие. В подобной идеологии, которая вот уже целые века «обслуживала» и обслуживает колониалистскую, имперскую, милитаристскую политику, политику борющихся блоков, заключено разительное внутреннее противоречие: ведь (по видимости) цивилизационные, цивилизаторские цели предполагалось и предполагается осуществлять посредством самого крайнего военного насилия, т.е. именно варварскими методами. Противоречие, о котором идет речь, отнюдь не случайно — оно заключено в самом основании человеческой цивилизации в том ее виде, в каком она реально развивалась и развивается вплоть до настоящего времени.

Дело в том решающем обстоятельстве, что вся до сих пор протекшая человеческая история (и варварства, и цивилизации) неизменно развивалась под одной общей рамкой, или всеобщей пока что формой господства — подчинения, которую Гегель в «Феноменологии духа» гениально описал в качестве обобщенно понятых отношений Господина и Раба. Вряд ли требуется специально доказывать, что ни одна локальная цивилизация, ни одна эпоха в цивилизационном развитии, ни один социальный строй и порядок не были исключением из этого печального исторического правила. Правда, за последнее столетие (при всем его неблагополучии) по крайней мере одно цивилизационное завоевание имело место: контраст крайнего богатства и бедности, о котором как об общей черте истории писал Гегель в «Философии права», во второй половине XX в. в ряде стран (но, увы, не во всем мире) был смягчен благодаря существенному улучшению жизненного уровня все более массовых средних слоев. Но даже в наиболее благополучных странах, не говоря уже о бедных государствах, упомянутый контраст не преодолен. А вот в бедных странах, вступивших на путь капитализации, *контраст несправедливого, кичливого, наглого богатства и край-*

ней нищеты выглядит особенно варварским. И ведь есть еще обостряющаяся проблема цивилизационного раскола крайне богатых и крайне бедных стран, усугубленная противостоянием культур, вероисповеданий, ценностей. В ближайшей исторической перспективе вряд ли возможно надеяться на устранение всех этих расколов и возникновение другого типа цивилизации. Однако по крайней мере одно можно констатировать: тип цивилизации, не способный устранить крайние милитаристские, террористические, криминальные и другие насильственные формы господства и подчинения, исторически изживает себя. Это происходит по той простой причине, что в современном мире (а он, как известно, начинен оружием массового уничтожения, охвачен постоянными техногенными катастрофами, экологическим кризисом, национальными, конфессиональными столкновениями) господство и подчинение, грубое насилие *впервые в истории* создают *вполне реальную опасность* гибели человечества, планеты Земля, т.е. гибели самой цивилизации. *А ведь суть и замысел цивилизации состоял именно в выживании человеческого рода, в сохранении целостности и непрерывности его истории.*

К сожалению, в истории цивилизации как в прошлом, так и в настоящем, доминировал еще один механизм, только сегодня обнаруживший смертельную опасность для человечества. И механизм, тоже коренящийся в варварстве. Это преимущественная ориентация конкретных индивидов, стран, их объединений на собственные и ближайшие интересы и (при всех разговорах о целях, интересах человечества, которые стали особенно громкими в эпоху глобализации и создания Европейского союза) как раз пренебрежение долгосрочными перспективами, интересами общечеловеческого бытия, цивилизации в целом. Индивиды, группы, страны, действительно определяющие сегодня мировую политику и как будто бы опирающиеся на демократический мандат доверия в своих странах и международных союзах, продолжают действовать с позиции силы и насилия, скола-

чивают военные блоки, поддерживают выгодные им режимы в других странах, способствуют гонке вооружений и невиданным прежде масштабам продажи оружия. Одним словом, дело защиты и сохранения цивилизации в современном мире ведется при фактическом пренебрежении (со стороны наиболее активных, влиятельных индивидов) беспрецедентными опасностями, ведущими к полной и безвозвратной гибели цивилизации, уничтожению человеческого рода. Я убеждена, что современное человечество пока в полной мере не осознало и не признало, что история господства — подчинения, несмотря на огромные цивилизационные достижения, находится в самом опасном из всех своих исторических кризисов. Единственную надежду на будущее я вижу, пожалуй, в том, что эта цивилизация и раньше двигалась через перманентные и очень глубокие кризисы и жертвуя, полностью или частично, какими-то локальными цивилизационными образованиями, все-таки умудрялась сохранять историческую целостность человечества.

Post Scriptum 2007 года

В сжатом тексте представленного доклада было невозможно дать подробное обоснование и разъяснение представленных идей, тезисов, формулировок. Это обоснование читатель найдет в последующих главах и разделах.

Ответы на вопросы

Вопрос: Среди специалистов в области антропосоциогенеза общепризнано, что постановка биологических детерминант поведения под социокультурный контроль — сущность и основное содержание антропосоциогенеза. Вы оспариваете этот тезис? Или Вы распространяете антропосоциогенез и на эпоху варварства?

С уважением — Б.С.Шалютин

Ответ: Благодарю за вопрос. К сожалению, в моем кратком докладе я была вынуждена полностью исключить этот, в принципе очень важный, но весьма специальный аспект темы.

Что касается сформулированного Вами тезиса, то в целом и в принципе я его не оспариваю. Однако вношу в него по крайней мере два существенных уточнения.

1. Исторически эпоха древнего варварства и та, которую (условно) именуют антропосоциогенезом, не отделены друг от друга резкой гранью (как это иногда получается в исторических и философских сочинениях), а связаны весьма длительными переходными этапами. И уже в эпоху «позднего» варварства появляются зачатки надбиологических регуляций, которые при варварстве по понятным причинам еще не могут стать господствующими.

2. Как видно из моего доклада, меня особо интересует варварство как оборотная сторона цивилизации, т.е. его всплески в эпоху (относительного) господства надбиологических программ в деятельности индивидов рода *Homo Sapiens*. Иными словами, и здесь я не провожу резких разграничительных линий между цивилизацией (в том числе стадией антропосоциогенеза) и варварством — и не делаю этого прежде всего потому, что они (к сожалению!) переплетены во всей до сих пор протекшей реальной истории человечества.

3. Отсюда очень интересный и мало исследованный *философский* вопрос: как в сознании и деятельности отдельных индивидов (соответственно в структурах группового сознания, в «духе народов», *Volkgeist*, в культуре различных локальных цивилизаций) бывают переплетены мотивы, стимулы, ценности цивилизации, цивилизованности, с одной стороны, и варварские по своей сути (хотя и испытавшие влияние цивилизации) регулятивы, с другой стороны.

Еще раз благодарю за интересный и важный вопрос.

Вопрос: Что более, на Ваш взгляд, угрожает современному человечеству: экоспазм или кризис системы ценностей, антропологическая катастрофа? Ведь писал же с грустью О.Мандельштам: «Были мы люди, а стали людье...».

Л.Н.Краснопольская. Пушино.

Ответ: Я не стала бы «взвешивать» перечисленные Вами глубоко кризисные явления современной цивилизации на неких весах сравнительной опасности. Тем более что и они, и другие подобные феномены — тесно взаимосвязанные стороны общего цивилизационного кризиса, как раз и находящего свое наиболее страшное выражение во всплесках варварства (по крайней мере) последнего столетия. Ведь кризис системы ценностей — это также интегральная сторона экологического кризиса. Как и наоборот: существование, масштабы, упорная непреодоленность (несмотря на «экологическую болтовню») экологического кризиса — доказательство существенного неблагополучия в ценностном балансе современного человечества, в экологическом сознании и поведении отдельных людей.

А «антропологическая катастрофа»? Разве не означает она, в частности, деградацию сознания, ценностного мира индивидов — посреди повального ценностного, морального, идейного, политического и всякого иного социального лицемерия? Понятие «антропологическая катастрофа», кстати, весьма многозначно и часто остается неопределенным. Я толкую его в смысле М. Мамардашвили, который еще в 70—80-х гг. XX в. с энергией и болью предупреждал о глубине и масштабах этого неизбежного проявления и следствия варваризации жизни и жизнеустройства в современном обществе (См.: *М. Мамардашвили. Как я понимаю философию.* М., 1990. С. 107).

Например, если в нашей стране ежегодно сотни тысяч людей гибнут от алкоголизма или отравляют ядом алкогольной наследственности, уродуют своих детей, если приползла к нам почти без препятствий, в считанные десятилетия (как из «стран нецивилизованных», так и от преступных синдикатов так называемых цивилизованных стран) гидра наркомании, если коренное население страны вымирает, — то это зримые черты именно антропологической катастрофы. И, пожалуй, самое страшное, о чем я уже упоминала: миллионы брошенных детей при живых родителях! Ведь это де-

градация даже не на уровне рода человеческого, а и в отношении инстинктов, «правил» жизни животного мира. Ибо даже животные, как правило, не бросают своих детенышей на произвол судьбы... Снова же: ценностные аспекты из антропологической катастрофы невычитаемы.

Может быть, на фоне сказанного это прозвучит парадоксом, но — при всем моем уважении к Мандельштаму (и при учете контекста его процитированного Вами стихотворения) — я склонна подчеркнуть: многие, многие в России и в других странах не стали «людьем», а сохранились в своих ценнейших человеческих, личностных, т.е. именно «людских» качествах. Миллионы матерей и отцов выполняют свой человеческий долг перед детьми. Несть числа людям честным, ответственным, благородным. Целые «армии» учителей, врачей, спасателей и представителей других профессий повседневно выполняют свой долг вполне ответственно и профессионально. Вряд ли заслуживают упрека ученые, работники музеев, библиотек и т.д., которых наша страна поставила в унизительное материальное положение, лишила социального престижа, но не отвратила от ценностей знания, морали, религии.

Но очень страшно то, что на поверхности российской социальной жизни (например, в деятельности государства, в политике, в средствах массовой информации) не они *реально* находятся в центре внимания и интереса, не они, увы, представлены как образцы для молодых поколений. Деньги, власть, обман, аферы, нажива, кровь, насилие, наглость, пошлость, «пир во время чумы» охамевшего богатства — вот что преподносится населению ежедневно и ежечасно, как основа, стиль, подлинная реальность нашей жизни. И создается ложное, очень опасное впечатление, что народ России целиком состоит из «людья»...

Вопрос: Если я правильно понял, фамилия «Сатаны экологического варварства» — «КАПИТАЛИЗМ»?

Валерий Суханов (МИЭТ).

Ответ: Вы поняли меня неправильно.

Во-первых, как я пыталась показать, экологические кризисы — перманентная черта человеческой истории с тех отдаленнейших времен, когда люди стали оказывать скольконибудь заметное воздействие на природную среду. И когда капитализма еще не было.

Во-вторых, в XX в., в эпоху совсем не мирного «соревнования» социалистических и капиталистических систем первая внесла в «копилку» экологического варварства никак не меньший, а может быть, и больший вклад, чем вторая. Во всяком случае сравнение достигнутых «результатов» убеждает: ни одна страна капитализма не довела среду обитания своего населения до такого безмерного запустения, одичания, как огромная Россия — и уже в эру реального социализма. Вспомните о безнадежно отравленных реках и водоемах, о безнаказанных стоках больших и малых предприятий, о «складах» заржавевшей техники на всей нашей земле, о Чернобыле и многом, многом другом. Поймите меня правильно: я не идеализирую экологическую ситуацию в капиталистических странах и (вместе со многими исследователями) считаю современный экологический кризис именно глобальным. (Существует, конечно, вопрос о том, как и почему «капитализм» как особая экономическая система способствовала и способствует экологическому кризису). Но повторю, что социализм в экологической безответственности не только не отстал от капитализма, но и по многим параметрам «опередил» его. Отсюда, как я думаю, вытекает теоретическое следствие: глубинные причины и проявления экологического варварства — скорее не формационные, а общецивилизационные, в частности, связанные с неразрывным (пока) переплетением цивилизации и варварства.

В-третьих, я хотела бы подчеркнуть моменты вполне конкретной личностной, индивидуальной (соответственно, групповой) ответственности за экологическое варварство в условиях (в принципе) развитой цивилизации. *Ведь у любой большой или малой экологической катастрофы всегда есть, хотела бы это особо подчеркнуть, совершенно конкретные ав-*

торы. Беда в том, что в современных условиях (и опять-таки больше у нас, чем «у них») не существует действенных механизмов обнаружения такого «авторства», придания его гласности и неотвратимости наказания. Сказанное, впрочем, относится если не ко всем, то к очень многим катастрофам, происходят ли они в армии или на гражданке, в воздухе, на море или на суше, случаются ли они в метро, на дорогах, на предприятиях — да где угодно. С террором и террористами всё ясно, хотя их «авторство» куда как часто остается неустановленным и безнаказанным (что в ряде случаев также предполагает «авторство» силовых, правоохранительных структур и их конкретных представителей). Но страшный парадокс, по крайней мере, российской жизни заключен в том, что, с одной стороны, во многих случаях катастроф вполне можно и очень, очень нужно пройти по цепочке вполне конкретной ответственности и контроля, а с другой стороны то, что с ужасающим постоянством это почти никогда не увенчивается соответствующим наказанием — даже если «авторы» так или иначе установлены. Невероятная ловкость, наглость регулярно уходящих от ответственности вполне конкретных особо крупных расхитителей, злостных отравителей среды, виновников замерзания целых поселков, бездарных хозяйственников, мэров городов — это тоже вполне авторская вещь. Авторы — опять же вполне конкретные в каждый данный момент вышестоящие начальники, прокуроры, судьи, правительственные чиновники, президентская администрация, у которых ведь тоже есть всегда зафиксированные сферы и зоны ответственности. Но я уверена, что не менее достойны «авторской известности» матери и отцы, бросающие детей; или злоумышленники, на продажу срезающие провода у собственного поселка; или люди, бросающие со своих балконов горящие сигареты и приводящие дело к пожару и т.д.

Мне могут возразить: это опустившиеся, спившиеся люди. Что им какие-то известность и осуждение. Отвечу: не всем это безразлично. И российская извечная снисходительность (снисходительность соседей, родных, коллег) к «дну»

и даже традиционное оправдание людей каторги, пьяниц, родителей брошенных детей со ссылкой на «объективные условия» — одна из главных причин их одичания.

Вот почему в плане воспитания общественного и индивидуального сознания считаю первостепенно важным настойчиво укоренять в сознании, в образе жизни нашего населения высказанную здесь идею **конкретной индивидуальной и групповой ответственности** (материальной, моральной, правовой) за любое преступление, закрепить ее законодательно и **срочно** создавать, совершенствовать систему государственного, а также гражданского социального контроля за всем, о чем ранее говорилось — за установлением «авторства», за применением закона, за приданием гласности всякого «авторства» в любом варварском деянии, наносящем вред и тем более приводящем к человеческим жертвам. Когда, скажем, в детском доме для глухонемых детей из-за неисправной проводки страшно, по-варварски горят дети, то настоятельно надо найти конкретного, индивидуального и коллективного «сатану» — вышестоящего чиновника (чиновников), руководителей самого этого дома вплоть до нерадивого электрика. И назвать авторов, и сообщить о наказании перед лицом всей страны. Иначе мы, чем дальше, тем больше, будем погрязать в катастрофах, в варварстве, губительных для страны, для всех и каждого. Но ведь варварство — это не только поведение, образ жизни опустившихся нищих, социального дна. Есть еще варварство самых богатых с их глупой надеждой на то, что за высокими заборами и будками охраны они уберутся от варваризации страны. (Отъезд за рубеж — не выход, ибо там им, скорее всего, придется таки отвечать за несправедливо нажитое богатство).

Поэтому — резюмирую — «коллективный и индивидуализированный сатана» экологического (и всякого иного варварства) — это *вполне конкретные и подлежащие установлению, наказанию* индивиды, учреждения, группы. И в данном случае обобщенные ссылки на что-то другое (социальную систему, «объективные обстоятельства» и т.д. — в тео-

рии они необходимы) потому несостоятельны, что на практике они позволяют вывести из-под удара вполне определенных преступников и даже убийц. Ведь не делаем же мы подобного в случае других преступлений: в принципе общество ищет, и найдя, наказывает конкретных преступников. Освободить же от наказания «авторов» особенно социально опасных и масштабных катастроф-преступлений — безнравственно для общества, для индивидов же — просто самоубийственно.

Глава вторая. **Варварство — оборотная сторона** **цивилизации¹⁴**

Будущий историк отечественной мысли 70–80-х гг. XX в. не пройдет, надо надеяться, мимо примечательного факта: немало авторов, подвизавшихся в самых различных областях философского и социологического исследования, именно в это время обратилось к проблемам цивилизации. Конечно, эти авторы как-то влияли друг на друга в своем проблемном интересе, который для тогдашней марксистской мысли был и неожиданным, и неортодоксальным. И все же они скорее спонтанно сошлись на этом общем теоретическом перекрестке, ведомые не заданным планом-маршрутом, а внутренней логикой собственных изысканий, которая причудливо переплелась с траекториями их трудной личностной трансформации в социальных, культурных, идеологических условиях, предшествовавших периоду перестройки.

Выяснение конкретных истоков, причин, деталей этого процесса не входит в мою задачу. Я хочу лишь подчеркнуть, что в число авторов, в те годы активно отозвавшихся на проблематику цивилизации, входил и Вячеслав Семенович Степин. В становлении и развитии этого исследователя отчетливо запечатлелись некоторые вполне интересубъективные линии и пересечения, благодаря которым можно реконструировать внутреннюю теоретико-методологичес-

---

¹⁴ Этот текст был первоначально опубликован в книге «Философия. Наука. Цивилизация», посвященной 65-летию В.С.Степина (М., 1999. С. 256–269).

кую графику философских изысканий — и не только отечественных, и не только относящихся к теории, истории и методологии науки.

Кстати, особая чувствительность В.С.Степина к логике и методологии всякого научного поиска и, возможно, исполненный открытости и искренности рефлексивный темперамент этого ученого привели к тому, что он был среди немногих, кто в своих работах (80–90-х гг.) дал достаточно подробный «мета-отчет» о теоретических, идейных, практических мотивах, побудивших его уже с начала 70-х не ограничиваться специальной философией естествознания и осваивать новые для нее области исследования и анализа. В чем же состояла здесь новизна? Не в самом по себе обращении специалиста по философии, истории, методологии науки к социальным и культурным факторам, ибо после социологии познания и науки, а также на фоне экстерналистской истории науки (которые к концу 60-х — началу 70-х гг. уже добились заметных результатов и оказались довольно основательно проработанными в нашей стране) такое обращение не могло считаться особым новшеством. Да ведь и традиции марксизма, влияния которых в нашей стране вряд ли можно было избежать, делали внимание к «социальной детерминации познания» чуть ли не обязательным идеологическим требованием, исходящим от марксистской социальной философии. Оригинальность и неортодоксальность работы В.С.Степина состояли в другом.

Траектории самостоятельного движения его мысли определялись, насколько я понимаю, следующими основными соображениями. 1) В процессе поиска наиболее релевантных для философии естествознания социальных, культурных, мировоззренческих оснований В.С.Степин уже в начале 70-х гг. пришел к необходимости выявить «семиотические системы, выступающие в функции хранителя, транслятора и генератора социально-исторического опыта» [10, с. 6]. 2) И вот тут он должен был столкнуться с одним из «ключевых изъянов» (термин самого Степина) классической и со-

временной марксистской философии: «в ней не были выявлены функции культуры как способа передачи накопленного социально исторического опыта (надбиологических программ человеческой деятельности), ее роль в организации социальной жизни, в ее изменениях и порождении различных видов общества» [там же, с. 74]. По контрасту интерес В.С.Степина привлекли те блоки мысли XX в., где разносторонне исследовались проблемы культуры и где, как в новейших теориях информации, систем, семиотики, изучались специфические формализмы культуры. Особо важным звеном в этой цепи размышлений В.С.Степина оказалось внимание к неевропейским культурам и их универсальным категориям, к поиску различий и связей между традиционными и нетрадиционными культурами. 3) Интерес к теории культур, к изучению специфики различных культур, к выявлению прогностических функций философского знания в развитии культур, к подытожению мировоззренческого, культурологического значения категориальной работы философии — все это в свою очередь потянуло за собой и переосмысление некоторых философско-исторических парадигм марксизма. На этом пути В.С.Степин логически строгим образом должен был если не открыто пересмотреть формационный подход марксизма (что до перестройки было бы весьма рискованным шагом), то во всяком случае для себя, для своих исследований подвергнуть его своеобразной редукции. А на первый план была выдвинута иная философско-историческая парадигма. Ею и стала (всегда бывшая для марксизма маргинальной) концепция цивилизации — с акцентом на различия традиционного и техногенного типов цивилизации, которую В.С.Степин разрабатывает в течение последних десятилетий. 4) Впоследствии, уже в период перестройки, когда мы, к счастью, обрели возможность открыто и свободно обсуждать не только достоинства и преимущества, но и «ключевые изъяны» марксизма, В.С.Степин оригинально и интересно связал последние с зацикленностью на «приоритетах» и проблемах техногенной цивилизации, ее

развития и предыстории [10, с. 82]. 5) Подробная (и, по моему мнению, теоретически насыщенная, а потому и имеющая богатые перспективы) разработка проблем прошлого, настоящего и будущего техногенной цивилизации (в немалой степени также и тревога за постоянные «выбросы» варварства) привели В.С.Степина к выработке «стратегии ненасилия», которая — в качестве заметного вклада отечественной философии — может подключиться к аналогичным программам, в ходе последних десятилетий предложенным в различных странах мира.

Весьма показательно то, что интересовавший нас здесь поворот отечественной философии к проблематике цивилизации и варварства оказался синхронным с процессами, происходившими в западной философии и социологии. В основной части этой статьи я и обращаюсь к некоторым западным разработкам проблем современной цивилизации, с самого начала акцентируя тему варварства как ее оборотной стороны.

Споры вокруг определения варварства в западной литературе последнего десятилетия

Мы заговорили о временной синхронности новых западных и отечественных исследований интересующей нас темы. Особой интенсивности они достигли сначала на рубеже 80–90-х гг. и теперь, на рубеже XX и XXI вв. Согласно описаниям некоторых специалистов, «великое повествование» эпохи модерна (термин Ф.Лиотара), т.е., собственно, нового времени, было отмечено решительным противопоставлением цивилизации модерна варварству как ее антиподу. Правда, эти специалисты не отрицают, что дихотомия цивилизации модерна и варварства нередко взрывалась и теориями, возникшими в саму эпоху модерна. Ибо противоречия цивилизации последних веков были столь очевидными, что мимо них не могли пройти и авторы прогрессивистских концепций, не говоря уже о критиках цивилизации, в которых в новое

время не было недостатка. И все-таки только в XX в. в философии и социологии нашел общее признание следующий тезис: варварство является не чем-то внешним по отношению к цивилизации, а оборотной ее стороной, неустранимым полюсом многих ее противоречий. Впрочем, доказательство и расшифровка этого тезиса зависит от того, как толкуется понятие «варварство», что в свою очередь обусловлено толкованием понятия «цивилизация». И вот к концу XX в., подводя итог как будто бы постоянным и оживленным дискуссиям вокруг этих понятий, специалисты с удивлением обнаруживают, что они остаются смутными и недостаточно проясненными. Так, углубившись в историю понятий «варварство» и «варвары», немецкий философ и социолог Клаус Оффе, по его собственному признанию, натолкнулся, во-первых, на тот факт, что в специальных лексиконах и словарях эти понятия зачастую отсутствуют, а, во-вторых, и на то, что достаточно редкие объяснения отличаются нечеткостью и двусмысленностью. Тем не менее, К.Оффе — в работе «Современное «варварство»: естественное состояние малого формата?» — суммировал ряд подходов к определению интересующих нас здесь понятий. «В начале их употребления у греков, у Гомера и Геродота, варварами именуется люди иного языка — языковые чужаки, с которыми мы не можем найти понимания ни на их, ни на нашем языке. При этом греки имели в виду обитателей Малой Азии, и прежде всего персов. И поначалу чуждость языка и религиозного культа, этих характеристик образа жизни варваров, не означали чего-то уничижительного — у Гомера и Геродота порой даже можно обнаружить, как установили филологи, своего рода склонность к идеализации варваров» [6, S. 258]. Однозначно негативную окраску слово «варвары» получает во времена Ксеркса и в ходе военной конфронтации греков и персов. С IV в. до н.э. со словами «варварство» и «варвары» начинают прочно ассоциироваться такие определения как дикость, бескультурие, невежество, жестокость, бесчеловечность. Похожее значение этому понятию придавали римляне, до-

бавив еще один важный для них оттенок: варварами именовали жителей провинций Римской империи. Как полагает К.Оффе, в новое время осуществилось лишь «новое открытие» этих древних понятий и понятийных толкований; наиболее интенсивно они использовались во французской социально-философской и политической литературе. Несмотря на столь древние традиции употребления данного понятия, в него до сих пор вкладывают самые различные смыслы.

Проанализировав способы употребления понятий «варварство», «варварский» в 540 книгах, появившихся на различных европейских языках в XIX и XX вв., Оффе обнаружил, что эти понятия равно применяются по отношению к эпохам, феноменам, состояниям, действиям, поведению, стилю жизни и т.д. Многозначность в том и проявлялась, что «варварскими» именовались и целые эпохи (ранняя история человечества, рабство), и сложные, комплексные явления более поздней истории (такие, как колониализм, милитаризм, мировая и гражданская войны, военная диктатура, фашизм, расизм, большевизм, тоталитаризм и т.п.), и отдельные действия государства, общества, социальных групп и индивидов (смертная казнь, полигамия, викторианская сексуальная мораль, дискриминация гомосексуалистов и т.д.). Поэтому К.Оффе высказывает сомнение: «Варварство — не некое [строго] введенное социологическое понятие; и перед лицом этого множества его употреблений возникает вопрос, стоит ли вообще прилагать какие-либо усилия, чтобы повысить его до уровня социологического понятия» [6, S. 262]. Однако сомнение разрешается в пользу дальнейших усилий по прояснению разбираемого понятия. Чтобы добиться большей ясности, надо, согласно К.Оффе, разделить феномены, причисляемые к варварству, на две группы — существовавшие до [возникновения] цивилизации и после ее возникновения. В первом случае «варварство» — чаще всего исторический и географический феномен: оно относится к отдаленнейшим периодам истории или (реже) к некоторым территориям, которые и на более поздних исторических эта-

пах «выпадали» из развития цивилизации. Во втором смысле понятие «варварство» означает «саморазрушение цивилизованности», внезапное нарушение правил и принципов ее функционирования [ibid., S. 263]. В этих случаях нередко говорят о «новом» или «современном варварстве». В итоге своего анализа К.Оффе склоняется к такому определению варварства: «Его результатом является тяжелейшее нарушение символической или физической интегрированности индивидуумов и групп личностей; и мотивация действия проистекает (в негативном смысле) из того, что действующие лица освобождают самих себя от возложенного на них долга оправдывать или объяснять свое поведение, причем они претендуют на «право сильного», которое есть полюс, противоположный праву. Эта претензия на применение или претерпевание разрушительного насилия и будет называться «варварской» (независимо от того, кто первым прибег к такому разрушению и каковы его масштабы)» [ibid., S. 268].

Присоединяясь к определению К.Оффе, Ларс Клаузен (профессор социологии и руководитель группы по исследованию социальных катастроф Кильского университета) делает такое уточнение: «Варварство — особая форма ликвидации ценностей всего общества, возникающая вследствие основополагающего дезавуирования всех этих ценностей вследствие радикального и быстрого социального изменения — в условиях крайней эскалации всех действий, направленных против тела и жизни [человека] и перед этим негативно санкционированных» [ibid., S. 130].

К.-З.Реберг, обсуждая терминологические изыскания К.Оффе, справедливо отмечает, что термин «после-цивилизационное варварство» выбран неудачно и что вернее говорить о «внутрицивилизационном» варварстве. Реберг напоминает также об известных авторах, говоривших и писавших о таком «втором варварстве» — о Максе Вебере или о (другом, чуждом Максу Веберу, авторе) Освальде Шпенглере, о Т.Адорно и М.Хоркхаймере (с позицией последних Реберг и сближает подход Оффе). «Именно потому, что общество мо-

дерна делает акцент на процессе цивилизования, потому, что в нем (после вытеснения варварства, имевшего место до модерна) его рациональность понималась как господство над миром, как инструментальный разум, — именно поэтому общество модерна не имеет иммунитета против негуманности и варварства. Надломы цивилизации с самого начала в качестве возможностей заложены в процессах рационализации и бюрократизации эпохи модерна» [4, S. 16], — пишут немецкие социологи Макс Миллер и Ганс-Георг Зеффнер, резюмируя идеи многих своих коллег. Понятие варварства становится, таким образом, своего рода символом и интегратором самокритической рефлексии современного общества: в отличие от древних обществ, для которых варвары были «дикими чужаками», с жестокими нравами и обычаями, люди современного общества сталкиваются с тем фактом, что «варварами становимся мы сами...», что «варвары — это отколовшаяся часть нашего коллективного Я...» [4, S. 264]. «Сильный тезис», согласно К.Оффе, звучал бы так: *наступление цивилизации против самой себя, именуемое варварством, есть процесс, запрограммированный в самой цивилизации* [курсив мой. — *Н.М., ibid., S. 268–269*]. «Варварские» вкрапления в цивилизацию — те ее свойства, которые являются ее конструктивными ошибками, причем возникающими с неизбежностью.

Теперь я выскажу свою точку зрения на итоги и предмет спора. Хотя в результате различных дискуссий, на что не раз сетовали их участники, не удалось добиться вполне ясных, приемлемых для большинства дефиниций, в понятийной реконструкции тревожащего нас всех феномена современного варварства были нащупаны некоторые существенные моменты. Они будут использованы в дальнейшем рассуждении. Общим недостатком, однако, было то, что, во-первых, в известных мне спорах недостаточно учитывалась коррелятивность понятий «варварство — цивилизация» (и, стало быть, взаимозависимость дефинитивного прояснения обоих понятий), а, во-вторых, что произошло отождествление

варварства с наиболее впечатляющими актами насилия, разрушения, жестокости. Между тем и само варварство, и противопоставление цивилизационного и варварского измерений внутри современной цивилизации — явления многомерные, многоликие. Имеет смысл суммировать хотя бы главные черты и особенности этого противостояния. Я возьму за основу ту концепцию цивилизации, которая была кратко представлена мною в книге «Рождение и развитие философских идей» (1991) и применена там к анализу древнегреческой цивилизации [8, с. 22–39]. В данной книге — это I раздел.

1. Цивилизация — тот изменившийся тип отношения человека к природе, *замысел и суть которого*, в противовес (доцивилизационному) варварству, заключается не в уничтожении, расхищении материала природы, а в его использовании, преобразовании и в известном смысле приумножении. Цивилизация потому и сменила варварство, которое долгие тысячелетия было, вероятно, единственным (или главным) способом бытия древнего человечества, что хищническое, захватническое, опустошающее воздействие на освоенные тогда людьми части континента грозило гибелью еще очень слабому человеческому роду. Возникающая цивилизация стала тогда способом его спасения. Но по мере дальнейшего развития цивилизации стало очевидно, что цивилизационный «замысел природы» (или замысел Бога?) в отношении человеческого рода реализовался не через исключение варварского (разрушительного и саморазрушительного) начала, а лишь через некоторое его сдерживание. Не удивительно, что ускорение и расширение воздействия на природу, характерное для современной цивилизации, привело и к особенно масштабным варварским, т.е. неразумным и разрушительным последствиям — к экологическим кризисам. Таким образом, одна из главнейших ипостасей современного варварства — те действия отдельных индивидов, институтов, государств, которые из-за насилия над природой имеют своим следствием природные катастрофы, жестоко «наказывающие» все человечество, а не только непо-

средственно виновных (которых, кстати, почти всегда можно найти). И если в древности, опустошив прежде нетронутые участки природы, люди спасались тем, что перекочевывали в новые регионы, то теперь у человечества нет такого выхода; к тому же и сами катастрофы часто становятся глобальными.

Об экологическом кризисе очень много говорится. Но факт остается фактом: к концу XX в. человечество пока еще не нашло эффективных средств экологического сдерживания и, пожалуй, несмотря на все самые громкие разговоры, даже не осознало в полной мере, что экологическая угроза, **экологическое варварство** сродни ядерной угрозе. И что именно из-за них может погибнуть или выродиться во что-то иное человеческая цивилизация как таковая.

2. Если цивилизация (согласно ее замыслу и принципу) есть развивающаяся, усложняющаяся система разделения труда, в принципе направленного на сбалансированное создание, хранение, транспортировку, обмен, потребление товаров и услуг и предназначенного для удовлетворения растущих потребностей индивидов и их сообществ, то рецидивы и всплески варварства заключаются в деформированиях стимулов, форм, результатов этого процесса. Еще недавно в нашей стране господствовал дефицит товаров и услуг, что резко контрастировало с практикой цивилизованных стран, т.е. с реальными достижениями цивилизационного процесса. Теперь, слава богу, нет дефицита, к которому успели привыкнуть несколько поколений соотечественников. Но отсталость, слабость отечественной промышленности, хаотический, спекулятивный, криминальный рынок товаров и услуг — другая деформация, еще одно из проявлений «недоцивилизованной цивилизации» или прямого варварства.

3. Множество проблем накопилось в той сфере цивилизационных взаимодействий, которые связаны с отношениями собственности. Опять-таки, в принципе и по замыслу, частная собственность появилась в качестве противопоставляемого неприкаянности, незаинтересованности, бесхозяй-

ственности варвара и естественного для развития человеческих индивидуумов способа поддержания их жизни и жизни их близких, стимулирования труда, ответственности, рациональности, инициативы и т.д. Цивилизация искала и находила возможности сочетать, комбинировать наиболее оптимальным образом частную и общественную формы собственности. Между тем древний варварский способ захвата, уничтожения, разрушения, передела, а потом проматывания чужой собственности не только не исчез из исторической памяти человечества, но на протяжении всей цивилизационной истории воспроизводил себя, вторгаясь в жизнь людей мощными «выбросами» самого жестокого, именно варварского передела имущества, собственности, богатства, власти, государственных границ и т.д.

Передел собственности в нашей стране в XX в. происходил не раз — и почти всегда он осуществлялся варварскими способами грубого, бесцеремонного, криминального захвата, передела и беспредела. К сожалению, варварский цикл не закончился...

4. Если коренная функция (замысел, принцип) цивилизации состоит в обеспечении все более свободных, закрепляемых и юридическими, и нравственными нормами форм совместного бытия людей, в предоставлении индивидам всеобщих прав, свобод, гарантий, возможностей участия в решении своих судеб и судеб нации, страны, мира, то варварская сторона противоречия цивилизации заключается в ущемлении, деформировании или полном подавлении этих прав, свобод, гарантий и т.д. «Варварской» ее правомерно назвать потому, что в исторический период варварства люди еще не знали или, будучи именно варварами, не принимали, не считали для себя обязательными уже существующие или возникающие нормы общежития, сдерживающие произвол и насилие в отношении других индивидов и их общностей. Драматизм современной истории состоит в том, что, вопервых, нередко варварски попираются законы, нормы, о которых нарушающие их индивиды достаточно хорошо осведом-

лены, и, во-вторых, их нарушение в отношении тех или иных людей часто оправдывается как раз стремлением «восстановить справедливость», свергнуть диктатуру и диктатора, «отстоять свободу и независимость» нации и т.д. Тем не менее, вряд ли можно отрицать, что насильственное попрание прав и свобод людей, включая прежде всего их право на жизнь, — под какими бы предлогами оно ни осуществлялось — противоречит сути цивилизации и ее завоевания, демократии, и является одним из проявлений рецидивов варварства, так и не преодоленного цивилизацией.

Цивилизованная сфера политики, самой демократии, преодоление потенциала варварства, так или иначе прорывающегося из самих демократических структур, особенно в нецивилизованных странах, не имевших опыта демократии — вот одна из актуальнейших проблем, с которыми мы в нашей стране столкнулись весьма трагическим образом. Но и в странах, уже накопивших на протяжении веков или десятилетий ценный опыт демократических преобразований, к концу XX в. остро стоит новая задача. Эти страны объединяются; возникают новые союзы и противостояния государств. И вот когда вдруг возникает соблазн — «с высоты цивилизации» и во имя демократии — навязать свою волю другим странам и государствам, то не подвергается ли испытанию действительная приверженность цивилизованным отношениям и методам деятельности? Ведь если варварское насилие (скажем, геноцид целых народов, попрание прав и свобод тем или иным диктатором и его режимом) хотят устранить военными действиями, бомбардировками, т.е. насильем, кровью, разрушениями (кстати, реально наносящими ущерб не самим диктаторам, а простым людям), то здесь варварству в действительности противостоит не цивилизация, а другое варварство, пусть и подкрепленное «коллективной волей», поддержанное новейшей техникой, хорошо спланированное и к тому же использующее самые новейшие, рафинированные техники «легитимизации».

5. Если функция цивилизации состоит в обеспечении все более свободных, ненасильственных, добровольных форм совместного бытия индивидов, их свободно формирующихся объединений и союзов, то варварство как ее неустранимый спутник проявляется в разрушительных войнах, мировых, региональных, локальных, а также в неумении или нежелании преодолевать или смягчать неизбежно возникающие конфликты мирными, а не военными средствами. «Варварские» группы, объединения, союзы основываются на насилии, захвате, разрушении, принуждении, терроре — и при этом не имеет значения, во имя каких целей все эти истинно варварские средства применяются. «Современные варвары» — те, кто ратует за войну, кто ведет ее, имея в виду интересы выгоды, завоевания или удержания власти, соображения «чистоты расы» и т.п., но также и те, кто развязывает войну во имя самых благородных целей. Долгое время считалось, что «дело прочно, когда под ним струится кровь», что есть «высшие» цели и соображения, ради которых можно жертвовать жизнями других людей. Не настало ли время твердо заявить, что нет и не может быть никаких, решительно никаких идей и целей, которые оправдывали бы инициирование действий, неизбежно приводящих к войне, кровопролитиям (все равно, небольшим или массовым), разрушениям? И что нет и не может быть никого, решительно никого, кому вверена чуть ли не трансцендентная миссия судить и наказывать целые народы «от имени» цивилизации.

6. Если специфическая черта цивилизации заключается в том, что индивиды, народы, страны, стремясь к удовлетворению растущих потребностей (причем потребностей и тела, и духа), делают свою повседневную жизнь все более обеспеченной необходимыми для этого благами, все более обустроенной, удобной, комфортной и в этом смысле все более достойной человека, то не искорененное варварство проявляется в запустении, неустроенности, одичании, скотстве привычек и образа жизни, антисанитарии, допотопной медицине, бездорожья, отсутствии самых элементар-

ных бытовых удобств, умирании целых районов, городов, сел и во многих прочих чертах жизни, так знакомых именно россиянам.

7. Если культурная, духовно-нравственная компонента цивилизации — это деятельность по созданию и применению идеальных образцов предметной деятельности и норм, принципов человеческого общежития и общения, то варварство (на что справедливо обратили внимание упомянутые выше авторы) выражается и в насильственном нарушении правовых, социальных, нравственных норм, и в сугубом пренебрежении к многовековой работе человечества по их формированию и поддержанию. Поэтому цивилизация, отличаясь от культуры как специальной деятельности по созданию и трансляции идеальных смыслов самого различного типа, в целом, по своим принципам не только не враждебна культуре, но создает для нее фундамент и основу, в свою очередь, нуждаясь в культуре. И напротив, «варварство» есть обозначение тех противоречивых сторон и состояний цивилизации, которые или наносят прямой ущерб культуре или по крайней мере равнодушны к ее потребностям. Правильно отмечено, что любые акты варварства опираются на варварское отношение к гуманистическим нормам и принципам.

8. Если цивилизация как таковая есть общее обозначение непрерывности истории человечества (при всей прерывности жизни отдельных цивилизационных образований), есть кумулятивный общечеловеческий опыт, то понятие варварства как бы суммирует такие угрозы (типа экологической или ядерной катастрофы), которые способны прекратить существование человечества как целого.

Подведем итог. «Внутрицивилизационное варварство» — это понятие, с помощью которого целесообразно обозначить и суммировать те стороны многообразных противоречий цивилизации, от которых исходят: намеренное или непреднамеренное насилие в отношении природы, приводящее к экологическим катастрофам («экологическое варварство»); ущемления прав, свобод, социальных норм в по-

литической деятельности, насилие, терроризм в государственной сфере и сфере гражданского общества — все равно, осуществляются ли они государством, союзом государств, партиями, группами, отдельными индивидами, преследуют ли они низменные или высокие цели; пренебрежение цивилизационными нормами политической деятельности, демократического процесса («*политическое варварство*»); нарушение нравственных норм и пренебрежение гуманистическими ценностями, выработанными в светской и религиозной сферах (*варварство безнравственности*); предпочтение военных целей и средств мирным способам разрешения конфликтов («*милитаристское варварство*»); «мерзость запустения» в повседневной жизни, быту, недостойное человека существование («*бытовое варварство*»). Могут спросить: а зачем нужны термины «варварство», «варварский», если речь идет о противоречиях, заключенных внутри цивилизации? Но в том-то и дело, что историко-генетические корни цивилизационных процессов все еще глубоко уходят в почву доцивилизационного, а потом и внутрицивилизационного варварства. Нет ничего удивительного в том, что на этих корнях то и дело вырастают чертополохи варварства.

Это были общие соображения, касающиеся цивилизации и варварства в целом — еще до деления на типы цивилизации (скажем, на традиционную и техногенную цивилизацию). А теперь вернемся к западным дискуссиям и именно к более конкретным соображениям и исследованиям, касающимся проявлений варварства на самых поздних, сегодняшних этапах истории.

Некоторые механизмы современного варварства

Одна из наиболее характерных тенденций современной социальной философии и социологии в вопросе о причинах современного варварства — поиск глубоких и долговременных, именно цивилизационных истоков тех «нашествий»,

всплесков варварства, т.е. насилия, жестокости, по разрушительной силе и масштабности которых наше драматическое столетие, как кажется, превосходит даже самые кровавые столетия прежней истории. В последние десятилетия поиск этот все чаще упирался в анализ внутренних противоречий и напряжений эпохи «модерна» (die Moderne, the modernity), или нововременной истории человечества, которая (условно говоря) во второй половине нашего столетия стала преобразовываться — притом не плавно, а конфликтно — в новую историческую эру, получившую (вряд ли удачное) название «пост-модерна». Споры о модерне и пост-модерне оставим в стороне¹⁵. Здесь же существенны два момента. Во-первых, это анализ источников варварства, заключенных в цивилизации нового времени, которая, несомненно, в своих весьма важных формах продолжает свою жизнь и сегодня. Во-вторых, это размышления о том, что произошло с данными формами к концу XX столетия и какие из них, в частности, дали особенно интенсивный толчок тем взрывам варварства, которые своим зловещим отсветом провожают только что ушедшее столетие и тысячелетие. Присмотримся к тому, как отвечают на эти вопросы некоторые западные социологи и философы, признанные специалисты по проблемам цивилизации.

Ш.Айзенштадт, профессор Иерусалимского университета (автор книг «Порядок и трансценденция: роль утопии в динамике цивилизации», 1988; «Антиномии модерна», 1996; «Культуры осевого времени», I, II, 1987, 1992) предлагает развернутую концепцию противоборства цивилизации и варварства в эпоху модерна, суть которой можно вкратце передать следующим образом. Потенциал варварства — в далеко идущей трансформации «программатики модерна», как она откристаллизовалась в истории Просвещения и эпохи Великих революций и в тех утопических проекциях, которые господствовали в европейских цивилизациях целых столе-

---

¹⁵ См. написанный мною краткий раздел об этих дискуссиях в [7].

тий. Конкретнее говоря, исток и «потенциал» варварства Ш.Айзенштадт усматривает в том, что главные измерения человеческого совокупного опыта, которые существуют лишь в единстве, были «идеологически» отделены от этого опыта, противопоставлены друг другу и абсолютизированы. В особенности были воздвигнуты границы между рассудком и чувствами, воплотившиеся в не просто различные, но и борющиеся друг с другом «легитимации», т.е. оправдания, рационализации социального порядка. Среди таких легитимаций главными были те, которые апеллировали к «примордиальному», гражданско-цивильному и духовному порядкам [3, S. 97]. Слово «примордиальный» для отечественного читателя, возможно, требует разъяснений. Оно (как и понятие «жизненный мир») вошло в общее употребление в западной литературе второй половины XX в., будучи взятым из лексикона гуссерлевской феноменологии, в которой *primordial* (иногда *primordial*) означает все относящееся к миру «первого порядка», т.е. к миру частного, индивидуального Я как «монады», сначала рассмотренной в (условной и никогда полностью не реализуемой) абстракции от интерсубъективного, т.е. социального и исторического мира. В частности, акцент на «примордиальное» означает близость к человеческому телу, его потребностям и реакциям, к миру чувств, к биолого-этническим характеристикам человеческого Я и т.п. И вот «грамматика» модерна была связана, согласно Айзенштадту, с тем, что примордиальное как бы «заклучалось в скобки», отодвигалось на задний план социальными, коллективно-гражданскими, духовно-теоретическими формами и конstellациями человеческого опыта, которые выступили (разумеется, через посредство соответствующих идеологов, теоретиков, политиков, религиозных деятелей и т.д.) с широковещательными, абсолютизированными, даже универсалистскими претензиями. При этом возникло также и огромное напряжение между носителями «гражданских» (секуляризированных) и «трансцендентных» (религиозных, идеологизированных, часто утопических) программ, каждая

из которых также не преминула выдвинуть универсалистские претензии. «Примордиальное», будучи оттесненным на периферию значений и смыслов социальной жизни, не исчезло и даже не смирилось со своей второстепенной ролью.

За фасадом сугубо временных побед отдельных универсалистских программ продолжалась напряженная борьба упомянутых (абсолютизируемых) элементов человеческого опыта — с перевесом на отдельных этапах таких элементов примордиального, как «национальное», или таких элементов «гражданского», как «всеобщий интерес», «права человека», или таких элементов духовного, как религиозно-конфессиональная идентификация. При этом в каждом из абсолютизируемых измерений возникали и обострялись свои напряжения. Так, в гражданско-цивильной сфере нарастало доминирование политики, т.е. происходила политизация жизни, а в политике, в свою очередь, имело место противостояние между «революционными», «якобинскими» (тоталитарно-насильственными) и «процедуральными», «рутинно-прагматическими», реформистскими тенденциями. При существовании напряжения между означенными общими линиями-тенденциями европейской цивилизации эпоха модерна отмечена и многими более конкретными размежеваниями в силовых полях реальной истории: например, между свободой и равенством; между представлением об индивиде как автономном, суверенном существе и его пониманием как несамостоятельного звена социального порядка; между ссылками на закон, правовое поле, «всеобщую волю» и апелляциями к непосредственным потребностям, интересам индивидов и т.д. Философы склонны видеть в этих констелляциях прежде всего борющиеся идеи. Социологи с полным правом подчеркивают: (почти) каждый «чисто» идейный оттенок представляет какую-либо реальную силу и, соответственно, свидетельствует о напряжении сил в конкретном социально-историческом опыте.

Всплески варварства, неизбежные как для настоящего, так и для будущего цивилизации, означают, согласно Айзенштадту, что обществу не удастся «инкорпорировать» различ-

ные идеи культурной программы модерна и преодолеть всегда сильные тенденции каких-либо элементов к их самоабсолютизации, их претензии на исключительность и господство. Другая причина — неспособность общества, неспособность современной цивилизации создать те новые рамки социальной интеграции и если не преодоления, то смягчения конфликтов, которые обусловлены трансформациями и вызовами новейших стадий цивилизационного развития.

О каких же новейших трансформациях и вызовах идет речь? И как встречает их современное человечество? Разумеется, они столь многочисленны, что вникнуть в целостную картину в небольшой статье не представляется возможным. Упомяну о тех аспектах, которые, на мой взгляд, интересно и глубоко раскрыты социологом Зигмундом Бауманом. Одна из тенденций современного общества и его теоретических осмыслений как будто и заключается в осуждении насилия, его наиболее жестоких, т.е. именно варварских форм. З.Бауман считает, что на современном этапе правомерно говорить о варварстве и насилии как синонимах. Напротив, цивилизация, точнее, высокий уровень цивилизованности часто мыслится в тесном единстве, почти тождестве с ненасильственными формами управления обществом и разрешения конфликтов. Простую и четкую формулировку этой тенденции я вижу, в частности, в следующих словах В.С.Степина: «Ненасилие — важнейший и безошибочный показатель уровня нравственного развития человека и общества. Вместе с тем оно является прагматическим императивом нашего времени. Вся логика развития современной цивилизации приводит к пониманию ненасилия как важнейшего условия дальнейшего прогресса и процветания человечества» [10, с. 29]. Вряд ли можно оспаривать, что на исходе XX в. все чаще формулируется и является реальным вызовом именно такой императив.

Однако З.Баумана (и признаюсь, меня тоже) настораживает другая, не менее явная тенденция, а именно то, что насилие — притом в его крайних, варварских формах — не

только не исчезает из жизни человечества, но даже расширяет поле своего действия. Наиболее впечатляющая, шокирующая сторона этой тенденции: к крайнему насилию прибегают не только экстремистские элементы, вроде террористических групп; насилие все более охотно берут на вооружение те, кто объявляет себя борцами против насилия, геноцида, попрания прав человека. З.Бауман полагает, что все это совершенно не случайно. Более того, и сам факт непроясненности понятия варварства (читай: насилия) требует объяснения. «Насилие должно заключать в себе нечто такое, что позволяет ему проскользнуть сквозь все понятийные сети, как бы тщательно они ни были сплетены. И это «нечто» существует фактически. Речь идет не о чем ином, как о той нашей амбивалентности, с которой мы встречаем власть, принуждение и насилие» [1, S. 36]. Суть дела для Баумана в том, что и следует признать со всей ясностью и искренностью: «Эпоха модерна так же не может существовать без принуждения, как рыба без воды» [ibid., S. 36—37]. В современном мире, продолжает Бауман, накапливается особенно большой потенциал энергии, производящей власть и силу, а стало быть, постоянно и неизбежно чреватой принуждением и насилием. «Современное сознание неискренне и не может быть искренним в вопросе о применении принуждения и насилия» [S. 38]. Правда, эпоха модерна в явной форме легитимизирует, т.е. оправдывает и рационализирует, самое себя как «процесс цивилизования», или как такую линию развития, при которой смягчается грубое, облагораживается жестокое, вместо стихийного поведения утверждается нравственное регулирование. Но эта рационализация, согласно Бауману, есть не более чем пропаганда. «В процессе цивилизации речь идет не о том, чтобы устранить насилие, а о том, чтобы устроить его новое перераспределение» [ibid.]. В отличие от раннего периода эпохи нового времени, когда сосредотачивались на противоположности разума, рационального и аффекта, «центральным дуализмом» более позднего модерна стало различие и противостоя-

ние упорядоченного и неупорядоченного, контролируемого и неконтролируемого, предсказуемого и непредсказуемого (в данном случае: насилия). И вот именно в пограничье между этими дихотомиями цивилизация попыталась перенести границу между «цивилизованностью» (Zivilitdt) и варварством. Тогда контролируемое, предсказуемое насилие представало как некоторая «осознанная необходимость» цивилизации, а варварство — как нечто диффузное, неупорядоченное, спонтанное. З.Бауман использует выразительную метафору Ю.Лотмана: упорядоченное, предсказуемое, легитимизированное насилие подобно мощному потоку реки, которая все смывает на своем пути, но (обычно) движется по прочному, известному руслу; насилие неупорядоченное подобно минному полю, движение по которому чревато взрывами, о коих никто не знает, где они произойдут.

Претензиям некоторых идеологов на то, что современный мир будто бы разделен на две части — так называемые цивилизованные страны и остальной мир, З.Бауман противопоставляет формулу: «На протяжении всей истории [эпохи] модерна разделительная линия между цивилизацией и варварством никогда не была идентична границам между национальными государствами; еще меньше общего имела она с границами «цивилизованной части мира»» [1, S. 42]. Хиросима, Освенцим, ГУЛАГ — убедительные и страшные доказательства этого. Итак, вывод З.Баумана состоит в том, что эпоха модерна «интернализует» варварство. Теперь варварство находится не где-то за «воротами» цивилизации, как думали в эпоху римской империи. Вся человеческая история, а особенно в эпоху модерна, может быть рассмотрена как история постоянной, «хронической» борьбы цивилизации против варварства внутри самой себя. Эта борьба ведется все более утонченными, рафинированными средствами, причем каждый человек в ней парадоксальным образом есть и солдат цивилизации, и ее противник, и боец, и поле боя... К этим общим размышлениям З.Бауман присоединяет и более конкретный анализ тех изменений, которые произошли

в самое последнее время и способствовали новым непредвиденным взрывам варварства. Их социолог называет «неотрибализмом», имея в виду возникновение новых групповых образований — *tribus*, (вырастающих как бы снизу, от самых корней социального бытия) и фиксируя вот какие действительно важные проблемы современности, носящие поистине глобальный характер. Речь идет о повсеместном, весьма болезненном для конкретных индивидов (и в разных странах принимающем относительно различные формы) крушении прежних исторических и социальных форм самоидентификации индивидов. Неважно, испытывали или не испытывали индивиды доверие к этим, когда-то весьма мощным формам коллективной и индивидуальной идентификации, но их утрата обернулась болезненным вакуумом. Позволю себе заметить, что для нашей страны это утверждение Баумана более чем очевидно: распались многие, если не все, общности, разрушились рамки, обеспечивавшие — по большей части несвободным образом — отнесение индивидом самого себя к большому, и казалось, мощному государству, к «нерушимому» союзу народов, к (единственной) партии и другим «централизованным рамкам» (термин З.Баумана). Главное же, от этих рамок исходило, ими контролировалось и исправно «легитимировалось» государственное насилие. Тем самым сдерживалось, и притом довольно жестко, спонтанное, неорганизованное насилие. Как в нашей стране сдерживалось *это* стихийное варварство и развязывалось варварство ГУЛАГа — особый вопрос.

Что произошло, когда прежние рамки вдруг оказались пустыми и бессильными? Опустевшие институциональные и не институциональные формы сразу постарались «приватизировать» *ad hoc*, случайно и быстро оформившиеся группы; некоторые из них имели характер мафиозных объединений, сразу же вступивших в борьбу за власть и влияние. История очередной раз доказала: 1) если насилие сдерживается лишь другим насилием, то при устранении последнего оно вырывается наружу, сметая — всегда хрупкие! — цивилиза-

ционные преграды; 2) непрочные, сверху насаждаемые, а не выстраданные, не интериоризированные мораль и право очень быстро уступают место правовому и нравственному беспределу. В этих условиях бунт индивида, а также заинтересованных в реванше социальных групп и партий в который раз в истории может оказаться страшным, непредсказуемым, именно варварским. Через него может вырваться наружу нестерпимая боль выбитых из колеи, обездоленных людей. И, возможно, не материальные лишения, а именно утрата упомянутых «центров идентификации» ощущается этими людьми наиболее болезненно.

Но, может быть, тезисы Баумана о разрушении централизованных рамок относятся лишь к таким странам, как наша — испытавшим мощный социальный «обвал», подобный землетрясениям и другим тектоническим сдвигам в природе? Мнение Баумана таково: сходные процессы происходили внутри всех, притом весьма различных цивилизационных организмов, которые во второй половине XX в., а особенно в последние три десятилетия оказались втянутыми в сложные и противоречивые процессы развития «модернизирующейся» цивилизации [9; 11]. Идет ли речь о Европе или Азии, о Северной или Южной Америке, о России и других восточно-европейских государствах — всюду, хоть и по-разному, происходит демонтаж прежних «центров» влияния и силы, рамок идентификации и заполнение вакуума частными, во многом случайными и стихийными формами. Последние нередко выступают, как это вообще принято в культуре Европы, с универалистскими претензиями, маскируясь в том числе и под «общечеловеческие» или «общенациональные» ценности. Замечено, что как раз «примордиальные» формы, оправившись от многовековых идеологических репрессий, прорвались к центру исторических подмоеток и не без успеха ведут на них свою шумную, претенциозную игру.

Социологи иногда называют такие констелляции и частные центры идентификации «Mächtgern — Gemeinschaften», что, собственно, означает: сообщества, которые соответст-

вуют «моим» сугубо индивидуальным склонностям и хотениям. Говоря о «неотрибализме», Бауман утверждает, что для современности стали весьма характерными (по крайней мере) четыре человеческих типа: *Flaneur*, **фланирующий человек**; **бродяга**, который нигде не имеет дома; **турист** и **игрок**. Они как нельзя лучше выражают прерывность, неустойчивость существования в эпоху постмодерна. Они сформировались через протест против всех господствовавших структур модерна, которые были нацелены на формирование человека-производителя, человека-потребителя, человека-солдата (т.е. послушного, дисциплинированного исполнителя заданных ролей), человека-винтика (или человека-детали, подобного отдельным конструкциям детской игры «лего»). Поскольку эти типы привычно воспринимались как носители европейской цивилизованности, то «протестная» типология должна была ассоциироваться с новым вторжением варварского начала. Она принадлежит к числу (многих) признаков, свидетельствующих о разрушении привычного «порядка» и эскалации стихийного, неконтролируемого насилия, причем часто в его варварских формах. В наши дни, подчеркивает Бауман, притупилась чувствительность к боли, насилию, разрушениям, то есть как раз к проявлениям варварства. Более того, люди и группы, прибегающие к самому жестокому насилию, могут предстать в ореоле мучеников, борцов за справедливость и даже героев. Эта типология должна подчеркнуть фрагментарность, нестабильность жизни и поведения людей в эпоху пост-модерна, оторванность от корней прошлого и незабоченность будущим, их внимание скорее к художественно-экзистенциальной, чем к нравственной стороне повседневного бытия. Итак, в современной жизни, согласно Бауману, насилие, нецивилизованность становятся более чем обычным явлением, а эпатазирующее нарушение всех установленных границ и рамок — своего рода (анти-)нормой. Критики возражают: названные Бауманом (кстати, не такие уж новые) типы все же маргинальны; и если их и их «субкультуру» заметили и отчасти

признали, то это скорее значит, что на смену узости взглядов пришла широта и терпимость в оценке способов жизни и поведения.

Социологи, вступившие в спор с Бауманом, расценили его концепцию как пессимистическую и особенно решительно опровергали главный тезис о том, что прежние нормы-рамки (например, государство или права человека, нормы гуманистической морали) потеряли для самоидентификации индивида всякое регулирующее значение и что формы варварства, насилия проистекают теперь преимущественно или исключительно из приватизации, раз-регулирования и децентрализации процессов индивидуальной идентификации. Во-первых, возражают критики, сомнительно утверждение, согласно которому мера варварства, насилия в последние десятилетия существенно возросла по сравнению с прошлым. Просто сегодня мы быстро узнаем обо всех актах крайних насилия и жестокости и остро реагируем на них. Средства массовой информации, информируя читателей и слушателей, создают впечатление, будто терроризм и повседневное бытовое насилие становятся чуть ли не главными факторами сегодняшней истории. Кровавые криминальные истории, растиражированные в миллионах экземпляров или постоянно показываемые миллиардам телезрителей, подкрепляют и усиливают это впечатление. Во-вторых, и государство, и права человека, и нормы морали по-прежнему сохраняют свое регулирующее значение для индивида. Изменение состоит скорее в том, что расширилась мера свободы в приспособлении индивида к этим рамкам, что в процессах социализации и интегрированности индивидов гораздо большее значение имеет выбор между разными интегрирующими вариантами [2; 5, S. 68–80, 81–95].

Со вторым замечанием можно согласиться. Рано еще хоронить выстраданные человечеством демократические правила общежития, гуманистические ценности, правовые и моральные нормы. Они ведь продолжают и, надо надеяться, и в будущем продолжат служить общими рамками соци-

ализации, все-таки способными поддерживать цивилизованное равновесие. Однако трудно не согласиться с З.Бауманом в том, что последнее десятилетие XX в. скорее колеблет благодушный оптимизм, чем способствует его сохранению.

Один из первых выводов, который можно сделать, имея в виду кратко представленную в этой части книги дискуссию западных авторов, касается именно последнего десятилетия XX в. Социологи и философы обратили особое внимание на поворотное значение событий конца 80-х — начала 90-х гг. (таких, как война в Персидском заливе или боснийский кризис в Югославии) [2, S. 68]. И если тогда еще не было очевидным, что речь идет о событиях повторяющихся, о кризисе чуть ли не перманентном, то теперь — после новых бомбардировок, т.е. возобновлении войны в тех же точках планеты — сомнения рассеялись. Главное в этих событиях с точки зрения темы цивилизации и варварства состояло, по-видимому, в следующем. Несомненно, имели место всплески варварства в самых разных странах мира, выразившихся в грубом тоталитаристском попрании прав и свобод индивидов и даже целых народов. Однако «цивилизованные» страны не смогли предложить никакого другого ответа, кроме военного — варварского — вмешательства.

Итак, если оставить в стороне всю «легитимационную» риторику, современное варварство, и в его грубых, и в его замаскированных формах, вновь мощно заявило о себе. Философы и даже социологи не могут предложить конкретных рецептов преодоления или предупреждения варварства. Но осмысливать «технологии» цивилизации и варварства, способствовать ясному формулированию цивилизационных императивов, направленных против различных видов варварства, — их компетенция, равно как и их задача.

Литература

1. *Bauman Z.* Gewalt-modern und Post-modern // *ModenitKt und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts.* Fr./M., 1996. S. 36–67.
2. *BonI W.* Gewalt als gesellschaftliches Problem // *Ibid.* S. 68–95.
3. *Eisenstadt S.N.* Barbarei und Moderne // *Ibid.* S. 96–117.
4. *Miller M., Soeffner H.-G.* *ModenitKt und Barbarei.* Einleitung // *Ibid.* S. 12–27.
5. *Nunner-Winkler G.* Gewalt — ein Spezifikum der Moderne // *Ibid.* S. 81–95.
6. *Offe C.* Moderne «Barbarei»: Der Naturzustand im Kleinformat // *Ibid.* S. 258–289.
7. История философии: Запад—Россия—Восток: Учебник. Т. IV. М., 1999.
8. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и цивилизованность // *Рождение и развитие философских идей.* М., 1991.
9. *Поляков Л.* Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998.
10. *Степин В.С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
11. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

Глава третья. О варварстве и цивилизации — применительно к России

Мои нижеследующие рассуждения тесно связаны с предыдущей главой, опираются на представленные там исходные определения и констатации. Она была написана еще в прошлом веке и была проникнута тревожными настроениями и предчувствиями новых цивилизационных катастроф, часть из которых, увы, стала удручающей реальностью наступившего XXI столетия. Размышления о судьбах, разломах, грозных противоречиях цивилизации и взрывах варварства остаются как никогда актуальными. Свой «вклад» в актуализацию темы варварства в последние годы внесли те страны, которые не только объявляют себя наиболее цивилизованными, демократичными, правопослушными, но еще и берут на себя цивилизующую миссию по отношению к остальному миру, хотя средства выполнения этой миссии нередко далеки от цивилизованных. Сколь бы насущной ни была в наши дни вся эта проблематика, в данной главе я хочу привлечь внимание к тому, что тема «цивилизация и варварство» является животрепещущей для понимания сложнейших, болезненных и во многом непредсказуемых процессов и изменений, которые в последние десятилетия происходят в нашей собственной стране.

Возможность свободно и открыто выразить критические идеи и умонастроения в нашем обществе появилась сравнительно недавно, но она используется так широко и привычно, как будто мы всю жизнь только и делали, что публично разносили высшие, средние и низшие органы власти, чиновников, господствующие порядки и установления. Поэтому составить себе представление о том, чем недовольно большинство народа, совсем нетрудно. О грабительской приватизации, расхищении богатств страны, вывозе капитала, произволе и коррумпированности чиновников всех уровней, о разгуле и безнаказанности преступных организаций, их сращении с властью, о разрыве между доходами, уровнем жизни горстки чудовищно богатых и основной массы населения, о бедственном положении науки, образования, медицины, да и всей бюджетной сферы, о крахе жилищно-коммунального хозяйства, о циничном попрании элементарных социальных и нравственных норм — обо всем этом говорят и пишут при первой предоставившейся возможности. О левой оппозиции, быстро научившейся кричать высшим властям не «ура!», а «долой!», нечего и говорить. Но и те люди, которые левых не поддерживают и которые вовсе не рвутся обратно в «светлое прошлое», нередко настроены не менее критически. Их не просто беспокоит, а обескураживает то, сколь стремительно наш и ранее требовавший кардинального лечения социальный организм оказался пораженным новыми и весьма опасными социальными недугами.

Конечно, перемены к лучшему в стране произошли; я отнюдь не принадлежу к тем людям, которые не склонны не замечать или перечеркивать их. Но нам не уйти от болезненного вопроса: почему оказалась такой высокой плата за необходимые перемены? А ее ведь переложили на широкие слои населения, тогда как преимущества и дивиденды достались узким группам тех, кто ловко, быстро и нагло захватил ключевые позиции в экономике, политике, других об-

ластях жизни и использовал их не на благо страны, а в целях личного обогащения и возвышения. Приходят новые политики, выбирают президента, который намерен отдать, отдает все свои силы делу процветания России. Однако же препятствующие этому структуры, опутавшие социальное тело России, уже сложились... Что же с нами происходит? Вроде бы — если использовать крылатую фразу известного политика — хотели и хотим как лучше, а получается как всегда... Так в чем же причины всего этого? Подобные вопросы задаются весьма часто. И на них предложено множество ответов, которые все же (если они имеют идеологически или теоретически артикулированную форму), можно объединить в некоторые типы. Весьма распространенный тип ответа на вопрос о причинах названных ранее негативных феноменов — снова перечисление... тех же феноменов. Почему бедствуют такие значительные слои населения? Потому что бюрократизирована, коррумпирована власть, потому что ключевые посты в экономике занимают олигархи и т.д. Всё вроде бы верно. Однако суть дела заключается в причинном объяснении также и этих якобы объясняющих феноменов. А при таком подходе они как бы становятся... причиной самих себя, что еще можно простить обычному человеку, но не теоретику-философу.

Между тем — и это мой исходный тезис — все перечисленные (и аналогичные) негативные феномены порождены глубинными, фундаментальными историческими причинами, причем решающее значение в их порождении я приписываю тем основаниям бытия нашего государства и его народов, которые связаны с всегда болезненной для России проблемой взаимопереплетения цивилизации и варварства.

* * *

Рекомендую читателю свою упомянутую выше работу «Варварство как обратная сторона цивилизации», а также раздел «Цивилизация как таковая» в моей книге «Рождение

и развитие философских идей» (М., 1991. С. 18–39)¹⁶, я позволю себе не воспроизводить весь свой конкретный анализ понятий «цивилизация» и «варварство». Развивая и дополняя здесь этот анализ, я коснусь тех существенных черт и тех, возможно, второстепенных моментов («мелочей») цивилизации, деформирование которых (иногда до уровня варварства) решающим образом характеризует историческое развитие и современное бытие людей, причем, разумеется, не только в России. Поскольку же мы здесь говорим именно о нашей стране, то поистине варварское деформирование этих существенных, а также второстепенных, но важных черт цивилизации, я считаю фундаментальными, относительно долгосрочными причинами и старых, и новых болезней общества в нашей многострадальной стране. Поясню подробнее, что я имею в виду.

I. Главная историческая потребность, породившая цивилизацию как форму, которая приходит на смену безраздельному и чрезвычайно долгому господству варварства, состояла в преодолении опасности вымирания человеческого рода из-за целого ряда причин, и прежде всего из-за истощения средств к существованию в тогдашней ограниченной среде обитания (это был, вероятно, древнейший «экологический кризис»), из-за полной зависимости человечества от даров природы, ее стихий, от биологически-животных по преимуществу регуляторов человеческой жизни, из-за стадной конкуренции первых человеческих общностей. Историческое предназначение, своего рода «телос» цивилизации как раз и состояли в том, чтобы человечество сохранялось, даже возрастало в своей численности и все более широко осваивало прекрасную планету, доставшуюся ему в качестве среды обитания. Коротко говоря, вместо варварства должны были возникнуть способы жизни, которые были бы способны противопоставить началам вымирания, разрушения, стадно-животной жизни, войне всех против всех иные нача-

---

¹⁶ В данной книге – глава первая I раздела.

ла, принципы социально-исторического бытия — сохранения человечеством самого себя, начала созидания, регулируемого, предсказуемого общения. Одним словом, должны были возникнуть и развиваться цивилизованные основы социальной и индивидуальной жизни. И это удалось — несмотря на весьма многочисленные бедствия, кризисы, природные катаклизмы и социальные потрясения, гибель некоторых локальных цивилизаций, пока эта внутренняя «цель» цивилизации реализовывалась. Средства реализации этой фундаментальной цели весьма многочисленны (как раз они и суть черты, инструменты цивилизации, о которых подробно говорится в предшествующих главах).

Однако же цивилизация не только не смогла полностью преодолеть, изжить древнейшее варварство, но и порождала на каждой ступени своего развития — наряду с новыми средствами цивилизации — и «новое варварство», т.е. новые, все более мощные и опасные способы разрушения, которые в нашу эпоху впервые обернулись реальной угрозой самоуничтожения человечества и тотального уничтожения планеты Земля.

Главные причины «прорастания» и даже разрастания опухолей варварства в организме цивилизации — 1) историко-генетические (рождение цивилизации на почве, основе варварства); 2) относительно краткая история цивилизации в сравнении с неисчислимо долгой только животной, а потом только варварской историей рода *Homo Sapiens*; 3) вытекающее отсюда противоборство, в том числе в бытии и сознании каждого человека сущностных черт, регулятивов поведения индивидов и социальных общностей, соответственно восходящих и к варварству, и к цивилизации.

Таким образом, анализ современного состояния дел в мире в целом и в какой-либо стране в отдельности с цивилизационной точки зрения означает, что в расчет принимается весьма длительная история и что в кадр рассмотрения попадает история человеческого рода в целом, а не только ситуация, состояние страны как отдельной человеческой общности. В практическом плане цивилизационный подход означа-

ет, что отыскиваются общие — исторические и глобальные — причины и истоки тех или иных негативных явлений, которые в настоящее время в той или иной стране являются предметом особого беспокойства. С этой точки зрения противостояние богатства и бедности, коррупция, преступность и т.д. — социальные феномены, характерные для всей истории цивилизации и до сих пор имеющие место во всех странах и регионах. Речь, собственно, и идет о конкретных линиях противостояния варварства и цивилизации, о противоречиях цивилизации, которые сейчас или в ближайшие века (если человечество не покончит свою жизнь самоубийством) очевидно неустранимы, поскольку они коренятся в самой сути человека, человечества и созданной ими цивилизации.

Давайте честно скажем самим себе, *о чем* идет речь, за что ведется и может вестись борьба. Речь идет об *относительном* смягчении, цивилизации всех этих противоречий, а также о том, чтобы наша страна по некоторым важным, уже реализованным историей показателям приблизилась к более высокому цивилизационному уровню, уже достигнутому другими странами, и при этом не повторила их ошибок. Это *проблема цивилизационного отставания России* и преодоления тех состояний варварства, относительно которого опыт других стран доказал: преодолевать их на нынешней стадии цивилизации возможно и необходимо.

* * *

Далее мы и будем говорить о тех чертах современной жизни нашей страны, которые отвечают скорее принципам варварства, нежели принципам цивилизации (еще раз подчеркну, что такие черты есть и в других странах — в том числе цивилизованных; но в странах с высоким цивилизационным уровнем они в значительной мере смягчены).

I. Отношение к среде обитания (степень обострения экологического кризиса). Вряд ли требуется специально доказывать, что в России это отношение куда ближе к варварству, чем к цивилизации. Варварство — это, в частности, хищническое разрушение, загаживание среды обитания. Мы, россияне, занимаемся этим в таких масштабах, так стремительно, так безоглядно и безответственно, с таким ограниченным участием цивилизующих сдерживающих факторов, что щедро дарованная нам — не иначе, как самим Господом Богом — прекрасная часть Земли с огромной скоростью деградирует из-за невиданного по своим масштабам взрыва *экологического варварства*. Главные причины этого именно у нас: а) уровень экологического сознания и усвоенности индивидами эко-нравственных норм — наверное, принадлежащий к самым низким в мире; б) уровень экологической и техногенной ответственности — тоже, возможно, рекордно низкий; в) вековые привычки жизни посреди «мерзости запустения»; г) хищнический характер нашего молодого капитализма.

В этом отношении отличие нашей страны от других стран (особенно стран Европы, США, ряда развитых азиатских стран) весьма существенно. Хотя, как известно, экологический, техногенный кризис и их бедствия — явление глобальное, мало где в мире население способно так самоубийственно, с таким ущербом для своего потомства, как это делается в России, губить все *вокруг себя* — землю, воду, воздух, ресурсы, словом, все, чем живет сегодня и должна жить в будущем наша страна. По разным причинам и мотивам, часто сегодняшним, сиюминутным (жажда наживы, коррупция, беззаконие, безответственность, головотяпство, нечистоплотность, лень, алкоголизм, одичание) не только не сдерживается, но все более мощным потоком течет по нашей земле «экологическое варварство». Это понятие я употребляю в широком смысле, имея в виду под средой обитания и природу в собственном и узком смысле, и среду, созданную самим человеком. Можно с уверенностью

утверждать, что к началу XXI в. скорость созидания, улучшения, словом цивилизования среды в нашей стране значительно отстаёт от скорости её «варваризации», т.е. разрушения, испоганивания, захламления, появления вреднейших для природы и человека техногенных процессов. В то же время в странах, потому и заслуживающих названия цивилизованных, соотношение (несмотря на наличие глобального экологического кризиса) все же обратное. Я думаю, что в значительной мере поэтому многие европейцы сомневаются, что Россию можно относить к более цивилизованной Европе, где почти уже не встречаются типичные для нас формы жизни, столь универсально лишённые опознавательных знаков цивилизации: одичавшее, пьяное сельское население, а вокруг — постыдные для XX и XXI вв. поселения и строения, окруженные всяческим хламом, варварские дороги, допотопный транспорт и т.д.; города с более или менее ухоженным центром и запущенными окраинами; зловонные полигоны гниющего мусора вокруг городов, стоки вредных промышленных отходов, безнаказанно и беззастенчиво направляемые в реки и водоемы; чудовищные по масштабам лесные пожары и т.д. Всё это хорошо известно; каждый день население страны видит или непосредственно переживает очередную природную или «рукотворную» катастрофу. Значительная доля вины лежит, конечно, на правящих кругах, на тех законодателях, которые принимают неэффективные природоохранные законы, и тех чиновниках, которые не соблюдают даже их. Но я хочу утвердить тезис, который касается *нашего отечественного варварства* — и не только по отношению к среде обитания: причина всех причин (в том числе и неэффективной, а то и преступной политики властей) — в отсутствии у большой массы российского народа, сверху до низу, цивилизационного сознания, цивилизационных мотивов и усваиваемых с раннего детства цивилизационных правил поведения. Напротив, если отвлечься от лозунгов и прокламируемых ценностей (редкая местная, губернская администрация или политическая партия не выписывает их на

своих предвыборных знаменах) и перейти на уровень *повседневных и реальных* максим поведения индивидов, институтов, управленческих подразделений, то приходится констатировать: в угрожающем большинстве случаев отдельные люди и институции *фактически* руководствуются в своем отношении к среде обитания антицивилизационными, т.е. варварскими мотивами и правилами. И ведь в начале XXI в. они (по большей части) ведут себя варварски не потому, что не знают других, т.е. цивилизованных принципов или не ведают, какие именно нормы жизни они нарушают. Огромной важности обстоятельство заключается в следующем: жители России (за редкими исключениями) все-таки знают и с той или иной мерой ясности понимают, что существует цивилизованное отношение к среде обитания и что их собственное поведение не укладывается в рамки цивилизованности. Случаи полного цивилизационного невежества тоже, разумеется, существуют — и их, возможно, не так уж мало. Однако господствуют все же не они. Господствует относительная вменяемость — юридическая, психологическая и т.д. — частных индивидов и ответственных лиц, социальных институтов применительно к собственному варварскому испохабливанию среды обитания. В том смысле, что в нашей стране *большая часть людей* (с нормальной психикой) *достаточно сознательно, так сказать, вменяемо нарушает законы цивилизованности в отношении среды их обитания*. Более того, довольно значительная часть людей знает и понимает, что нарушает какие-то законы государства и что последствия их преступной небрежности, корысти и т.д. могут быть поистине катастрофическими. И вот на этот момент я хотела бы обратить особое внимание. Ни в одной из европейских стран, где мне довелось побывать, я не сталкивалась со столь варварским поведением людей в отношении своей страны, своего народа и даже самих себя, своих близких, которое по типу и последствиям **равносильно поведению самоубийц, отце- и детоубийц.**

Возьмем простые примеры. Если от плохо потушенных костров, которые разожгли (скорее всего) жители данной местности, разгораются гигантские пожары, от коих задымятся, а то и гибнут опять-таки жители данной местности, то как иначе назвать подобный способ жизни и поведения, если не варварским и притом самоубийственным? Если в городе, в котором живешь ты сам, живет твоя семья, ты — из-за головотяпства, из-за низких экологических штрафов и т.д. — пусть не преднамеренно, но с сознанием возможности катастрофы отравляешь воду, воздух, среду вредными промышленными и бытовыми отходами, которые, возможно, отравят и твой организм, сделают инвалидами детей (не исключено, что и твоих), то что это как не преступное, притом *самоубийственное и достаточно осознанное, вменяемое варварство?*

Если в собственном доме, вокруг него, в подъезде ты создаешь помойку, недостойные человека антисанитарные условия, то с точки зрения требований цивилизации ты настоящий варвар — притом ты ведь со всей очевидностью действуешь против самого себя, своей семьи, своих детей. В европейских странах люди понять не могут, как это мы, россияне, повседневно учиняем и терпим свинарники в *своих* подъездах, дворах, поселках. В Германии, например, лишь в виде исключения можно встретить подъезды, которые для нас, наоборот, типичны. И европейцы находят единственное объяснение: раз цивилизованность — это (в том числе) чистота, порядок, гигиена, красота, то мы, *очень многие россияне, чужды повседневной цивилизованности*. Убедить европейцев в обратном вряд ли возможно. (Ведь так думают и те из них, которые относятся к России не враждебно, а сочувственно и даже с любовью).

2. Те же формы и образцы антицивилизационного поведения индивидов и институций, о которых шла речь применительно к среде обитания, имеют место и в сферах отношения человека к человеку, т.е. в сферах социального взаи-

модействия. И здесь у нас, увы, не цивилизованность потесняет варварство, а наоборот, все шире и глубже «варваризируются» целые области социальной жизни.

Хочу быть правильно понятой. Я не принадлежу к числу тех людей, которые уверены, будто именно переход от советского времени к постсоветскому принес с собой упомянутую варваризацию. Напротив, я полагаю, что корни сегодняшней нецивилизованности надо искать в истории страны, в том числе в истории десятилетий советской власти. Ведь *подлинно цивилизованное поведение индивидов — это, прежде всего свободная деятельность в соответствии с сознательно принятыми нормами особого общения, взаимодействия с другими людьми*. В чем та главная особенность, о которой идет речь? Лучше всего ее пояснить через противопоставление варварству. Варварство как человеческая (все же) история уже подразумевает и определенную степень свободы индивида, и социальное взаимодействие индивидов и социальных групп.

Но принципиальные отличия варваров от людей цивилизации — опора на подчинение грубой силе, коварство в отношениях к «близким» и «далеким», незнание правовых и нравственных норм или, уже при их наличии, нежелание, неумение соблюдать их, подчинение им не иначе чем при постоянном сохранении силы, насилия, надзора (без сознательной, постоянной и внутренней потребности самостоятельно действовать в качестве правовых и нравственных субъектов). Итак, сугубо относительная социальная, правовая, нравственная вменяемость, дисциплинированность варваров если и возможна, то исключительно при условии реального или грозящего им насилия, наказания и т.д. **Свободно, сознательно, самостоятельно действует только человек цивилизации.**

Контролирующие, наказующие, карающие установления и инстанции в условиях цивилизованного общества тоже, разумеется, существуют — из-за тех противоречий цивилизации, всегда возможных рецидивов варварства, о которых уже шла речь. (Сами эти инстанции тоже могут тяго-

теть, в зависимости от исторических условий, то к полюсу цивилизованности, то к полюсу варварства. Но это особая проблема, которой мы позже еще коснемся). И вот если с цивилизационной точки зрения вспомнить об истории нашей страны даже в последние два — три столетия, то приходится признать: *свободная и сознательная* деятельность индивидов, направленная на цивилизование всей страны, в эти прошедшие века не была фундаментальным фактом истории России. Тому было немало исторических причин: постоянное наличие внешних угроз, а потому преобладание мобилизационно-насильственных способов управления страной; огромные неосвоенные территории и соблазн не осваивать их упорным трудом, а продвигаться на новые земли; длительное господство крепостного права; отсутствие коренных и длительных духовно-цивилизующих преобразований повседневной жизни, нравственных основ предприимчивости, достойного труда и т.д. Конечно, и при этих тормозящих условиях страна постепенно двигалась в том же направлении, что и вся мировая цивилизация, но способы цивилизования в нашей истории — от Петра I до большевистского режима — были, как правило, насильственными, а то и просто кровавыми, значит, тоже во многом варварскими.

Мне могут возразить: а разве энтузиазм советского времени, связанный с преодолением вековой отсталости страны, не был такой свободной и сознательной деятельностью? Ни в коей мере не желая бросить тень на самоотверженный и действительно героический труд массы людей в советское время (т.е., собственно, труд наших предков), приходится, однако, заключить: *трудовой энтузиазм в условиях тоталитаризма*, правда, способен породить некоторые нужные материальные, научно-технические результаты (электростанции, гиганты индустрии, космическая и военная техника); но с точки зрения воспитания привычек к свободному цивилизованному труду он недолговременен, неэффективен, т.е. исторически неперспективен. Это, впрочем, доказывает история не одной нашей страны. Поэтому задачи цивилизо-

вания страны после таких эпох энтузиазма в условиях несвободы остаются нерешенными. И более того, есть еще одна историческая закономерность, ясно и полно проявившаяся в истории последних десятилетий: после падения режимов, покоящихся на экономической, политической, нравственной несвободе, переход к цивилизованной свободной деятельности индивидов и к правовому, цивилизованному государству дается с огромным трудом и *на переходный период почти неизбежно сопровождается интенсивным всплеском варварства*, то есть хаоса, насилия, разнузданности, беззакония, падения нравственности и т.д. С точки зрения задач цивилизации повседневной жизни и выработки многих навыков цивилизации — например, основы основ: привычки к сознательному, доброкачественному труду, к надежному взаимодействию с другими людьми — эпохи несвободы не просто неэффективны, но несут в себе своего рода отрицательный заряд и как бы запрограммированное отставание страны. Во-первых, из-за того, что определенное историческое время для цивилизации страны оказывается, в сущности потерянными: цивилизационное отставание от других стран не сокращается, а увеличивается. Во-вторых, поскольку человеческая история так устроена, что нерешенные задачи цивилизации все равно приходится решать, то выполнение этих старых задач переносится на более поздние эпохи, когда уже во весь рост встают также и новые цивилизационные цели. И тогда, как сказано, к обычным трудностям цивилизации присоединяются еще и эксцессы переходного времени.

Хотя разговор о проблемах цивилизации повседневной жизни нашей страны как будто бы постоянно ведется (в том числе и в философской литературе), мне кажется, что коренное значение именно этих проблем в нашей стране не осознано ни правящими кругами, лидерами страны, представителями и «манипуляторами» общественного мнения, ни теоретиками, ни основной массой населения. Что касается населения, то оно, как правило, имеет тенденцию усматривать чуть ли не единственную причину всех своих бед в по-

литике, в коррумпированности и неэффективности властных структур и т.д., но весьма редко рефлектирует на свой образ жизни, свое поведение, свое сознание, свои мотивы. И весьма редко осознается как раз то, что я здесь выдвигаю в качестве центрального тезиса и что я сформулирую повторно в других словах: *главнейшая причина внутренних проблем, бедствий, уже выпавших на долю России и, увы, ожидающих ее в будущем (в том числе причина коррумпированности и непрофессиональности), коренится в нецивилизованности повседневной жизни, в недооценке народом как целым неотложных исторических задач цивилизования страны через цивилизование собственного сознания и поведения.*

Часто говорится, что советское время было эпохой коллективизма и что в постсоветские времена коллективизм был разрушен, а его место занял сугубый индивидуализм, грубый эгоизм. Проблема имеет прямое отношение к теме цивилизации. Пояняя суть того издревле занимавшего умы отношения людей друг к другу, которое (относительно поздно) было маркировано понятием «цивилизации», многие авторы подчеркивали: *цивилизованный человек в цивилизованном обществе действует на основе своих неотъемлемых прав и свобод; но при этом он обязан и приучен уважать права, свободы, достоинство других людей как свои собственные.* Суть цивилизованности во взаимоотношениях людей (и социальных групп) — в собственном ответственном благорасположении к другим людям и в ожидании от них такого же отношения.

Хочу подчеркнуть: речь идет не о том, что *реальная* история цивилизации *всегда* и *везде* демонстрирует это правило в действии; скорее это *идеальное правило, принцип, высшее эталонное требование цивилизации.* Не станем затевать здесь спор о высших, светлых идеалах, нормах, правилах и их нереализуемости в обычной жизни. Достаточно осознать следующее: чем цивилизованнее повседневная жизнь той или иной страны, тем в большей степени этот принцип цивилизации проявляет свое действие. Значит, принцип цивилизованности — не просто в

ориентации индивида на других людей, но в большей или меньшей сознательности такой ориентации, в индивидуальной свободе как непрременной предпосылке коммуникативного действия. Вот почему ни варварски-стадная коллективность, ни чисто общинная спайка индивидов, лишенных собственности, свободы и прав, ни показной, прокламируемый и тоже основанный на несвободе, насилии, самопожертвовании коллективизм советского времени не отвечают в сколько-нибудь полной мере требованиям *цивилизованной коллективности*. (Правда, любой, даже суррогатный коллективизм все же сохраняет для индивидов свою притягательность — а в случае его разрушения даже романтизируется — из-за того, что хоть отчасти восполняет так нужное людям добровольное, сознательное, цивилизованное взаимодействие).

Люди издревле мечтали именно о лучшем в человеческих отношениях, а потому в ряде четких формул (например, в Библии или в кантовском категорическом императиве) воплотили основные требования к цивилизованному взаимодействию индивидов и, наоборот, создали обобщенные образы такого общения, которое можно назвать антицивилизационным: например, это «естественное состояние» как война всех против всех. И вовсе не случайно упомянутые негативные образы четко ухватывали реальные черты таких исторических состояний, когда периоды (относительного) мира, стабильности сменялись мощными всплесками насилия, хаоса, варварства (гражданские, мировые войны, кровавые революции). Накопление и кристаллизация цивилизационных требований осуществлялись в различных социальных, правовых документах (Декларация прав и свобод человека, конституции государств), а также в целых теоретических и прикладных дисциплинах (юриспруденция, этика и т.д.).

С точки зрения совокупности этих требований нынешнее состояние социальных отношений и взаимодействий в России выглядит весьма драматично, даже удручающе. Индивиды в принципе получили ранее отнятые у них права и свободы. И какой бы формальной ни была эта свобода, с какими бы издержками и препятствиями она ни осуществ-

лялась, *сам по себе цивилизационный сдвиг в обретении и прокламировании индивидуальных прав и свобод принципиально важен*. Правда, все зависит от того, как и насколько индивиды умеют пользоваться на практике формально предоставленными им свободами. И если иметь в виду обсуждаемый нами здесь аспект темы — зависит и от того, не используются ли права, свободы одного человека или группы людей так, что одновременно ущемляются (в том числе криминальным образом) права, свободы, достоинство других индивидов и социальных групп. Здесь я вижу основной, быть может, изъян сложившихся в нашей стране в последние годы социальных порядков. (Называть ли их «диким капитализмом» или гниющим постсоциализмом, вопрос другой). В наших современных условиях не только правящие круги, но и весьма многие граждане, которых у нас часто называют «рядовыми», утратили в своем реальном сознании и поведении (непрочные, как оказалось) ценности, мотивы коллективизма. Сложилась — «вверху» и «внизу» — такая *реальная* модель повседневного поведения очень многих людей, в рамках которой *на деле* считается не только допустимыми, но даже эффективными, целесообразными:

а) применение к другому человеку *насилия*, в том числе в самых грубых, варварских формах (убийство, похищение, другие уголовно наказуемые или морально осуждаемые действия). Не только не используется, но и постоянно, цинично нарушается ряд элементарных норм, в том числе древнейшая, еще в Библии зафиксированная и именно цивилизационная норма: не делай другому то, чего ты не хочешь, чтобы это было сделано по отношению к тебе;

б) во имя наживы, власти или других целей многие считают возможным идти на заведомый *обман*, *подлог*, вымогательство, взяточничество и что-то подобное, что наносит очевидный ущерб другим людям;

в) не делается элементарно необходимое в сферах, ситуациях, случаях, когда для сохранения жизни и здоровья других людей требуется тщательное соблюдение технических и т.д. правил, инструкций. Опасные для общества, ино-

гда для собственной жизни халатность, безответственность — типичные явления нашего социального бытия. У всех нас перед глазами страшные факты: горят школы, горят дети в поселке, где живут сами дети и их родители; горят глухонемые дети в интернате; комбинат, соседствующий со школой, отравляет вреднейшими выбросами детей; кишечные инфекции возникают из-за лопнувших канализационных труб или «сбагренных» детям просроченных продуктов и т.д.

Всякий раз виноваты, конечно, конкретные люди¹⁷ — и их с ужасающим постоянством никогда не находят и не наказывают; инциденты, от которых холодеет кровь, становятся повседневными и «нормальными»... Ну а родители, близкие детей, сгоревших в тех школах? Их горе, понятное дело, невыразимо. Но почему они-то не сделали всё, что было в их силах, чтобы предотвратить бедствие? Вот это и есть поистине **трагическое следствие самоубийственной нецивилизованности** нашего общества: очень многие люди (и не только «наверху», но и «внизу» социальной лестницы) не привыкли свободно, сознательно и неукоснительно соблюдать элементарные правила труда и поведения, связанные с предотвращением опасности для жизни других людей (а таких опасных ситуаций в условиях современной технической цивилизации становится все больше). Всё, решительно всё в нашем обществе — от равнодушия исполнительной власти, бездействующих или несовершенных законов до безответственной халатности слесаря, электрика и т.п. и какого-то тупого равнодушия граждан к самим себе, жизни и здоровью своих детей — внушает горькое предчувствие того, что подобные катастрофы будут множиться и станут еще более страшными;

г) в России в должной мере не используются *средства предотвращения* подобных эксцессов, взрывов варварства, которые уже выработала цивилизация. Речь идет, понятное

---

¹⁷ О проблеме «авторства» и наказания — в случае антицивилизационных деяний см. ранее и в последующих главах данной книги.

дело, об употреблении власти и закона на всех уровнях, прежде всего о правоохранительных органах — ибо, как понятно из сказанного, самоубийственная нецивилизованность прямо перелилась в открытый или замаскированный криминал. Но у нас все, что могло бы препятствовать криминалу, делается чрезвычайно плохо, неэффективно, непоследовательно, противоречиво. В правоохранительных органах есть, конечно, честные, отважные, высокопрофессиональные работники; но система правоохранительной деятельности не убереглась и не могла уберечься от тех же раковых опухолей нецивилизованности, которые поразили все, в сущности, уровни деятельности власти и о которых мы уже говорили;

д) отсюда еще одна специфическая черта нашей нецивилизованности в социально-гражданской сфере. Я имею в виду *замкнутый круг, постоянное «расширенное воспроизводство» упомянутой нецивилизованности*. У нас часто говорят: рыба гниет с головы; иными словами, все дело в нецивилизованности власти. И всякий раз, когда совершается варварский, антицивилизационный поступок, поведение тех, кто «наверху», становится как бы оправданием для тех, кто нарушает закон «внизу». Воровство и коррупция «помелкому» считаются чем-то невинным и вряд ли достойным наказания, раз на глазах, нагло и безнаказанно расхищаются, берутся в качестве взяток огромные суммы и несправедливо накапливаются несметные богатства. У нас действует *своего рода превратный «закон»: чем больше уворовано, присвоено и т.д., тем менее вероятно наказание*. И тогда ссылка на «верхи» вполне понятна с психологической и этической точек зрения. Но если так, то положение нашей страны поистине безнадежно: цепную реакцию преступлений невозможно разорвать ни в одном звене. Новоявленный олигарх, чиновник или простой гражданин, нарушающие закон, если их застигнут на месте преступления, могут «сослаться» на тех, кто до них совершил подобные деяния (тем более, если уворовано куда больше)...

Между тем элементарное цивилизационное правило, касающееся и сферы юридической, и области нравственной, гласит: ни одно более раннее нарушение норм права или нравственности не может служить оправданием для каких-либо других, последующих противоправных или антинравственных деяний и поступков. Так цивилизация защищает себя от порочного круга антицивилизационных действий, который иначе нельзя было бы разорвать. Но все это, так сказать, теория. А на практике у нас сейчас господствует прямо противоположное и антицивилизационное по своей природе «правило»: в условиях разгула преступности каждое новое преступление в глазах населения представляется по-своему оправданным. И пока такая «норма» повседневно и повсеместно действует, наши антицивилизационные беды будут нас захлестывать. И в лучшем случае нас ожидают показушные кампании типа: «очистим наши ряды от оборотней» и т.д.

Есть еще один тип чисто российских жалостливых оправданий криминала: большинство антицивилизационных преступлений творится, де, от сугубой бедности, оттого, что нечем кормить детей и т.д. Такие преступления, действительно, есть. Однако нельзя не заметить, что основная масса криминала гнездится там, где действуют совсем не бедные люди и где они нарушают закон не из-за куска хлеба, а из-за больших или очень больших денег. Другое дело, что за решетку, как правило, попадают люди, совершившие мелкие преступления и не способные воспользоваться лазейками правоохранительной коррупции. Полагаю, специфика сегодняшней российской ситуации заключается в том, что многие действительно бедные или малообеспеченные люди честно и в поте лица трудятся, растят и учат своих детей, тогда как массовые магнитные полюсы преступлений — те же, что и полюсы нецивилизованности: безоглядное «делание» больших денег на одном полюсе, а на другом — одичание тех, кто из-за алкоголизма, наркомании, распущенности, социальной безответственности ведет себя именно варварски, т.е. самоубийственно. Тех, кто находится на этом втором «полюсе» антицивилизаци-

ванности, у нас гораздо больше, чем в других странах (по разным подсчетам — от 15 до 20% населения). Кричащий показатель дикости (и даже не животной, а человечески-варварской, ибо даже животные не бросают своих детенышей) — миллионы брошенных детей при живых родителях... Этого нет и не может быть ни в одной мало-мальски цивилизованной стране (хотя пьяницы, наркоманы, бомжи есть во всем мире).

Здесь я смогла разве лишь *поставить* тот вопрос, который, с моей точки зрения, требует иного формулирования целого ряда конкретных и общих проблем, ожидающих в нашей стране (да и во всем мире) своего решения. Более подробный анализ, в том числе и применительно к России — в последующих главах. Всем нам необходимо осознать: построить для себя, своей семьи большой и красивый дом (что, судя по опросам, уже сделали, делают или о чем мечтают большинство россиян), по возможности окружить его забором, охраной и жить посреди экологического, цивилизационного запустения, нищеты и бедности, в условиях повсеместного криминала, значит готовить себе, своим детям и внукам, всей стране новые социальные катастрофы. Варварство — страшное, заразное, самоубийственное для страны и любого индивида состояние. Выход только один — заняться цивилизацией страны, что невозможно без того, чтобы каждый человек, все еще зараженный варварством, исцелял от него прежде всего самого себя.

Post Scriptum 2007 года

Предшествующий текст, напечатанный в 2004 г. в книге «Человек. Наука. Цивилизация», я просила бы читателей воспринимать вместе с более поздней работой — 5 главой данного раздела, которая в данной книге публикуется впервые и в которой более основательно, как я думаю, анализируются цивилизационные проблемы современной России.

Глава четвертая. Современная цивилизация и варварство как ее обратная сторона

Общий смысл понятия варварства как оборотной стороны цивилизации

Считаю необходимым прежде всего пояснить понятийную сторону дела, задавшись вопросом: в чем смысл и преимущества употребления именно в данном контексте — применительно к **современной цивилизации** — понятия варварства?

Понятие «варварство», разумеется, по-прежнему задействовано в специальной исторической литературе, посвященной проблематике становления человеческого рода. В этой нашей работе, обращенной преимущественно к современной истории (или, ретроспективно, к истории уже сформировавшейся цивилизации предшествующих эпох), приходится отвлечься от упомянутой специфической проблематики и ее особого контекста, где варварством именуются поистине бесконечные по длительности исторические процессы, отмеченные сначала безраздельным, а потом преимущественным господством природно-биологических предпосылок, стимулов, следствий жизнедеятельности индивидов, принадлежащих к роду *Homo Sapiens*. «Цивилизация» — понятие, с XVIII в. и по сегодняшний день принятое для обозначения того значительно более краткого, чем варварство, следующего за ним этапа человеческой истории¹⁸, когда постепенно возникают, а

---

¹⁸ Я вынуждена отвлечься здесь от исторического контекста возникновения, развития и соотнесения понятий «цивилизация» и «варварство» в философии, истории, социологии и других областей гуманитарной культуры. В общем и целом можно очень кратко обозначить главные этапы этой истории:

затем становятся в принципе (но только в принципе!) пре-
валирующими механизмом и стимулы, которые В.С.Степин
называет «надбиологическими программами человеческой
деятельности»¹⁹.

В контексте нашего понятийного анализа очень важно
предварительно подчеркнуть: полярное противопоставление
варварства и цивилизации вряд ли продуктивно и, скорее
всего, уходит в прошлое. Это верно даже для чисто истори-
ческой литературы. Ибо цивилизация рождалась **из** варвар-
ства, **на его основе**; она формировалась так долго и трудно,
что было бы бессмысленно искать где-то в истории резкие
разграничительные линии, как это иногда делают историки
с их вообще-то понятным желанием найти в седом прошлом

- Первые обсуждения феномена цивилизованности и варварства — без употребления этих понятий — еще в античной и средневековой мысли (см. в этой нашей книге упоминания о Платоне и Аристотеле).

- Возникновение термина «цивилизация» во французской просветитель-
ской литературе XVIII в. — у Мирабо (работа «Друг женщин, или Трак-
тат о цивилизации» — где цивилизация отождествляется с вежливос-
тью, учтивостью, смягчением нравов и т.д.), в работах Руссо, Дидро,
Тюрго и других авторов, где на первый план выдвигаются — и противоп-
оставляются варварству — просвещенность, утонченность, благоразу-
мие, обходительность, тонкий вкус и т.д. «В рассматриваемую эпоху
«варварство» в основном используется: 1) для характеристики восточ-
ных обществ...» (Терин Д.Ф. Цивилизации против «варварства»: к исто-
риографии идеи европейской уникальности / <http://knowledge.isras.ru/sj/sjl-03ter.html>, стр. 3).

- Прогрессистские теории цивилизации (Ф.Гизо, П.Л.Лавров) — с рез-
ким противопоставлением цивилизации и варварства, акцентировани-
ем особенностей и преимуществ европейской цивилизации.

- Отход от однозначного противопоставления «варварства» как ушед-
шего в прошлое состояния и «цивилизации» как прогрессивного, про-
свещенного современного этапа развития истории: критика современ-
ной, т.е. нововременной цивилизации, как содержащей в себе рециди-
вы варварства.

¹⁹ «В жизнедеятельности людей взаимодействуют программы двух типов:
биологические (инстинкты самосохранения, питания, половой ин-
стинкт, инстинктивная предрасположенность к общению, выработан-

некое явное и четкое «начало истории цивилизации» и «конец варварства». Еще существеннее проявлять внимание к процессам, механизмам и формам варварства, которые оказывались внутренне имплантированными в многотысячелетнее развитие самой цивилизации. Надо понять, почему и после появления, а потом достаточно длительного функционирования цивилизационных, (в основном) надбиологических программ характерные для очень далекой эпохи варварства детерминирующие механизмы поведения отдельных людей и их объединений не исчезают полностью ни из жизни индивидов, ни из исторической практики человечества. Они, правда, видоизменяются соответственно новым эпохам. Но вполне правомерно и продуктивно, как я думаю, понимать и исследовать их как **«исторический наследственный код»**, который и на уровне индивидуальных программ, и на уровне общественных систем проявляет свое действие, порой обуславливая особенно сильные взрывы, всплески варварства — причем зачастую не на обочинах, а, так сказать, на столбовой дорожке цивилизации. И по целому ряду причин, что будет подробно показано в дальнейшем, настоятельно необходимо вести речь не только о чисто современных проблемах и противоречиях, а именно о **рецидивах, всплесках варварства как «наследственной болезни» всей цивилизации, т.е. индивидов, общества, самой человеческой истории.**

ная как результат приспособления человеческих предков к стаданому образу жизни и т.д.) и социальные, которые как бы надстраивались над биологическими в процессе становления и развития человечества (поэтому их можно назвать надбиологическими программами). Если первые передаются через наследственный генетический код, то вторые хранятся и передаются в обществе в качестве культурной традиции» (*Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996. С. 9*). О трех уровнях надбиологических программ («реликтовые программы, осколки прежних культур, которые живут в современном мире» — в их числе и реликтовые программы варварства; программы, регулирующие сегодняшнее поведение; программы, обращенные в будущее), см.: *Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 343*.

Необходимо исследовать, почему болезни варварства пока не была в силах полностью предотвратить, преодолеть, а смогла только смягчить еще относительно молодая (в масштабах мирового времени) и, как видно, уникальная, не опирающаяся ни на какой другой опыт человеческая цивилизация. Отнесение тех или иных социальных и индивидуальных отклонений к варварству, следовательно, не позволяет человечеству ограничиваться, тем более обольщаться быстрым, поверхностным, прагматическим, местным устранением больных побегов и гниющих плодов последнего «урожая» цивилизации, а заставляет обращаться к посильному лечению корневой системы, т.е. к выявлению причин и следствий, факторов и структур длительного, преемственного, именно исторического и при этом универсально-исторического характера.

Итак, *понятие варварства* вполне уместно применять не только к древнейшей истории, но также имея в виду *совокупность существующих на зрелых стадиях развития цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, сущностных признаков (если хотите, «телоса») цивилизации и цивилизованности*. И отличаются особенно грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззастенчивым *попранием уже хорошо известных индивидуумам и человечеству* (и, как обнаруживается, весьма хрупких) *цивилизационных принципов и норм*, недостойными человека *агрессией, одичанием, скотством*, да и другими чертами, свидетельствующими о несомненном откате к варварству. И таких откатов в истории цивилизации, в том числе современной — великое множество. Немецкий социолог К.Оффе кратко определяет современное варварство как «применение и претерпевание разрушительного насилия»²⁰, как нежелание отдельных действующих лиц и их групп оправдывать или объяснять свое поведение, чего непременно требует цивилизация.

---

²⁰ *Offe C. Moderne «Barbarei»: Der Nafurzustand im Kleinformat. S. 268.*

Цивилизация и человек цивилизации — (пока что) необратимая историческая данность. И как все в истории, эта данность крайне противоречива. По существу через сопоставление с варварством мы и обсуждаем как исторически унаследованные, так и «благоприобретенные», т.е. порожденные самой цивилизацией ее глубинные внутренние противоречия, надеяться на полное устранение которых нереалистически и неразумно. Но вскрывать, обсуждать, выносить их на суд человечества совершенно необходимо, чем всегда занималась философия вместе со всей гуманитарной культурой. Дело это, впрочем, совсем не безобидное. Люди предпочитают слышать от философов или литераторов что-то вроде: «Человек — это звучит гордо!» — причем даже в эпохи, когда поводов для гордыни особенно мало... И все же человечество в целом, отдельные индивиды и страны должны постоянно иметь в своем распоряжении добросовестный, честный, нелицеприятный диагноз *чреватых варварством болезней общества*, знать о степени их распространения, обострения, о собственной причастности к ним в тот или иной период истории. Быть может, кому-то покажется, что сказанное элементарно и общепризнано. Но я убеждена, что это совсем не так. А потому решаюсь выдвинуть и далее подтвердить доказательствами следующий тезис: как осознание, признание пронизанности современной цивилизации болезнью варварства, так и бесстрашное, честное, строго научное исследование характера, причин этой древнейшей и в то же время остро современной болезни, тем более практически действенное понимание того, что к середине XX в. она **впервые в истории приняла глобальный характер и стала смертельно опасной для самой человеческой цивилизации, для планеты Земля**, для ближайшего космоса — все это еще не состоялось в качестве значимого исторического фактора, не оказало сколько-нибудь заметного влияния на реальную надбиологическую программу жизнедеятельности рода Homo Sapiens. Трудно отрицать, что сегодня человечество, с одной стороны, поставило свою цивилизацию на грань глобальной, универсальной катастрофы, а с другой стороны, впало перед ее лицом в «сон разума». Доказательств того и другого очень много.

Уникальность кризиса современной цивилизации и проблема варварства

Мы уже упоминали и повторим еще раз: весьма пространственным всегда был и сегодня остается такой исторически недалекновидный подход, при котором страны, регионы современного мира просто подразделяются на цивилизованные и нецивилизованные, варварские, причем первые однозначно присваивают самим себе не только некие «эталонные» качества цивилизованности (соответственно — демократичности и т.д.), но и перехватывают миссию цивилизования вторых, предоставляя себе же право решать, какие средства (вплоть до военного вмешательства) для этого «целесообразно» применить. Подобная практика, примеры которой в истории последних столетий и в современной истории весьма многочисленны, была и остается чреватой самыми пагубными последствиями (колониализм, империализм, мировые и локальные войны). Более того, здесь коренится самая глубокая причина нестабильности современного мира: в исторической памяти народов сохраняются и постоянно прорастают вновь зерна вековой вражды. Ибо если страны, считающие себя цивилизованными, идут на крайне нецивилизованные меры — пусть, как они заявляют, «во имя» цивилизации, демократии, — то кто же станет верить в такую цивилизацию и бороться за ее спасение?

Перед лицом варварства, исходящего из «центров» цивилизации, таяла вера в цивилизационный прогресс. Правда, отдельные конфликты в ходе современной истории примирались; дело конкретного цивилизования повседневной жизни в каких-то областях (например, научно-технической) тактически продвигалось вперед. Пусть так, но из-за *кардинальной ошибочности сложившейся цивилизационной стратегии* на следующем витке развития цивилизации риски, опасности для отдельных людей, стран, всего человечества не-

прерывно возрастали, пока не привели, как это случилось в середине и особенно в конце XX в., к самой страшной угрозе — к реальной опасности глобального уничтожения человечества людьми же и их «творениями».

Почему здесь можно и нужно говорить именно о невиданном, смертельно опасном выбросе варварства? Прежде всего потому, что главными опознавательными знаками древнейшего варварства были невосполнимые разрушения природной среды и, главное, отсутствие всяких гарантий выживания человеческого рода. Тогда и стал возникать «исторический проект» цивилизации, своего рода телос которой в длительной исторической перспективе заключался в том, чтобы жила, украшалась наша планета и чтобы появились гарантии сохранения человечества. На многие тысячелетия этот проект, при всех его издержках и при неизжитом варварстве, «залезшем» под кожу цивилизации, все же оказался успешным **с точки зрения его основного предназначения — сохранения жизни человеческого рода, непрерывности его истории.**

Но если сам телос цивилизации сегодня под угрозой, то это значит, что так и не исчезавшее варварство, став «цивилизованным варварством», как будто бы неожиданно «накопило силы». И не тогда — в древнейшей истории, когда цивилизация была очень слаба, а как раз сегодня оно вступило в смертельную схватку со зрелой цивилизацией. Я считаю, что именно так наиболее верно, честно, ответственно формулировать самую **главную и самую неотложную проблему всей современной истории.** Конечно, в цивилизации наших дней есть немало частных противоречий, которые не напрямую связаны с болезнями варварства, а скорее являются **болезнями «роста»,** трудностями **совершенствования** цивилизации. Таковы, например, противоречия современной демократии (и мы еще будем их обсуждать в связи с темой российского варварства). Это, так сказать, противоречия между приемлемым и лучшим. А вот противоречия,

о которых идет речь при анализе варварства, суть проявления **самого худшего** и **самого опасного** в развитии современной цивилизации.

Между тем «разделение труда» в современной гуманитарной литературе, в чем я согласна с некоторыми авторами, не отвечает этой проблеме всех проблем и опасности всех опасностей. Подавляющее большинство социальных философов, социологов, политологов занято обсуждением, как правило прагматическим, частных проблем, более или менее поддающихся «позитивному» решению. И лишь немногие, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее человечества, считают настоятельно необходимым предложить критический анализ особого рода — его немецкий социолог К.-З.Реберг называет «Kassandra-Perspektive»²¹; замысел его — обратить внимание людей на реальную возможность самого тревожного сценария развития современного человечества. В данной своей работе я как раз и предлагаю такой философский анализ, специально и намеренно акцентируя тему и проблематику варварства.

Такому анализу пока очень трудно пробиться к умам и сердцам людей, особенно тех, которые стоят у руля современной мировой политики. Чему есть немало объяснений, связанных с особенностями тех или иных политических лидеров, социальных институтов, групп экспертов и групп влияния, которые в наши дни фактически готовят и принимают поистине судьбоносные для человечества решения. Существует своего рода общая парадигма их деятельности, резко противоречащая глобальному характеру опасности варварства как возможного уничтожения человечества: их мысли, ценности, предпринимаемые меры — как и вообще объединяемые индивидуальной надбиологической программой господствующие механизмы сознания и действия отдельных людей и человеческих общностей в современном мире — фактически направлены на реализацию целей **единичных**

---

²¹ *Rehberg K.-S. Ambivalente «Filter» // Modemität und Barbarei. S. 290.*

(индивидуальных) и **особых** (отдельных общностей, стран, союзов), а не на решение всеобщих, т.е. общецивилизационных задач. Они направлены на устранение более или менее **конкретных** опасностей для **отдельных** стран и групп, а не на действительное преодоление тех поистине смертельных системных угроз, которые нависли над **цивилизацией в целом**.

Забота о всеобщем (о судьбе человечества, о будущем цивилизации) если и появляется в такой системе ориентаций и действий, то на очень недолгое время и лишь в виде исключений. Возьмем в качестве примеров то, каков был способ действия людей и институтов, фактически влиявших на судьбы истории во время Второй мировой войны, или каковы действия наших современников перед лицом терроризма. Конечно, каждая страна в 30–40-х гг. XX в. боролась против нацизма, прежде всего отстаивая свои свободу и независимость, соответственно готовилась к войне и участвовала в ней. Но ведь совершенно ясно: нацизм, гитлеризм одерживал победу за победой, пока страны с различными социальными системами и национальными целями не осознали **общую** опасность и не **объединили** в борьбе с нею свои усилия. А тем временем варварство гитлеризма уже поглотило миллионы жизней, принесло неисчислимые беды и разрушения на огромных территориях современного мира. Несмотря на это и после войны, как и в ходе ее, союзники преследовали только свои особые цели; они снова стали враждовать и сколачивать борющиеся военные блоки, что привело к новому расколу мира, к невиданной, изматывающей цивилизацию гонке вооружений, к непрерывному совершенствованию ядерного оружия, ныне расплзшемуся по всему миру. И все это, конечно, сопровождалось и подогревалось острейшей «идеологической борьбой», перераставшей в масштабную «холодную войну».

В связи с недавно отмеченным 60-летним юбилеем победы над гитлеризмом оживились дискуссии о том, какую политику в отношении национал-социализма вели западные страны, а какую — Советский Союз, кто больше виноват в том, что зараза нацистского варварства чуть не поглотила

Европу²². Сейчас уже звучит мотив, который я лично считаю решающим: это была не только общая беда, но и общая вина — и вина состояла в том, что **всеобщие**, долговременные цели цивилизации как таковой не были приоритетными, отступали на задний план, причем отступали очень далеко, перед частными целями (и даже не отдельных стран, а правивших тогда индивидов и социальных групп).

Было бы неверно списывать **всю** вину только на правящие клики, кровавых диктаторов, непосредственно приказавших создать Освенцим или ГУЛАГ, развязать уничтожение целых народов, и наиболее видных идеологов — хотя вина их несомненна и первостепенна. Надо, наконец, твердо и честно признать: варварство — эти и подобные действия таких правителей, но также энтузиазм населения, во всяком случае той его весьма многочисленной части, чья деятельность наиболее активно и непосредственно связана с беспрецедентным уничтожением людей, с выработкой и исполнением бесчеловечных приказов, с разжиганием культа диктаторов и их партий и т.д. И совершенно безразлично, идет ли речь о неотесанных, грубых или образованных, внешне цивилизованных захватчиках, надсмотрщиках, идеологах, ибо суть, результаты их деятельности нельзя не определить как чисто варварские.

Как же прав был А. Камю, который в конце войны предупреждал: микробы чумы — чумы варварства, добавим мы, — лишь на время затаились; «и, возможно, придет на горе и в поучение людям такой день, когда чума пробудит крыс и пошлет их околевать на улицы счастливого города»²³. Этот «день», к несчастью, уже пришел: чума варварства вспыхнула вновь и все шире расползается по миру вместе с современным терроризмом. «Крысы» околевают — и вместе с ними сотни тысяч невинных людей...

---

²² См., например, материалы по темам: «война: прошлое и настоящее», «Память и политика» // Россия в глобальной политике. Т. 3. № 3, май-июнь. 2005. С. 5–8, 38–140.

²³ Камю А. Избранное. М., 1969. С. 378.

И как же ведут себя люди перед лицом чумы терроризма? Да все так же... Много говорят о бесчеловечности терроризма, о его международном характере, об исходящей от него глобальной угрозе. Но ведь дело в большинстве случаев ведется так, чтобы пресечь **отдельные** террористические акты на территории **своей** страны. Что касается терроризма, сеющего смерть и опустошения на чужих территориях, то даже при формальных осуждениях умудряются делать какие-то исключения, оправдывая убийц женщин и детей и даже предоставляя им убежище, трибуну, переименовывая их в «повстанцев»... Не принята в качестве руководства к действию очень простая истина, высказанная кем-то из европейских политических деятелей и в других словах защищаемая сегодня наиболее дальновидными людьми планеты: терроризм должен быть полностью и категорически отвергнут как таковой — без всяких «но» и «если», иными словами, без всяких оговорок. И политика по отношению к террористам и их пособникам должна быть совершенно однозначной, общечивилизационной. Казалось бы, все это многократно повторено и хорошо известно. Всё, да и не всё.

На этих примерах мы снова и снова убеждаемся в том, в чем я и вижу главную проблему и одновременно главную беду современного человечества: именно как человечество, оно не спасется от смертельной угрозы, от чумы варварства, если не выработает такие механизмы индивидуального, а также общественного сознания и действия, которые при решении каждой из жизненно важных проблем цивилизации не на словах и лишь по форме, а реально и содержательно поставят во главу угла в качестве главного приоритета именно **всеобщие интересы** всех людей земли. Более того, **эта ориентация на всеобщее должна превратиться в обновленную программу жизнедеятельности рода Homo Sapiens**. К сожалению, признаков глубокого понимания и признания этого я не вижу ни в деятельности большинства политиков, ни в умонастроениях, установках тех людей, которые через посредство вы-

боров приводят политиков к власти, ни в наиболее распространенных сегодня теоретических концепциях социальных философов, социологов, политологов.

Между тем такая программа в общем виде уже выдвинута и защищена, но, как это ни парадоксально, не в современных теориях, а в философии прошлого.

Вспомним знаменитую формулу категорического императива Канта (§7. «Критики практического разума»): «Поступай так, чтобы максима твоей воли во всякое время могла бы иметь также и силу принципа *всеобщего* законодательства»²⁴ (подчеркнуто мною — *Н.М.*). Вспомним, однако, и о том, что требования категорического императива иными философствующими авторами рассматривались как абстрактные, как формальные, далекие от практики и по существу неисполнимые. И только через века становится очевидным: Канту удалось в емкой формуле обратиться к индивидам и их объединениям такое требование, без превращения которого во всеобщее правило, своего рода «программу», **автоматизм практического действия** не спасется человеческая цивилизация. (Здесь, кстати, высвечивается не только чисто этическое, но и *историко-цивилизационное значение* ряда ключевых размышлений Канта и других великих философов, мудро и заблаговременно ставших «глашатаями всеобщего»²⁵).

По моему мнению, выполнение такого рода программы и было бы основополагающим ответом на вызовы современной истории. Дело это, что вполне понятно, невероятно трудное и, скорее всего, весьма длительное. Впрочем, и здесь есть уникальная особенность именно **нынешнего кризисного момента в развитии цивилизации**: ведь человечество сегодня и завтра как бы помещено на самое острое соревнования с

---

²⁴ *Кант И.* Соч. на нем. и рус. яз. /Под ред. Б.Тушлинга и Н.Мотрошиловой. Т. 3. М., 1997. С. 349.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Мотрошилова Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность // *Вопр. философии.* 2005. № 11, 12.

самим собой, вчерашним, и соревнование с историческим временем. Сохранение человечества как рода зависит от того, успеет ли оно (во всяком случае, успеет ли «критическая масса» индивидов и стран) переналадить свою традиционную цивилизационную программу, пока что пронизанную наследственными и благоприобретенными болезнями варварства — или еще быстрее его погубит очередная антицивилизационная чума... Полагаю, опасность убийства (фактически — самоубийства) человечества вполне ясна: оно, не дай бог, может произойти из-за проникновения террористов в центры управления ядерным или каким-либо другим смертоносным оружием; в принципе, возможен и роковой технический сбой. К огромному сожалению, не исключена и возможность взрывоопасного «суммирования» самых различных эффектов варваризации в главных сферах человеческой деятельности, что я в своих работах определила (и рассмотрела) как экологическое, экономическое, техногенное, политическое, милитаристское, правовое, бытовое варварство, варварство безнравственности²⁶. Теперь я бы также добавила, имея в виду новейшие исторические тенденции, поистине варварские приемы, применяемые в процессах глобализации, и глубинные противоречия, приистекающие из-за отмеченной повсеместной и повседневной неспособности людей, живущих в глобализирующемся мире, руководствоваться всеобщими, именно глобальными целями, из-за стремления ими несправедливо спекулировать.

Возникает вопрос: если кризис, порожденный варваризацией современной цивилизации, столь глубок, уникален и смертельно опасен, то возможно ли в принципе выживание человеческого рода? К несчастью для современного человечества и всех нас в отдельности, вопрос остается открытым. Но на него, как я полагаю, неверно было бы да-

---

²⁶ См. в данной книге главу вторую II раздела.

вать и однозначно отрицательный ответ. И вот почему. Ведь и в прежней истории цивилизация не раз проходила через тяжкие испытания из-за всплеска и нарастания варварства того или иного вида. Цивилизация до сих пор сохраняла себя, (хотя бы частично) разрешая (по крайней мере некоторые) неотложные цивилизационные задачи и постепенно отвечая на наиболее настоятельные вызовы той или иной эпохи. Подчеркнем, что решение этих задач в истории неизменно и объективно было связано если не с преодолением варварства как такового, то хотя бы с освобождением от наиболее нетерпимых форм нецивилизованности или прямого варварства (это были — в разные эпохи — канныбализм, рабство, крепостное право, колониализм, массовые эпидемии, крайние нищета и бесправие большинства населения и т.д.).

Можно выдвинуть и такое более конкретное соображение: в борьбе с остатками и рецидивами варварства сменявшие друг друга поколения людей сознательно или бессознательно опирались на сильные стороны, преимущества цивилизации, на те механизмы сознания и действия, которые хоть в какой-то мере заключали в себе противоядия против уклонения в варварство. Да ведь и сегодня нет иного пути для спасения и обновления цивилизации. *Но сейчас путь этот нужно проходить и быстрее, чем когда-либо прежде, и с большей мерой сознательности, добровольности, конструктивности со стороны всех и каждого.* От теории же, в частности, от философской теории, зависит так необходимое сегодня тщательное осмысление достижений, преимуществ, потенциала, движущих сил, форм бытия цивилизации, но также и выяснение того, почему в них все же оказалось имплантированным варварство и как надо бы двигаться, чтобы этих «имплантантов» было все меньше. К такому рассмотрению мы теперь и перейдем.

Объективные и субъективные формы бытия цивилизации

Одно из преимуществ цивилизации, объясняющих ее непрерывное (до сих пор) развитие, — несмотря на гибель локальных цивилизаций, — состоит, по-видимому, в том, что на протяжении истории формировались, передавались от поколения к поколению, изменялись и совершенствовались жизненно важные, обретающие особое объективное и субъективное бытие формы цивилизации. Назовем их **бытийными формами цивилизации**. Кратко рассмотрим главные из них.

- Это прежде всего те **материально-предметные воплощения деятельности людей**, которые полностью не «угасают» в отдельных актах использования и потребления (как съедаются продукты питания, изнашивается одежда, устаревает утварь и т.д.), но сохраняются на достаточно длительное время, служат целым поколениям тех или иных народов, а порою и человечеству. Люди иногда строят буквально «на века» — дома, дворцы, храмы, мосты, ирригационные сооружения; они создают и совершенствуют орудия деятельности, инструменты, приборы, средства передвижения; потом появляются особая интеллектуальная технология, информационные системы и т.д.

К преемственному бытию, т.е. к сохранению, развитию, совершенствованию цивилизации эти формы имеют непосредственное отношение. Самые главные здесь моменты: деятельность по их созданию, сохранению, видоизменению объективно имеет конструктивный, а то и творческий, созидательный характер. От каждого индивида, вступающего в жизнь, к ним приобщается, тоже требуются — и требуются объективно — самостоятельные, не лишённые творчества трудовые усилия и требуется по меньшей мере бережное отношение к цивилизационному достоянию. Тенденция развития цивилизации состоит в том, что не только отдельные люди, но и их объединения (семьи, общины, страны) постепенно приучаются беречь и умножать унаследованные ими богатства цивилизации. Если не всегда

удается сохранить созданное отцами и дедами, то во всяком случае забота об этом в цивилизованных странах обязательно проявляется.

Не менее важно то, что человечество благодаря цивилизации и в ходе ее развития научилось сохранять, использовать не только отдельные сооружения, предметы, орудия, но и создавать, хранить, преобразовывать **интеллектуальные, идеальные образцы** (парадигмы) их создания и использования. Громадные преимущества таких идеальных форм были осознаны в глубокой древности, на относительно ранних стадиях развития цивилизации. Вот, к примеру, одно из рассуждений великого Платона: могут вдруг исчезнуть все ткацкие челноки; но пока люди помнят, хранят их «идею», они способны воссоздать их, что относится к любым предметам и процессам. Очень важно, что упомянутые парадигмы деятельности имеют именно всеобщий характер — притом без всяких заведомых ограничений: при необходимости их способны использовать все люди, независимо от цвета кожи, возраста, сословия и т.д.

• Объективные формы бытия цивилизации — это также варьирующиеся в разных странах, изменяющиеся на различных исторических этапах и в то же время относительно устойчивые (в том числе институционализирующиеся) образования совместного бытия (семья, государство и разнообразные институты государственного управления, религиозные объединения, позднее — гражданское общество). Путь цивилизации — изобретение, видоизменение, совершенствование этих форм (например, древнейшей из них — демократии). И хотя ни одна из них не свободна от имплантаций варварства (например, государство может по истине варварски подавлять свободу и жизнедеятельность своих граждан и вместе с самими гражданами чуть ли не с энтузиазмом разрушать цивилизованные навыки совместного бытия, накопленные веками — как в случае Освенцима и ГУЛАГА), все же внутренний **цивилизационный потенциал** государства, права, судебной системы, демократических процедур и институтов в принципе не вызывает сомнения.

• В процессе развития цивилизации формируются, накапливаются, обрабатываются, видоизменяются нормы, требования, разрешения и запреты самого различного вида (обычаи, нравы, нормы морали, заповеди религий и их «священные» тексты, законы и установления права, договоры и соглашения и т.д.). Общее между ними состоит в том, что они приобретают объективное историческое значение, влияя на сознание и действие сменяющих друг друга поколений, получая закрепление в различных текстах, документах; некоторые из них заключают в себе парадигмальные смыслы как для локальных, исторически конкретных цивилизаций, так и для преемственного развития человеческой цивилизации в целом. Очень многие из этих норм, правил имеют именно *всеобщий* характер и передаются из поколения в поколение, транслируются от одной локальной цивилизации к другой. Ибо они *являются объективно необходимыми парадигмами деятельности* — например, предметной деятельности (их Кант называет «техническими императивами»: для того, чтобы смолоть муку, надо сделать мельницу и т.д. — императивы эти, меняясь от эпохи к эпохе, в каждое историческое время достаточно однородны) или совместной социальной деятельности. Скажем, древнейшие правила, выраженные в заповедях различных религий, были направлены на обеспечение возможностей общежития, на сохранение всего человеческого рода, а также и отдельных социальных общностей. Поэтому-то они и сегодня остаются общецивилизационными правилами, «заповедями», установлениями. История цивилизации знаменательна в том числе и с точки зрения многотысячелетнего, постепенного процесса создания, совершенствования, усвоения индивидами этой **совокупной нормативной культуры** как интегральной части всего культурного достояния. С чем тесно связаны те области гуманитарной культуры, в которых процессы эти теоретически или практически осмысливаются (философия, в частности, этика; религии и их тексты; право, законодательство, юридические

науки; литература различных стран и народов). Цивилизующее значение идеальных норм и норм, действительно воплощающихся в конкретных действиях, несомненно и огромно, хотя и здесь, о чем будет сказано позже, тоже может угнездиться варварство.

• Среди названных бытийных оснований цивилизации (материально-предметных и идеальных) имеет смысл специально выделить и рассмотреть те, которые складываются **в сфере повседневной жизни, быта, в непосредственной среде обитания** реально живущих в то или иное время миллионов конкретных людей, всякий раз и составляющих актуально существующее человечество. Это дома и домоводство, домохозяйство, технические средства и устройства для облегчения быта, частные и общие дороги, коммунальное хозяйство, порядок ведения общих дел как в малых селениях, так и больших городах и т.д. Эти цивилизационные формы специально выделены нами потому, что ближе всего стоят к повседневной, конкретной жизни людей, самым непосредственным образом влияют на нее, а потом передаются в фонд цивилизации в целом. Но и наоборот: раннее перечисленные формы бытия цивилизации влияют на **быт** и его формы, причем влияют весьма сильно. Все вместе определяет облик страны как цивилизованной или не цивилизованной. Например, в центрах страны можно для кого-то создать самые комфортные условия повседневного быта. Но если на большинстве территорий царят одичание, запустение, то эта страна по строгим современным критериям не может считаться цивилизованной (пусть это будет страна с высокой культурой²⁷).

Итак, *объективные условия достойного людей быта*, обустроенного, комфортного, чистого, отвечающего санитарным нормам, а также принципам красоты и вкуса, — важнейшее достояние цивилизации, тоже передаваемых от поколения к поколению в установках сознания, привычках,

---

²⁷ О нашем различии цивилизации и культуры см.: Раздел I, глава 1.

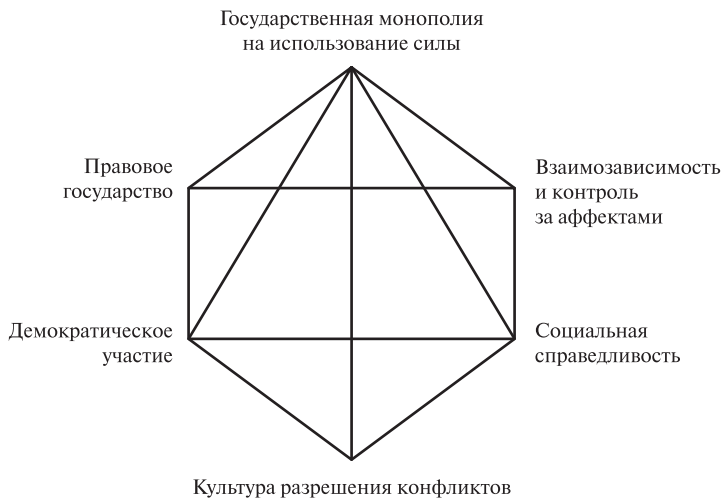
нравах и принципах действия людей. Без этих объективных и субъективных признаков, которые, кстати, сразу и первыми бросаются в глаза, едва вы знакомитесь с жизнью населения той или иной страны (ибо они принадлежат к сфере «Dasein», т.е. наличного здесь-и-вот-бытия людей), — без них нет и не может быть цивилизованности.

• Объективные бытийные условия и основания цивилизации, о которых только что шла речь, обязательно запечатлеваются в субъективном «царстве» — в **надбиологической, социально-значимой программе жизнедеятельности конкретных индивидов**, т.е., собственно, в их интериоризированных установках, принципах, стимулах стереотипах сознания и действия, в эмоциях и переживаниях — и таких, которые становятся своего рода механизмами, автоматизмами, и тех, которые имеют вид рефлексивных мыслей, идей, идеалов, принципов. Собственно, все объективно-бытийные формы «живы» и преемственны лишь благодаря тому, что создаются, действуют, т.е. обретают свою специфическую бытийственность (по крайней мере для «критической массы» индивидов) такого рода индивидуально-субъективные программы.

Мы назвали лишь основные объективные и субъективные бытийные формы цивилизации. Они, в самом деле, суть достояния цивилизации, ее сильные стороны и преимущества, на которые может и должно опираться человечество во имя спасения цивилизации. Представленный здесь обобщенный анализ бытийных форм цивилизации можно дополнять, имея в виду различные измерения социально-исторической жизнедеятельности людей. Сошлюсь на одно из таких обобщений, предложенное немецким социологом и политологом Дитером Зенгхаасом, специалистом по проблемам цивилизованного разрешения конфликтов. Он построил «цивилизационный шестигранник»²⁸, который выглядит так:

---

²⁸ См.: *Senghaas D. Worin drifftet die Welt? Über die Zukunft friedlicher Koexistenz.* Fr./M., 1994. S. 17–49.

Принципиальное значение названных здесь цивилизующих факторов (и по отдельности, и особенно в их взаимодействии) вполне ясно и вряд ли нуждается в особых комментариях. Одновременно Д. Зенгхаас справедливо подчеркнул, что эти цивилизаторские тенденции — в высшей степени «хрупкие искусственно созданные формы». Действительно, они способны превращаться в нечто прямо противоположное своему «телосу», или, выражаясь гегелевским языком, своему понятию. Так, монополия государства на применение силы и насилия может вырождаться в полицейское, даже тоталитарное государство. «Правовая государственность и демократические процессы могут иметь вид чистейшего фасада и тем самым потерять свою легитимность»²⁹. Контроль над аффектами (который, добавим мы, издавна

²⁹ *Senghaas D. Auswege aus der Barbarei / Modernität und Barbarei. Fr./M., 1996. S. 310.*

волновал философов, моралистов, литераторов и по сути был направлен на постепенное и посильное цивилизование человека и его природы), может уступить место всплеску самых варварских и разрушительных страстей — ненависти, злобы, агрессии. Автор делает вполне оправданный вывод, что перечисленные им цивилизующие формы не даны готовыми раз и навсегда — их все время надо воссоздавать, поддерживать, обновлять, упрочивать. Сказанное относится и ко всем рассмотренным объективным и субъективным формам бытия цивилизации (которые в дальнейшем анализе еще будут с разных сторон конкретизированы). Поэтому надо со всей ответственностью и нелицеприятностью выявить, в чем именно состоят слабые стороны этих форм цивилизации, не позволяющие каждой из них и всем им в совокупности стать гарантами сохранения цивилизации в ее противостоянии современному варварству.

Специально доказывать, что все эти формы чрезвычайно хрупки и противоречивы, — значит ломиться в открытую дверь. То, что мы знаем об истории человечества, заставляет удивляться не тому, что в огне варварских войн и разрушений погибли локальные цивилизации, были сметены с лица земли неисчислимые материально-предметные шедевры человеческого творчества, — приходится изумляться скорее тому, что пусть немного, но все же сохранилось. Что касается институциональных форм, то и они, в чем правы многие исследователи, не обладают достаточной силой противодействия по отношению к диктаторским, тоталитаристским тенденциям, коррупции, взяточничеству, неэффективности, разгильдяйству, безответственности, которые во все времена поистине варварским способом тянули назад цивилизацию. Сегодня они не только не исчезли, а приняли невиданный размах, порой и откровенно циничные формы, став глубинными пороками также и современной цивилизации, которые, конечно, боле зримы и масштабны в цивилизационно отсталых странах, но в более завуалированном виде встречаются и в практике социальных институтов стран, которые кичатся своей цивилизованностью.

Нормативная культура человечества, которая сама по себе, в своих указующих документах и текстах, чрезвычайно важна для цивилизации, также не содержит гарантий их безусловной применимости к изменяющимся историческим эпохам, а также к специфическим условиям той или иной страны. Тем более наивно надеяться на то, что ценные и значимые нормативные установления (скажем, права и морали) могут соблюдаться всеми людьми, причем повседневно и повсеместно. Они, скорее, воспринимаются как ориентиры и рамки — и одни индивиды, их объединения так или иначе стараются им следовать (причем тоже следуют далеко не всегда), тогда как другие их тайно или открыто нарушают.

Варварство как обратная сторона цивилизации — такие состояния человеческого общества, при которых наиболее болезненно и масштабно поражаются все перечисленные объективные устои, нормы, принципы цивилизации, причем как касающиеся окружающей природы (тогда возникают экологические кризисы, каких в истории человечества было немало), так и отношений человека к человеку. Экологического варварства мы здесь касаться не будем³⁰, а специально сосредоточим внимание на человеческих отношениях, более подробно раскрыв, каковы здесь достижения цивилизации, а затем задавшись вопросом о том, почему эти достижения все же не воспрепятствовали и не препятствуют сегодня всплескам варварства в отношениях одного человека к другому, одной страны к другой.

Цивилизованность и варварство в человеческих отношениях

Цивилизация уже в древнейшие времена вызвала к жизни те механизмы жизнедеятельности и общения людей, которые ранее были названы «надбиологическими программами». Их суть оправданно усматривать в том, что **наряду** с уче-

---

³⁰ См.: по этому вопросу предшествующую главу.

том собственных, обусловленных природой потребностей и ответом на них индивиды в ходе развития цивилизации приучаются ориентироваться также на аналогичные интересы других индивидов. Более того, если биология, физиология человека в ходе истории не преобразуется кардинально, то способы удовлетворения (или сдерживания) биологических потребностей существенно видоизменяются, приводятся в зависимость от социальных форм и установлений, какими бы «примитивными», в свете более поздних критериев, они ни выглядели на ранних стадиях развития цивилизации. Постепенно, на протяжении многих тысячелетий, формируется цивилизованное отношение отдельного человека к другому человеку, одного социального объединения к другому. Принцип, основа такого отношения: индивид учится практически принимать в расчет «другое индивидуальное», а также общее для него и других индивидов. Таким способом формируется, а в определенной мере и воплощается в действительность **принцип взаимности, взаимодействия индивидов как одна из главных предпосылок и одно из важнейших выражений цивилизованности**. В этом процессе тоже были и есть свои вполне объективные предпосылки. Среди них — ранее упомянутые идеальные парадигмы (план, схема, проект действия), которые изначально заключают в себе **всеобщность** как возможность их использования в любом сходном или однопорядковом действии с более или менее однородными целями. Выработывая такие парадигмы или видоизменяя их, индивид, даже не задумываясь над этим, «работает» на других людей, а в перспективе и на все человечество.

Цивилизация начинается и достигает достаточно высокого уровня там и тогда, где и когда люди совершают действия, основанные на взаимности, не бессознательно, а с определенной мерой сознательности, не принудительно, а с высокой степенью добровольности. Поэтому-то возникшие надбиологические программы индивидуального действия социально закрепляются (через обычаи, привычки, нормы) и становятся практически эффективными. Та или иная страна переходит

к более или менее цивилизованному способу своего бытия тогда и только тогда, когда набирается (что происходит лишь постепенно) достаточная масса людей, которые в процессе «обмена деятельностью» с другими индивидами уже поступают в соответствии с принципами взаимности, конструктивности, сознательности, даже доброжелательности и предупредительности. И ведь происходит это начиная с древности, почему мы с полным правом можем говорить о древнекитайской, древнеиндийской, древнегреческой **цивилизациях** и других ее типах. Общение этих цивилизаций производит дополнительный — кумулятивный — цивилизационный эффект.

Философия, а вместе с нею протоистория, литература, чутко и определенно фиксируют, пусть и в других словах, результаты такого всемирно-исторического цивилизационного поворота. Именно в ходе многотысячелетних процессов формирования, поддержания и развития цивилизации должны были возникнуть такие механизмы и принципы взаимообмена деятельностью, о которых писал еще великий Аристотель: «общественные отношения, имеющие дело с обменом, поддерживаются именно этим видом справедливости, воздаянием равным, которая имеет в виду пропорциональность, но не равенство, ибо каждому воздается пропорционально его деятельности..., а государство именно и держится такими взаимными услугами... в том и состоит специальное устройство благодарности, чтобы получивший одолжение не только отвечал услугой, но и сам начинал с одолжения»³¹. В этом замечательном тексте хорошо описанный, хотя и выражаемый в иных понятиях **механизм цивилизованности, т.е. межиндивидуальной и социальной взаимности действия**, тесно объединен с этическими аспектами. И в самом деле, цивилизация в принципе нацелена на создание объективных механизмов человечности, о которых со своей, уже субъективно-нравственной стороны, с древнейших времен заботятся этика и религия. Благодаря очень длитель-

---

³¹ Этика Аристотеля. СПб., 1908. С. 91.

ной работе таких механизмов индивиды, их сообщества, целые страны вырабатывают исторические привычки цивилизованного действия. Ибо индивиды убеждаются: в развитом цивилизованном обществе практически выгодно и одновременно нравственно, благородно не посягать на жизнь, здоровье, человеческое достоинство других людей, не замышлять против них враждебных, бесчеловечных, немилосердных действий. Более того, практически выгодно (для себя, своих ближних, своей общины, своей страны) «оказывать услуги» также и «дальним», добросовестно, сознательно, без принуждения выполнять свои социально значимые функции и обязательства, в чем бы они ни состояли. Они ожидают того же и от других людей, — и чем цивилизованнее страна, тем больше их ожидания оправдываются.

Особо отмечу: именно благодаря таким механизмам, а также под влиянием общесоциального контроля в цивилизованных странах создается возможность (конечно, никак не стопроцентная) предотвращения самых крайних разрушительно-насильственных (варварских) действий и их результатов, угрожающих жизни, здоровью, достоинству, собственности, правам и свободам людей.

Но если цивилизационные принципы взаимности, конструктивности, добровольности в действиях и ориентациях индивидов так очевидно эффективны для страны в целом, так выгодны для индивидов и так одобряются, скажем, этикой и религией, то почему они не одержали победы в современной истории? И главное: почему в XX в. (когда, казалось бы, произошел мощный научно-технический прорыв, когда в отдельных странах Европы и Азии удалось сделать то, о чем только мечтали в прошлой истории — значительно поднять уровень жизни большинства населения, обеспечив ему достойные условия существования) имел место, как мы показали ранее, и самый мощный за всю историю всплеск варварства?

В рамках того исследования, которое мы здесь предпринимает, я считаю необходимым искать ответ на эти и подобные тревожные вопросы прежде всего в более обстоятель-

ном анализе противоречий, несовершенств **индивидуальной программы** цивилизационного действия. Этот ход анализа не вполне обычен для современной социальной философии и для расхожего общественного мнения. Основные причины цивилизационных неурядиц какой-то страны и мира в целом обычно ищут «наверху» и «в стороне» — в действиях правительств, институтов собственного государства, происках враждебных государств и сил и т.д. Но ведь и в этих инстанциях, которые рассматриваются безлично, практически действуют вполне определенные индивиды (все равно, по своей воле или чьему-то приказу). Позитивный цивилизационный эффект или, напротив, цивилизационная неэффективность, о чем бегло упоминалось ранее (и что будет подробно исследоваться применительно к России), складываются тогда, когда слагаются вместе усилия большой («критической») массы индивидов. *Как цивилизованность, так и нецивилизованность той или иной страны — плод совместных и взаимных действий «верхов» и «низов», управителей и основной массы населения.* Значит, главный источник успехов и поражений цивилизации следует искать в самом существе программы деятельности человеческих индивидов, в ее принципиальной направленности и в присущих ей противоречиях. К специальному анализу данного вопроса мы и переходим далее.

Проблемы и противоречия индивидуальной программы цивилизационного действия

Преимущества индивидуальной программы цивилизационного действия, охарактеризованные ранее, не отменяют ее противоречий, обострение которых как раз и ведет к антицивилизационным, варварским устремлениям, деяниям, идеологии. Каким бы длительным ни был исторический путь цивилизации, он оказался слишком кратким для того, чтобы в живом, конкретном действии индивида обязательно и непосредственно сложились гарантии не только его объек-

тивной целерациональности (в смысле М.Вебера), его эффективности, позитивного социального результата, но даже целесообразности, пользы, продуктивности для самого этого индивида и его ближайшего окружения. К величайшему сожалению, конкретный человек и в эпохи цивилизации — начиная с ее древнейших этапов и до сегодняшнего дня — оказался неспособным преодолеть такую определяющую структуру сознания и действия варвара, как нежелание, неумение ориентироваться на интересы ближних и дальних, как совершение поступков, разрушительных для сегодняшних и вчерашних поколений, для своей страны и чужих стран, для всего человечества. А часто и действий, самоубийственных для самого индивида, для его собственных детей. За современными примерами не надо далеко ходить: так поступают не только террористы, но и вообще убийцы и другие преступники, например, наживающиеся на наркобизнесе, а также сами наркоманы. Другой пример — правители, политики, развязывающие кровопролитные войны и приносящие в жертву тысячи, миллионы человеческих жизней, фанатики, готовые проливать кровь и сеять разрушения во имя ложно понятых религиозных ценностей. Но ведь и те люди, которые (в погоне за прибылью, из-за разгильдяйства и в надеждах на то, что их не поймают за руку) нередко приводят дело к жертвам, к невосполнимым разрушениям среды и богатств цивилизации, действуют и мыслят похожим, т.е. варварским образом. Примерно то же можно сказать о миллионах алкоголиков, о родителях, бросающих, продающих своих детей, о людях, совершенно опустившихся, потерявших человеческий облик.

В плане обсуждаемой нами проблемы эти и подобные примеры говорят об одном кардинальном историческом факторе — о *несовершенстве, противоречивости надбиологической программы индивидуального человеческого действия*: она, скажем еще раз, не дает гарантии того, что любое конкретное действие определенного человека будет протекать согласно принятым, понятным, в других условиях исправно работа-

ющим механизмам цивилизации. Более того, из-за такой негарантированности результатов действия достижения цивилизации, обретаемым в ходе вековой истории, причем в трудах и борьбе, может быть в одночасье нанесен мощный варварский урон — варварский именно из-за отказа от того, что, казалось бы, превратилось в признанные нормы для отдельных людей и для цивилизации в целом.

Кратко затрону в этой связи стародавнюю проблему философии — вопрос о человеческой природе. Это понятие всегда подразумевало концентрацию сущностных качеств отдельного человека. Так получилось, что в понятие человеческой природы мыслители включали по преимуществу те качества индивида, которые считались достойными человека, который, как считалось, принадлежит к роду, «венчающему» животный мир и представляющему собой «высшее» творение Бога. При этом часто имелись в виду такие признаки, которые выдвинула на первый план определенная эпоха. Так, на заре нового времени в понятие человеческой природы включались такие якобы прирожденные свойства человека, как стремление к свободе, к сохранению жизни, здоровья, собственности, как разумность, активность и самостоятельность действия³², — а это были, несомненно, центральные принципы, ценности эпохи, начавшейся относительно поздно, в XVI—XVII вв. Конечно, определенное несовпадение деятельности, поведения конкретного человека с идеальной схемой человеческой природы предполагалось, но оно трактовалось как обычная нетождественность сущности и ее проявлений.

«Сущностно» человек все же считался свободным, разумным, самостоятельным существом. Иной подход мы находим у Канта. Известен его тезис: из того «кривого дерева», из которого сделан человек, и невозможно выточить ничего

---

³² См.: *Мотрошилова Н.В.* Новый смысл концепции «человеческой природы» (сущности человека) в философии XVII столетия // *Философия эпохи ранних буржуазных революций*. М., 1983. С. 499—511.

прямого. Как представляется, Кант хотел сказать, что от реальных, конкретных людей и не следует ждать очень многого, ибо то, из чего их «выточили» природа и история (животные инстинкты, варварская предыстория), не внушает надежд на легкую победу позитивных цивилизационных начал. Но из этого для Канта отнюдь не следует, что теория «практического разума» (т.е. этика, философия права и история) в своих принципах и требованиях должны приноравливаться к «кривому дереву» человеческой природы и к наследственным болезням истории. *Человек может вести себя по-варварски, но требования к нему от имени цивилизации необходимо предъявлять самые высокие — и предъявлять совершенно неуступчиво.* Конкретных индивидов обуревают их «патологическая» природа, заставляющая приспособляться к изменчивой, капризной индивидуальной «материи желания». В социальном действии реально можно рассчитывать лишь на «общительную необщительность», а не на некоторую изначальную и прочную любовь индивида к человеческому роду. Однако же, по Канту, как бы безотносительно к этому надо провозгласить высший и чистый принцип долга и поставить во главу угла категорический императив, жестко и однозначно ориентирующий индивидов всех времен и любого времени (*jederzeit*) на следование всеобщим принципам. Что касается, скажем, международных дел, то подобным идеальным, чистым ориентиром для отдельных людей, стран, их союзов, для всего человечества становится у Канта не менее чем «вечный», т.е. прочный, незыблемый мир между всеми народами.

У Канта нечасто заходит речь о том, могут ли быть выполнены, тем более в полной мере, такие высокие всеобщезначимые требования, раз индивиды сделаны из «кривого дерева». Великий философ чаще всего подвергает подобную тематику своего рода редукции. Но когда она все же затрагивается, моделью для рассуждения оказываются отнюдь не те очень немногие, по мнению Канта, люди, которые способны достичь и достигают своего рода цивилизационной и

нравственной высоты, тем более совершенства «святости». Например, в делах «вечного мира» Кант возлагает надежду скорее не на появление безусловно миролюбивых, умных, честных, радеющих за все человечество правителей и политиков, хотя они, что и говорить, были бы очень нужны для дела вечного мира. Но дожидаться, пока подобные политики появятся, причем во всех странах — то же самое, что ждать у моря погоды. Кант надеется (что может показаться парадоксальным) как раз на «кривое» в человеческой природе: на эгоизм индивидов и народов, на очень сильный страх, на простое, естественное желание отдельных людей и целых стран выжить в самых опасных условиях³³. Этот ход мыслей мне представляется правильным, реалистичным и перспективным, и он еще будет использован нами в последующем рассуждении. Теперь продолжим анализ тех особенностей индивидуальной программы (в принципе) цивилизованного человека, которые очень часто не позволяют ему на деле оставаться в пределах правил и механизмов цивилизованного действия, а в самых крайних и опасных случаях даже повергают в варварство.

Самые главные изъяны в наших повседневных действиях очень хорошо известны каждому из нас. Мы куда как часто следуем желаниям, порывам, страстям, идеям, о которых весьма хорошо знаем, что они приведут к вредным последствиям для нас самих, для наших ближних, не говоря уже о «дальних». В этих случаях непосредственные, сиюминутные устремления могут оттеснить на задний план даже прагматические соображения и тем более заглушать голос совести. Так устроен человек и, говоря реалистически, нельзя надеяться, что это свойство человеческой природы в ближайшие годы и даже века претерпит существенные изменения. Для понимания причин прорыва в мир варварских действий и эмоций очень важно честно признать, что в обсуждаемой

---

³³ См.: *Мотрошилова Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность // *Вопр. философии.* 2004. № 11.

сейчас индивидуальной программе — в качестве наследственного кода и далеких, в том числе «животных» или варварских времен, и более близких эпох, когда господствовали угнетение, голод, страх, — гнездятся прикрытые тонким слоем цивилизации, но всегда готовые вырваться наружу совсем не цивилизованные эмоции. Бывает, что идеология того или иного рода, возможно, из лучших побуждений, льстит человеку («человек — это звучит гордо»; «человек человеку — друг, товарищ и брат»; «человек — венец творения» и т.д.). А потом оказывается, что под покровом лицемерия накапливаются и обязательно прорываются наружу мощные, поистине варварские заряды вражды, агрессии, злобы («ressentiment» в терминологии и описании Ницше). Цивилизация может несколько смягчить ситуацию, но она неспособна устранить сам факт — (пока) **неснимаемую укорененность уклона в варварство в индивидуальной программе человека.**

Отмеченный факт, как я полагаю, требует как от социальной теории, так и от практически ориентированных областей человеческого духа (а это литература, искусство, религия, политическая идеология, средства массовой информации), серьезной переориентации. Человека не следует унижать, его нужно подбадривать и поддерживать в его цивилизационных устремлениях, в его благих нравственных и социально ориентированных начинаниях. Однако одновременно требуется **историческая честность** в разговоре и с конкретными индивидами, и с большими массами людей. Люди должны отчетливо понять, что история пока не дает роду Homo Sapiens веских поводов для какой бы то ни было гордыни. Сегодня особенно нужны такие родовые и индивидуальные качества человека, как скромность и ответственность. И вот что еще принципиально важно: если мы, люди, хотим достойно, безопасно жить на земле вообще и, в частности, в своих странах, каждому **надо начинать с самого себя.** Если мы требуем активной деятельности, понимания, совести от других, то для начала надо подправить хотя бы свой покосившийся забор или восстановить свое «покосившееся», давшее трещины человеческое достоинство.

Между тем в духовных сферах современной жизни акценты расставляются, о чем ранее бегло упоминалось, совершенно иначе. По причинам, которые подлежат выяснению (отчасти они связаны с показным популизмом, порождаемым демократически-выборными процедурами), от сфер духа исходят требования и обвинения главным образом, если не исключительно, в адрес «властей», «верхов», «правительственных структур». Обвинения и требования, как правило, вполне справедливы, но вот главная беда: они почти всегда остаются общими, безличными, так что бюрократы, воры, «правоохранительные» преступники в массе своей чувствуют себя спокойно, а то и ведут себя просто нагло.

В теории и на практике, если осуществлены опасные, преступные деяния, очень плохо действуют механизмы четкого установления **индивидуальной** вины, оперативного определения **ответственности вполне конкретных лиц** и групп, неотвратимости наказания пропорционально нанесенному ущербу. Акцентируем в данной связи три обстоятельства. Во-первых, в условиях современной цивилизации, сосредоточившейся на проблеме прав и свобод человека (впрочем, и они не решены сколько-нибудь удовлетворительно), оказалось запущенным не менее важное для цивилизации направление — борьба за **ответственность** индивидов (а также групп, институтов, стран) в своих частных и общих делах, в том числе и ответственности за цивилизованное использование расширившихся свобод.

Во-вторых, цивилизация не сделала акцента на том, чтобы разработать эффективные механизмы установления именно **индивидуального «авторства»** тех или иных деяний. Это касается, конечно, и самих благих, полезных для человечества дел, изобретений, геройских поступков, а также пропорционального вознаграждения за них, признания со стороны народов.

Но ведь и у любого опасного для отдельных людей и для всей цивилизации действия есть вполне конкретные «авторы» — исполнители, организаторы, а подчас и идейные вдох-

новители. Неотложную задачу современной цивилизации нельзя не видеть в том, чтобы с помощью целого комплекса новейших научно-технических, информационных, административных, юридических, судебных и т.д. мер и средств оперативно, справедливо определялись как индивидуальные вклады в развитие, сохранение цивилизации (с целью их пропорционального материального и нравственного вознаграждения), так и в особенности индивидуальное «авторство» в случаях нанесения заметного, тем более очень большого ущерба для людей, их жизни, здоровья, собственности (с целью неотвратимого наказания и тем самым предотвращения подобных деяний). **В этом деле ясно проявляется отсталость, нерасторопность всей современной цивилизации.** Оно даже не определяется как приоритетная задача. Между тем, как мне кажется, именно в данном пункте возможно **реальное** и **оперативное** воздействие общества на ту корректировку индивидуальной программы, о которой как неотложной задаче говорилось ранее. Это была бы корректировка через максимально точное, а значит, справедливое определение ответственности и необходимое наказание за особо вредные действия. Противоречие, даже парадокс современной цивилизации состоит в том, что *впервые в истории* в принципе и в подавляющем большинстве случаев созданы технические, социально-технологические возможности и предпосылки для *достаточно точного фиксирования вполне конкретной ответственности тех или иных индивидов или инстанций* (а в них — снова же определенных лиц) за совершение любого действия, имеющего вредный или опасный для общества, для человечества характер. (Другое дело, что потенциальные и реальные преступники умеют «заметать следы», чему, однако, тоже можно и нужно противодействовать и на «техническом», и на управленческом уровнях).

В-третьих, при всей необходимости обличения обанкротившихся верхов в любой стране, как я думаю, требуется то, что особенно трудно осознается и признается в России: акцентирование не только прав, свобод, но и ответственности

каждого индивида (конечно, физически, психически вменяемого) — принадлежит ли он к правящим элитам или к «простому народу» — за то, что он делает из своей собственной жизни и судьбы, как и определенной (посильной и пропорциональной) ответственности за развитие своей страны и человечества в целом. Признанию этого тезиса, хорошо обоснованного в философских, этических теориях прошлого и современности, в качестве нормы проникшего в сознание немалого числа индивидов в цивилизованных странах, препятствует немало доводов и соображений, вникать в которые мы пока не будем (этот вопрос применительно к России отчасти уже рассматривался и еще будет нами анализироваться специально). При этом факт *особой ответственности* правящей элиты (и необходимость *весьма строго* карать ее за безответственность, преступления, коррупцию, причем не обличать всех сразу, а *называть и наказывать конкретных виновников*) не должен снимать ответственности ни с конкретного алкоголика, из-за которого, скажем, горит дом и погибают люди, ни с пропойц-родителей, бросивших или даже погубивших своих детей. В обсуждаемой проблеме недопустимы ни пресмыкательства перед властями, ни дешевый популизм. Простому народу тоже очень важно сказать правду о нем самом, как это делали и в России, и в других странах великие литераторы, мыслители, государственные деятели.

Индивидуальная программа и история господства — подчинения

При разборе особенностей, опасных противоречий индивидуальной программы и акцентировании роли, ответственности отдельного человека мы никак не можем упускать из виду, что сама эта программа зависит от внеиндивидуальных социальных обстоятельств, из которых мы здесь сначала кратко упомянем (в связи со специальным интересом к

теме варварства) о факторах очень длительного исторического действия, а потом — о характерных особенностях современной ситуации.

Принципиально важный в данном контексте исторический факт, касающийся цивилизации в целом, состоит в следующем. Цивилизационные правила и запреты родились уже после того, как и варварство, и самая ранняя цивилизация породили **отношения господства и подчинения**. И последующее развитие цивилизации именно в такой форме образует едва ли не главный «наследственный код» всей человеческой истории. А это, в свою очередь, означает, что индивидуальная программа не могла не впитать начала и принципы цивилизационного действия главным образом под формой отношений господства и подчинения. Последние несколько варьировались от эпохи к эпохе, но их принципиальная парадигма сохранялась, что гениально выразил Гегель, запечатлев в «Феноменологии духа» трансисторическую суть, подоплеку, следствия отношений Господина и Раба. И в самом деле, человечество до сих пор не просто и отнюдь не добровольно цивилизовало само себя — его всегда «цивилизовали» какие-то определенные социальные силы, властвующие инстанции или даже целые страны. Мы не будем здесь подробно освещать актуальный вопрос, который заключается в том, что такой характер цивилизования не ушел в прошлое, но он, по всему видно, исторически изживает себя, ибо способствует накоплению чрезвычайно опасного для человечества потенциала варварства.

Разберем лишь те моменты, что относятся к индивидуальной программе. Даже тогда, когда она способствует цивилизационному эффекту действия, само действие организовано по особому типу: преследуя свои индивидуальные цели, но будучи включенным в отношения господства — подчинения, человек всегда был вынужден соотноситься не только и даже не столько с общецивилизационными требованиями, сколько с более или менее конкретными «господскими» повелениями самого различного формата, что

вполне ясно и вряд ли требует специального доказательства. А отсюда проистекали многие негативные влияния на индивидуальную программу, объясняющие как раз интересующие нас отклонения от принципиальных парадигм цивилизации. Общая схема всем хорошо знакома: скажем, общество на словах провозглашает правовые принципы; но в конкретных государственных отношениях, где всегда имеет место подчинение индивида государству, чиновная коррупция может и законопослушного человека, кровно заинтересованного в решении конкретного вопроса, толкать к противоправным действиям. Так формируется — на уровне общества — своего рода замкнутый круг коррумпированности, нарушения закона. *И вновь входящие в жизнь поколения «впитывают» в свою индивидуальную программу уже частично (или очень сильно) искаженную цивилизационную схему.* Так и получается, что на протяжении веков складываются активно мешающие цивилизованию исторические структуры, при конденсировании которых можно вести речь об отсталости той или иной страны и даже ее варваризации.

Эффективность, действенность, или, напротив, заторможенность, противоречивость индивидуальной программы зависит также от такого внеиндивидуального, исторически изменчивого фактора, как роль, вес индивидуального начала в его соотношении с социальными формами, порядками, нормами. Что касается древнего варварства, то компетентные исследователи справедливо обращают внимание на очень малую меру самостоятельности индивида. Это находит продолжение и в так называемых традиционных обществах ранних стадий развития цивилизации, на которых деятельность, поведение отдельных людей строго детерминировались обычаями, установлениями и не менее жестко контролировались. Даже в древнегреческом мире с уже достаточно высоким статусом человеческой личности индивидуальное начало, соответственно, свободы отдельных людей и их права, считались чем-то второстепенным по сравнению с более важными и значимыми потребностями, задачами по-

лиса. Кстати, в глазах поздних авторов эта особенность «естественной» жизни индивидов и, как им казалось, простой, бесхитростной «гармонии» с природой, со страной, своим народом даже стала весьма привлекательной и вызвала к жизни произведения ностальгического жанра. Подоплекой здесь было недовольство цивилизацией³⁴ и, в частности, опасения за возможный разгул индивидуализма, эгоизма, за рост гордыни человека, мнящего себя «хозяином и покорителем» вселенной. И действительно, свершившийся в новое время цивилизационный переворот, который выразился в том, что права, свободы индивида стали центральными требованиями эпохи, принес с собой не только раскрепощение отдельного человека, повышение его активности, самостоятельности, предприимчивости, но и более мощное, чем когда-либо, внедрение в индивидуальную программу таких негативных качеств, устремлений, эмоций, как самонадеянность, гордыня, тщеславие, высокомерие, наглость, хамство. И многое здесь зависело от того, способны ли были (и способны ли сегодня) окружающие индивида объективные социально-исторические формы цивилизации (в мире в целом и в отдельных странах) если не устранить, то обуздать, смягчить такие побуждения, порывы, не позволяя им принять варварски-разрушительные формы.

Непрерывное сохранение каких-то превалирующих форм господства — подчинения придавало и до сих пор придает цивилизационному процессу раскрепощения индивида специфическую направленность. Например, как уже упоминалось, в наше время в западных странах считается эталонным тот путь, по которому пошла их цивилизация. Но с этим не согласны, и порой решительно, в странах Востока, почему поиск общецивилизационных путей согласия становится столь же трудной, сколь и неотложной задачей. (В частности, в связи с обсуждаемой нами темой было бы

---

³⁴ См.: *Длугач Т.Б.* Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо. М., 2006. С. 176.

весьма существенно выяснить, как трактуются цивилизация и варварство в восточных культурах, традиционных и современных).

Заключение: угроза современного варварства как вызов для социальной теории

Очень важной проблемой, обсуждаемой в философской «социологии» и литературе последних лет в связи с антитезой варварства и цивилизации, является, в частности, вопрос о том, не остаются ли цивилизационные требования всего лишь идеалами, нормами, которые не только не соблюдаются индивидами в сколько-нибудь полном, тем более совершенном виде, но и вообще мало воздействуют и на действительность, которая в своем развитии подчиняется совсем иным законам, и на индивидуальную программу. Этот вопрос касается и цивилизации в целом, и таких ее важнейших общих сторон как демократия, правовое государство, ненасильственное разрешение конфликтов или конкретных исторических процессов типа объединения Европы, глобализации — поскольку все это, конечно же, имеет свою нормативно-ценностную сторону.

Из того, что было сказано раньше, совершенно ясно: оснований для скепсиса в отношении действенности цивилизационных норм, требований, вызовов вполне достаточно.

А как ведет себя перед лицом столь острой проблемы современная социальная мысль (взятая в широком смысле этого слова)?

Имеют место две расходящиеся линии как в социальной теории, так и в общественно-политической практике. Сторонники одной из них представляют дело так, будто нормы цивилизации (соответственно, демократии) вполне эффективны и действенны, особенно в некоторых странах современного мира, а другими странами они должны быть взяты за образец. На основе такой предпосылки разработаны и,

главное, активно внедряются — причем с помощью или непосредственно военного (Ирак), или пусть не военного, но все-таки давления, принуждения, насилия («цветные революции» последнего времени) — социальные программы прямого перенесения опыта отдельных стран на существенно отличающуюся историческую почву жизни других государств. Вполне можно согласиться с известным немецким исследователем Гансом Йоасом, который следующим образом обрисовывает отношение между типичными, скажем, для современных либералов «мечтами о ненасильственном модерне» и реальной исторической действительностью: «В качестве либеральных концепций мира были сформулированы идеи свободной торговли, гражданского согласия в вопросах внешней политики, правового государства и договорности в межгосударственных отношениях. Подобно тому, как [согласно таким концепциям] из области уголовной юстиции должны были бы исчезнуть пытки и мучения, напказ выставляемые перед публикой, так война и любое иное насилие, направленное против личностей и их дел, должны были бы исчезнуть из общества модерна, т.е. из гражданского общества. Рука об руку с [простым] отклонением насилия в этом воззрении шло забалтывание того факта, что насилие существует. Взгляд, устремленный лишь вперед, оптимистический в отношении будущего, рассматривает дурное, отрицающее насилие прошлого с нетерпением и без подлинного интереса»³⁵. Анализ сути, особенностей и практики современного либерализма не входит здесь в мою задачу. Можно лишь, в согласии с Йоасом, отметить, что отношение либералов наших дней к программам, идеям, нормам, ценностям цивилизации как к уже воплощенной где-то реальности, которую остается лишь скопировать, уже нанесло большой вред либеральным идеям (и, к сожалению, скомпрометировало их

---

³⁵ *Joas H. Modernität und Krieg // Modernität und Barbarai. S. 350–351. См. также: Joas H. Der Frage von der gewaltfreien Moderne // Sinn und Form. 1994. 46. S. 309–318.*

в таких странах, как Россия). В этом отношении *традиционный* либерализм обладал немалыми преимуществами хотя бы потому, что оставался долгосрочной и во многом абстрактно-нормативной социально-политической программой, которая и не рассматривалась как непосредственное и полное руководство к действию.

Вторая из упомянутых тенденций социальной теории состоит в том, что подчеркивается именно нормативный, идеальный характер требований, вызовов, установок, принципов цивилизации и заранее, заведомо постулируется их сложное, противоречивое отношение к многосторонней реальности цивилизационного развития. К теме варварства это имеет непосредственное отношение. Если в теориях, программах первого типа цивилизация (соответственно: демократизация, модернизация и т.д.) рассматривается как отделившая себя от варварства, то сторонники второго подхода не считают себя вправе игнорировать всю совокупность (ранее подробно рассмотренных нами) фактов, обстоятельств, механизмов сознания и действия, свидетельствующих об имплантированности варварства в жизненные механизмы современной цивилизации.

Примером здесь может служить концепция, которую разработал известный немецкий социолог и социальный философ Ульрих Бек. Красноречиво название его важнейшей книги «Общество риска. На пути к иному модерну» (Beck, Ulrich, *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main 1986). В следующей своей книге «Изобретение политического. К [построению] теории рефлексивной модернизации» (Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung, Frankfurt am Main 1993) У.Бек, по справедливой оценке Г.Йоаса, «объявил все социально-структурные и политические категории до смешного устаревшими и потребовал, чтобы вся социология была изобретена вновь» и чтобы она поставила под вопрос все, что «в условиях западно-демократического капитализма считается

само собой разумеющимся»³⁶. Я согласна с тем, что *опасность варварства требует более строгого критического отношения к унаследованным понятиям и инструментарию социального знания*. И этот тезис будет своего рода заключением к данной работе и переходом к ее второму разделу.

В частности, Бек высказал оправданное суждение о том, что подлежит пересмотру гордое представление о «модерне» как якобы гарантированном воплощении высших цивилизационно-демократических ценностей и что в лучшем случае речь может идти о «полумодерне» и, соответственно, о «полудемократии», т.е. о «демократии, ополовиненной из-за милитаризма» («*militärisch halbierte Demokratie*»). Впрочем, дело не только в несомненном размахе, разрастании в условиях современной цивилизации «военно-армейского» фактора и, возможно, наибольшем во всей истории влиянии военных на судьбы мира. Из сказанного ранее, надеюсь, стало ясно, что в современных условиях общая «сумма» насилия, риска, опасности чрезвычайных ситуаций, нестабильности столь велика, что с нею не сравнится никакой этап в прежней истории. Риски природных и техногенных катастроф, массовых эпидемий богато дополнены тем, что У.Бек удачно называет «сфабрикованной нестабильностью», т.е. такой, которая вызывается скорее не объективными природными и техническими факторами, а грабительскими хозяйственно-экономическими мерами (скажем, спекуляцией на бирже, сговором монополий, махинациями разного рода), политической борьбой с намеренным использованием нечестных средств, неправовых методов и т.д. Перед лицом всех таких возрастающих рисков, опасностей как раз и возникает, что ясно из ранее сказанного, необходимость использовать в социальной теории понятие «варварство», причем использовать широко и на хорошо разработанном теоретико-

---

³⁶ Joas H. *Modernität und Krieg // Modernität und Barbarai*. S. 350–351. См. также: Joas H. *Der Frage von der gewaltfreien Moderne // Sinn und Form*. 1994. 46. S. 344.

методологическом уровне. Об этом верно говорит немецкий философ и социолог Клаус Оффе: «Проблема, которой мы сегодня занимаемся, это именно социологическое объяснение эрозии, связанной с такими категориями жизненного мира, как повседневные нравы, стиль, манеры, моральная чувствительность, интернализированная дисциплина и цивилизаторские тормоза, — поскольку эта эрозия вполне может развязать «варварские» следствия. Речь идет, очевидно, о «прорывах», которые трудно прогнозировать и объяснять на уровне структурной теории; они выступают как разрозненные, локальные, случайные и быстро сменяют друг друга в зависимости от инициаторов, адресатов и масштабности актов насилия»³⁷. В своей более конкретной «картографии» феноменов современного варварства К.Оффе упоминает, к примеру, о «маргинализации» некоторых групп, их исключении из «нормативного» развития цивилизации (образование «новых низших классов»); о миграции больших групп населения (проблема национальных меньшинств); о внутренней эмиграции; о нарастании вражды и отчуждения между оформившимися общественными системами и структурами, с одной стороны, и «отколовшимися» индивидами, группами, с другой стороны (экстремизм разного рода, особенно правый экстремизм).

Историческое развитие, действительно, непрерывно стимулирует новые процессы социальной дифференциации. Вновь появившиеся слои и объединения должны приспособливаться к сложившимся социальным структурам и правилам. Это удастся им далеко не всегда. Стало быть, *сама ускоренная цивилизационная динамика становится мощным дестабилизирующим, даже децивилизирующим, «варваризирующим» фактором*. Об этой тенденции справедливо писал польско-английский социолог Зигмунд Бауман: именно в процессе развития цивилизации происходят.. разрушение и делегитимизация цивилизационной мотивации социального дей-

---

³⁷ Offe C. Moderne «Barbarei»: Der Naturzustand im Kleinformat. S. 273.

ствия. «Процесс цивилизования, кроме всего прочего, есть процесс освобождения — при использовании и распространении насилия — от морального расчета и процесс эмансипации требований рациональности от вмешательства этических норм и моральных привычек»³⁸. От этого, в самом деле, рукой подать до всплесков варварства в самих центрах современной цивилизации.

Вернемся теперь к теме, затронутой нами в начале этого раздела. Если требования, нормы цивилизации не ведут к такой реальности, которая воплощала бы их в полной и гармоничной форме, то в чем вообще состоят их смысл и значение? И не являются ли они скорее словесной, категориальной маскировкой, за фасадом которой на самом деле лишь нарастают варварство и насилие?

Хотела бы подчеркнуть: осуществленная в этой работе критика современной цивилизации не означает ни в случае авторов, к которым я примыкаю, ни в моем случае недооценки исторической роли, действительности, значимости цивилизационных форм, норм, принципов, механизмов. Если человечество и создало лишь противоречивую, хрупкую, чреватую варварством цивилизацию, то ее реальной альтернативой отнюдь не является ни какое-то вымышленное идеальное состояние, ни скатывание к дикости нецивилизованных обществ. *У людей нет другого выхода кроме бережного отношения к истории цивилизации, к ее возможностям, к ее пусть небольшим, но достижениям, но при этом также и постоянного внимания к ее упущениям и болезням.* Вполне понятно, что свою цивилизацию человечеству следует неустанно совершенствовать, а сегодня и спасать от уничтожения. Полное же скатывание к варварству означало бы, как было доказано ранее, безвозвратную гибель человеческого рода.

---

³⁸ Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Cambridge, 1989. S. 28.

Глава пятая.

Цивилизационная отсталость и проблема варварства (на примере России)

Вспышке гитлеровского варварства в 1933—1945 гг. было дано множество общих и частных объяснений. А объяснять было что. Страна, расположенная в центре Европы, с многовековыми традициями культуры, с высоким трудовым этосом населения и привычкой к порядку, «друг» оказалась источником коричневой чумы, которая очень дорого обошлась и немецкому народу, и всему человечеству. Нельзя было уйти от вопроса, который задавали и на который пытались ответить многие авторы во время и после Второй мировой войны: почему чума варварства вспыхнула именно в Германии? Была досконально изучена немецкая история преднацистского и нацистского периодов, выявлены экономические, политические, идеологические предпосылки этой тяжелой болезни.

Из множества объяснений я хочу привлечь внимание к одному, имеющему непосредственное отношение к нашей теме. Немецкий социолог Хельмут Плеснер в книге «Запоздавшая нация» (*Die verspätete Nation*) убедительно показал, что Германия, долгое время бывшая раздробленной страной, лишь в начале XIX столетия (однако на полвека раньше России) отменившей крепостное право, в 20—30-х гг. XX в., несмотря на промышленно-экономическое движение вперед, все же во многих отношениях оставалась «запаздывавшей нацией», отстававшей от наиболее развитых тогда стран и сильно переживавшей свою отсталость. И вот Германия поверила фюреру и его идеологам, пообещавших очень быстро, в один мощный прыжок не просто догнать и перегнать

ушедшие вперед страны, но и подчинить их немецкому господству. А для этого была развязана мировая бойня, принесены в жертву огромные массы людей, в том числе миллионы собственного населения, учинено беспрецедентное насилие в Европе и Азии. Стало быть, цивилизационную отсталость стали «лечить» с помощью... смерча варварства, обрушившегося на весь мир. Что из этого вышло, знает всякий.

Чума бушевала в Германии сравнительно недолго. Во второй половине XX в. страна вышла на дорогу цивилизации — но не раньше, чем народ ее, осознав свою вину, покался перед всем миром и самим собой и стал постепенно, благодаря труду, ответственности, решимости, единой воле, выбираться из исторической отсталости, изживая варварство в идеях, мыслях и действиях. Это во многом удалось (сначала расколотому, а потом объединившемуся) немецкому народу, притом в очень короткий исторический срок.

Преодоление цивилизационной отсталости — вчерашняя, сегодняшняя и завтрашняя задача весьма значительной части современного мира. Вот почему осмысление и решение данной проблемы так важно. Речь здесь идет об *отсталости по сравнению с тем, что в принципе уже достигнуто цивилизацией к началу XXI в.* В цивилизационном развитии есть своего рода закон: кардинальные задачи, которые та или иная страна не решила в прошлой истории, когда они остро стояли на повестке дня и разрешались на переднем крае цивилизации, все же приходится выполнять и отставшим странам. Но ведь позже во весь рост встают новые задачи, проблемы и трудности. Цивилизационная отсталость, если она остается непреодоленной, со временем только усиливается.

Приведу примеры. Еще в XIX в. мировой цивилизации были свойственны такие коренные пороки, как поистине кричащие контрасты богатства и бедности, как довольно низкий или весьма низкий уровень жизни подавляющей части населения, что имело место во всех странах мира. Преодоление этой социальной язвы, на которую давно указывали философы, литераторы, политики и о которой во второй

половине XIX в. резко заявляли — как о нетерпимой, поистине варварской — оппозиционные группы и партии, превращалось в животрепещущую практическую проблему переднего края цивилизации. Наряду с нею цивилизация уже в начале XIX в. поставила проблемы прав и свобод человека, создания правового государства и гражданского общества, обеспечения демократических правил и процедур. Правда, теоретически эти проблемы ставились уже начиная с XVII столетия — в том числе и в особенности в рамках философии. Но только со второй половины XIX в. данная проблематика стала переводиться в плоскость практического действия, повседневного бытия цивилизации — что, конечно, имело место не во всем мире, а в наиболее развитых странах.

В XX столетии две мировые войны сначала отодвинули решение назревших цивилизационных задач. Все силы уходило на подготовку к войнам, а потом — на преодоление их разрушительных последствий. Отметим: цивилизация в своем продвижении вперед натолкнулась, и не впервые, на варварство воинствующего милитаризма. Но вот после неисчислимых бедствий мировых войн во второй половине прошлого столетия человечество взялось за ум: во всяком случае, в целом ряде стран весьма энергично — и за очень короткий исторический срок — решили, хотя бы в принципе и по существу, эти назревшие цивилизационные задачи. Результат известен. В немалом числе стран (сначала в США, Европе, а потом и в Азии) был достигнут *достаточно высокий уровень жизни основной массы населения*; был смягчен контраст между большим богатством и средним уровнем жизни, между условиями бытия в городе и деревне, в центре и провинции. Это означало (хотя бы частичное) **решение ряда фундаментальных цивилизационных задач**. Ибо для большой массы населения этих стран были обеспечены — и не «даром», а исключительно *при условии* трудолюбия, законопослушания, т.е. соблюдения цивилизационных правил — достойная жизнь, доступ к здравоохранению, образованию, культуре. Сходные процессы затронули государственно-правовые

структуры, политику, практику парламентаризма, демократические процедуры. Возникло гражданское общество, о котором еще в XIX столетии говорили великие философы как о настоящей задаче будущей цивилизации.

Оговорюсь: я далека от того, чтобы приукрашивать, тем более идеализировать состояние дел в более цивилизованных странах. Во-первых, и там сегодня немало социальных язв, например — безработица. Во-вторых, в этих странах появились новые цивилизационные проблемы — скажем, проблема адаптации многочисленных иммигрантов (привлеченных, кстати, именно достойным образом жизни и либеральными иммиграционными законами). В-третьих, за это время уже на фоне высокого жизненного уровня вновь возрос уровень цивилизационных требований и ожиданий. Колебание циклов социально-экономического развития приводит к тому, что в ряде стран (скажем, в Германии) прежде очень объемные социальные программы сейчас урезаются, что вызывает недовольство населения. Поубавилось восторгов по поводу современного состояния западной демократии, подвергаемой справедливой критике. В-четвертых, и относительно благополучные страны не убереглись от коренных опасностей современной цивилизации, о которых речь шла в первом разделе. Но все-таки отмеченные цивилизационные достижения в них имеют место, являются предметом законной гордости этих стран и зависти населения других государств, которые заметно отстают в решении этих и других задач цивилизации.

Россия — страна не самая отстающая. Например, средний уровень жизни в ней сейчас выше, чем в большинстве бывших республик СССР, ставших самостоятельными государствами, почему из них в более богатые российские города и регионы устремился поток приезжих — либо на постоянное место жительства, либо на заработок. Демократические процессы в России тоже активизировались. Несомненные сдвиги в улучшении уровня жизни, происшедшие в XXI в. Но вызывает глубокое беспокойство тот факт, что весьма

значительный процент российского населения живет за чертой бедности, что многие семьи и поселения в бескрайней России повергнуты в состояние варварской нищеты и одичания, что вся жизнь страны криминализована. Ведь еще *одна из частных закономерностей развития цивилизации состоит в следующем: население в своих ожиданиях и требованиях ориентируется не на арьергард, а на авангард цивилизации.* Люди в России думают и спрашивают: если американцы, шведы, немцы, голландцы, швейцарцы, финны, японцы, южные корейцы (этот перечень можно продолжить) живут достойно, то почему мы, россияне, — при наших природных богатствах и бескрайних просторах — не живем так же или еще лучше? А в самом деле, почему? Я думаю, что одно из объяснений заключается в том, какие на этот вопрос даются ответы. Типичнее всего такой ответ: в России плохая, т.е. неэффективная и коррумпированная власть. Верно, вопрос о власти — важнейший при оценке цивилизационного развития (и мы его далее специально рассмотрим). Но ведь в таком случае возникает новый вопрос: а почему у нас такая власть? Словом, вместо одного вопроса и ответа на него — новая череда вопросов.

И вот еще что типично для России и россиян: ожидания, требования в нашей стране таковы, что люди хотят и всерьез надеются обрести высокий уровень жизни очень *быстро, сразу для всех* — и лучше, если благодаря какому-то *чуду, без приношения труда*, как бы по мановению волшебной палочки.

Я же (вместе с целым рядом авторов)³⁹ полагаю, что наша страна даже и не начнет выбираться из своих многочисленных бед, если и пока «критическая масса» населения не поймет и на признаёт, что Россия вчера и остается сегодня цивилизационно отсталой страной. И пока этот факт не

---

³⁹ Среди этих авторов наибольшее влияние на меня оказали: В.Кантор (особенно его книга ««...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации». М., 1997), М.Мамардашвили, В.М.Межуев, И.Н.Сиземская, Л.И.Новикова и др.

будет осмыслен во всей его глубине, многомерности и значимости, пока отсюда не будут сделаны наиболее важные практические выводы, ситуация не изменится. Правда, в России и за ее пределами об этом подчас говорят и пишут. Для осмысления проблемы многое сделано в истории всегда опережавшей свое время поистине выдающейся российской культуры. Но действенным *фактором современной жизни российского народа такие сознание и признание еще не стали.*

Вот почему в дальнейшем социально-философском анализе я считаю совершенно необходимым снова и снова сконцентрировать внимание на проблемах, которые обладают *иллюзорным статусом общеизвестных*, но на самом деле не только не решаются, а даже не осознаются правящими кругами и народом России в качестве *самых приоритетных*, требующих *самого срочного* решения — в силу их исключительной опасности для судеб страны и ее отдельных граждан. Акцентированная в этой нашей работе тема цивилизационной отсталости и варварства, следовательно, помогает под особым углом зрения описать, диагностировать главные социальные болезни современной России, вскрыть их коренные причины и наметить возможный путь их лечения.

Речь пойдет об исследовании **относительно долговременных структур бытия**, которые — при всех их изменениях, преобразованиях — воспроизводятся, долго сохраняют свою силу. Эдмунд Гуссерль употребил для их обозначения специальный термин: «*a priori* **жизненного мира**». Он имел в виду то, что вновь рождающиеся индивиды и поколения, едва вступая в жизнь, изначально застают некоторые исторически устойчивые формы бытия и повседневного быта страны, народа, всего мира, данные как бы *a priori*, еще до самостоятельного опыта отдельных людей. С ними приходится считаться как с объективными данностями. Это не значит, что их нельзя или не нужно изменять. Но такое изменение, даже если оно вполне назрело, — *долгий, настойчивый, терпеливый исторический труд всего народа*, к которому у нас в России мало кто склонен (и это тоже одно из *a priori* нашего

жизненного мира). Особый вопрос — такие феномены из *a priori* жизненного мира той или иной страны, которые носят *варварский характер* и на которых мы как раз и хотим далее остановить внимание читателей, взяв в качестве примера исторический опыт России и просмотрев его сквозь призму ее современного состояния. Эти болезненные феномены антицивилизованности надо высветить, как прожектором, и понять, какие из них надо вылечивать прежде других, *очень быстро* и, что называется, *всем миром*. При этом я надеюсь показать, что предлагаемая здесь концепция, основываясь на *фактах*, которые кажутся общеизвестными, предлагает некоторые первостепенно значимые *подходы, решения и проекты*, которые все же несколько отличаются от предлагаемых официальными и оппозиционными силами. И хотя все позитивные сдвиги, происшедшие в последнее время благодаря общегосударственным проектам, так или иначе способствуют делу цивилизации страны, весьма примечательно и печально, что сама такая задача не ставится, не формулируется как первостепенная.

От вековой несвободы к испытанию свободой

Долгие века Россия отставала от всего мира в деле завоевания свободы как всеобщего права и достоинства индивидов. Исторические факты хорошо известны: поздняя отмена крепостного права, причем без предоставления крестьянам собственности на землю; самодержавие, которое утесняло все слои и сословия общества, даже «высшие»; насилие самих «высших» сословий над «низшими» — а затем, после свержения самодержавия, экспроприации, уничтожения буржуазии и дворянства, быстрое утверждение тоталитаризма, отсутствие сколько-нибудь длительного и устойчивого опыта правового государства и гражданского общества; неграмотность, бесправие, нищета очень широких слоев простого народа — и многое,

многое другое. Гневное лермонтовское: «страна рабов, страна господ...» было правдивым подытоживанием фундаментального *a priori* российского жизненного мира (и не только, впрочем, российского).

Но в целом Россия, как я полагаю, все же выдержала испытание многих веков несвободы — в том, прежде всего смысле, что страна в исключительно трудных внешних и внутренних условиях создала и сохранила единую государственность многонациональную целостность, сформировала духовную, интеллектуальную культуру всемирно-исторического значения, создала и обогатила великий русский язык и способствовала сохранению многих национальных языков, что лучшие люди России не смирились с несвободой, не утрачивали своего достоинства, мучительно искали выход из исторических тупиков отсталости. А подчас Россия даже выполняла функции цивилизования других стран и регионов мира, что признают и западные авторы⁴⁰. Но издержки вековой нецивилизованности то и дело давали о себе знать — и более всего в том, на каких путях и в каких формах происходило «освобождение». На смену половинчатым мерам освобождения «сверху», не дававшим быстрого эффекта и порождавшим новые несвободы, приходил «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (А.Пушкин). Стрясались революции, поистине разрушительные для страны и народа. То, что вековое господство универсальных структур несвободы порождало неадекватные задачам более поздних

---

⁴⁰ «Несмотря на темные стороны развития, русский народ сумел проявить свое историческое величие: это народ многочисленных талантов, способный внести значительный вклад — духовный, интеллектуальный, эстетический — в развитие мировой цивилизации. В прошлом он неоднократно выступал с цивилизационной миссией и обладает достаточным потенциалом, чтобы и впредь — в более светлой перспективе — вносить столь же достойный вклад. Уважать и лелеять этот свой потенциал — в первую очередь забота и обязанность самого русского народа» (Кеннан Дж. Коммунизм в истории России // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 2, март-апр. С. 73).

эпох нецивилизованные формы освобождения, было — с точки зрения теории цивилизации — вполне закономерным, неизбежным следствием.

* * *

Post scriptum 2007 года

Хотела бы в данной связи обратить внимание на прекрасное исследование Л.И.Новиковой и И.Н.Сиземской «Три модели развития России» (М., 2000). В нем убедительно раскрыты некоторые важнейшие аргументы жизненного мира России, запечатленные также и в оформившихся теориях, утопиях, осмыслениях российского развития. Речь в названной книге вообще-то идет о самодержавной, социалистическо-утопической, либеральной моделях отечественного социального развития. Вместе с тем, интерес представляют подробно описываемые в работе некоторые устойчивые для России, транслируемые через ее историю (и обсуждаемые нами) характерные черты действий, ценностей, переживаний тех или иных влиятельных групп, слоев общества.

Один пример, показательный в плоскости затронутой проблематики — отношение к реформам в российской истории. Так, *более чем назревшие* и достаточно масштабные реформы 60–70-х гг. XIX в., совершенные в царствование Александра II, были, по оценке историка В.О.Ключевского, великими, но все же *запоздалыми* реформами. «Великими» потому, что это были проведенные за пятнадцать лет многосторонние и фундаментальные преобразования: крестьянская реформа, реформаторские меры в области народного образования, земская реформа, а также реформирование судебного дела, печати и цензуры, городская и военная реформы (См. указ соч., с. 71). А «запоздалыми» потому, что в более цивилизованных странах подобные преобразования осуществлялись значительно — иногда веками — раньше. Кроме того, Россия столь страдала от цивилизационной отсталос-

ти, от прямого варварства (это хорошо показано в рассматриваемой книге), что большинство населения так или иначе *ожидало*, даже *требовало* давно назревших преобразований. Но когда их, наконец, стали проводить, им было оказано огромное сопротивление со стороны разных слоев народа. И понятно почему: реформы неизменно вызывают множество болезненных изменений в жизни большинства населения. Если в других странах реформы, тем не менее, пробуждали и ответственное, продуктивное встречное движение тех, кто трудился в поле, в промышленном производстве, в системе управления государством, а также и тех, кто творил «идеальные смыслы» (и потому длительные, трудные процессы реформирования в конце концов приводили к цивилизационному успеху), — то в жизненном мире России сложились и господствовали характерные, еще и сегодня имеющиеся типы чисто негативного отношения к социальным реформам. Один из этих типов, описанных в книге Л.Новиковой и И.Сиземской, резюмируется в следующих словах того же В.О.Ключевского: «Отвращение к труду, воспитанное крепостным правом в дворянстве и в крестьянстве, надобно поставить в ряду важнейших факторов нашей новейшей истории. *Торжеством этой* настойчивой работы старины над новой жизнью было внесение в нравственный состав нашего общежития нового элемента — недовольства, и притом неискреннего недовольства, в котором недовольный винил в своем настроении всех, кого угодно, кроме самого себя, сливал грех своего уныния с больной головы на здоровую»⁴¹.

Это замечательно правильные слова: «отвращение к труду», «недовольство», при котором винят «всех, кого угодно, кроме самого себя». Сказанное полностью относится и к нашему времени — при том, что реформы 90-х гг. XX в., как и прежде, были более чем назревшими и в то

---

⁴¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 183, 184.

же время «запоздалыми», что они проводились и проводятся совершенно неоптимально и что реформаторы бывают плохо подготовлены к своему делу (в высшей степени ответственному).

Другие типично российские типы реакции на реформы, точно и тщательно выписанные в том же исследовании, выражаются *в поддержке, даже жажде контрреформ* и — что особенно опасно — в ожидании *радикально-революционного* контрреформаторского сопротивления результатам уже проведенных и необходимых в дальнейшем постепенных преобразований. «Общественная реформа в России — это Революция» — таковы программные слова из документа Исполнительного комитета террористической «Народной воли» (цит. соч., с.73), еще и сегодня опасно популярные в России, несмотря на более чем трагическую историю страны как раз в эпоху революций.

Крайнее озлобление после периода реформ — тоже типичная черта российской жизни, на новом историческом витке проявившаяся и в наши дни. Как будто бы с нашей сегодняшней жизни списано то, о чем в 1888 г. говорил К.Д.Кавелин: «После радужного настроения, светлых надежд и кипучей деятельности, наполнивших собой эпоху реформ, наступили годы полного и глубокого разочарования, и было от чего: светлые надежды не сбылись, победное шествие реформ остановилось, отчасти попятилось назад. Радужное настроение превратилось в мрачное, ироническое, дошедшее в некоторых до отчаяния и крайнего озлобления»⁴².

Поразительный этот факт, — применимость социальных характеристик, которые лучшие отечественные умы давали российской жизни в прежние века, — объясняется такой исторической устойчивостью форм жизни, общежития, быта, умонастроений русского народа, которые не знают другие европейские народы, хотя они тоже имеют свои, выражаясь словами Э.Гуссерля, исторические «а priori жизненного мира».

---

⁴² Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1991. С. 489.

Вот почему столь тревожные чувства вызывают другие возможные аналогии: войны и революционные взрывы после исторических периодов плодотворных для России стабильностей. Так, Л.Новикова и И.Сиземская правильно пишут о времени царствования Николая II со дня образования Думы до империалистической войны, что оно «было одним из самых преуспевающих в истории России» — эпохой развития промышленности, в том числе тяжелой, строительства железных дорог, не говоря уже о том, что это был «серебряный век» для русской литературы, философии, да и всей культуры. Два крупнейших политика — С.Ю.Витте и П.А.Столыпин — действовали в это время и посредством реформ прокладывали путь возможному будущему благосостоянию государства и его населения. «Но первого, — замечают Л.Новикова и И.Сиземская, — Николай уволил с должности, хотя и в дальнейшем часто обращался к его услугам. Второго «позволил убить» у себя на глазах своей охранке» (цит. произв., с. 92). И опять: если и появляются в России талантливые реформаторы, то во время самих реформ их дружно ненавидят, оплевывают — даже убивают. А через столетие — как сегодня — возвеличивают, проливают совсем уж запоздалые слезы. В свете устойчивости российских исторических аналогий вызывают страх, если не ужас, и закоренелое неумение всех, по сути, слоев населения и активно действующих политических сил ценить, хранить, закреплять с трудом достигаемую, еще хрупкую стабильность, и неумный социальный зуд снова оборваться в пропасть революций, переделов, гражданской бойни... (Об этом же подробнейшим образом рассказано в книге В. Кантора «...Есть европейская держава. Россия: трудный путь к цивилизации» — и что особенно ценно, уже с подробной опорой на историко-цивилизационный анализ).

Опасения вызывают и более конкретные структурные аналогии с а priori жизненного мира прежней России. Это, например, воспоминания о контрреформах 80-х гг. XIX в. — при Александре III, о которых Л.Н.Толстой говорил как об

эпохе разрушившей «все то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II», и пытавшейся «вернуть Россию к варварству времен начала нынешнего столетия»⁴³. И само убийство террористами «Народной воли» «Царя-освободителя» — факт более чем показательный. Да, в варварство российское общество готово впасть, что называется, не глядя. (О чем подробнее — в данном разделе моей книги).

* * *

Итак, есть все основания считать главнейшим объяснением вчерашних и сегодняшних бед нашей страны следующее обстоятельство: поскольку в цивилизованно отсталой России (как показано в постскриптуме) *постоянно отодвигали дело постепенных и вместе с тем кардинальных, последовательно проводимых всесторонних реформ*, предпочитая долготерпение в условиях мучительной несвободы нетерпению в условиях (всегда) болезненных реформаторских преобразований, поскольку реформаторов ненавидели и даже убивали, почему исторический запрос на их «выращивание» был минимальным, — постольку свершались разрушительные революции, которые чаще всего были имитацией преобразований и уж во всяком случае не продвигали вперед, а задерживали дело цивилизования страны. И тогда страна, сделав вперед шаг — другой, снова делала много шагов назад, теряя исторический темп.

Значит, цивилизационная отсталость объяснялась не только и не просто веками несвободы, не только долготерпением народа — ведь через них прошли и другие народы, государства. Но в решающие исторические моменты у них хватало разума, инстинкта, здравого смысла, чтобы не отодвигать задач освобождения превращением своей страны в пепелище, перечеркиванием сильных сторон прежней истории, новым озлоблением и натравливанием одной части на-

---

⁴³ Толстой Л.Н. Собр. соч. Т. 19. М., 1984. С. 392.

рода против другой. Лозунги революционного прошлого — например «кто был ничем, тот станет всем», «и как один, умрем в борьбе за это» — выдают разрушительный, антицивилизационный характер действий и умонастроений, отдаленный исторический эффект которых ощущается и сегодня. Во всяком случае, очень много шансов было потеряно Россией в XIX и XX вв., когда на переднем крае цивилизации появились, как было отмечено, несомненные достижения в деле завоевания прав и свобод человека, создания правового государства, гражданского общества, демократического порядка, в деле улучшения жизни населения. Вот (вкратце) то, что относится к истории.

Нас особо интересует здесь вторая половина XX столетия в жизни России. Освобождение, начавшееся в нашей стране вместе с перестройкой, было в немалой степени подготовлено подспудным и, боюсь, еще недооцененным освободительным движением 50–70-х гг. XX в. Если во второй половине 40-х и первой половине 50-х гг. (вследствие победы СССР в войне, всплеска патриотизма и укрепления культа Сталина) борьба с несвободой отступила на задний план, то с 1956 г. в стране фактически шло не всегда выступавшее в открытых, явных формах, но очень острое противоборство тех, кто хотел сохранения сталинских порядков (и у кого в руках была власть, хотя не тоталитарная, как при Сталине) и тех, кому уже было дорого дело завоевания индивидуальных и социальных свобод. А последних в стране было уже совсем немало; хотя открытые диссиденты, решавшиеся на конфликт с властью, потерявшей, впрочем, оскал тоталитаризма, были немногочисленны, росли ряды людей, в своих конкретных делах отвоевывавших хотя бы небольшую, относительную свободу, сохранявших человеческое достоинство (о последних с уважением говорил А.Солженицын в своей нобелевской речи).

Пережившие те времена могут засвидетельствовать (и кто-то уже сделал это в произведениях литературы, искусства, философии, в мемуарах), сколь трудной и подчас горь-

кой была эта борьба, сколько жизней она отняла и сколько судеб исковеркала. Однако недооценивать подвиги в сторону свободы могут только люди, не понимающие, что *цивилизационное движение вперед всегда и во всех странах было медленным, противоречивым, половинчатым*. Вместе с тем, по темпам накопления в народе внутреннего недовольства, устремлений к свободе 50–70-е гг. российского бытия следует признать довольно динамичным и весьма значимым периодом. Без укреплявшейся воли к свободе, без повышения в сознании многих людей ценности прав и свобод человека, без растущей привлекательности устоев и ценностей демократии не было бы того достаточно интенсивно развернувшегося вместе с перестройкой процесса освобождения от различных форм несвободы, который не закончился еще и сегодня. Можно сказать, что наша страна и ее народ в принципе выдержали и это историческое испытание, порожденное мучительным противоречием между фактической несвободой и волей к свободе, которая в послевоенный период все более решительно пробивалась к жизни, несмотря на все трудности, преграды, на постоянные реваншистские замыслы и действия сталинистов. Выяснилось также, что внутреннее устремление к свободе помогло сохранить, обогатить науку, культуру, искусство России, создав в ней убедительный противовес официозной культуре.

При этом отрицать глубинный, в чем-то и кардинальный характер происшедшего именно в конце XX столетия освободительного поворота было бы недобросовестно. Новым поколениям россиян трудно представить себе, насколько прочно и многосторонне жизнь их дедов и отцов была опутана различными бытийными проявлениями несвободы. И некоторые из них в новую эпоху попросту отпали вместе с отменой или исчезновением, что называется, явочным порядком, институтов, правил, законов, запретов, документов, которые в течение десятилетий советской власти были мощными и вездесущими.

В мою задачу не входит выписывание тех конкретных путей, способов, результатов завоевания свободы, благодаря которым Россия — если она приложит еще более активные и планомерные усилия — может претендовать на то, чтобы войти в семью более цивилизованных народов. Но об одном процессе хочу упомянуть специально. Превращение бывших республик СССР в самостоятельные государства (в то время не бесспорное даже для большинства их населения и бесспорно неприемлемое для населения России) произошло — за исключением нескольких эксцессов — почти бескровно, во всяком случае без имперских и гражданских войн. Это стало возможным главным образом потому, что в то время в России были как никогда сильны свободолюбивые, демократические настроения, а противоположные устремления тех, кто выступал за применение военной силы для сохранения СССР, не делали погоды. Чего, к сожалению, не сумели оценить в ряде новых государств их сегодняшние правящие элиты (что не удивительно: и населению, правящим кругам этих стран, а не только России, еще надо учиться цивилизованности мыслей и действий во внешней и внутренней политике).

Итак, подвижки в сторону свободы в России второй половины XX в. были существенными. Но для нашей темы считаю первостепенно важным следующий вывод-тезис, который далее постараюсь подтвердить конкретными доказательствами: при всех преимуществах более свободной жизни, которые появились к концу XX в., *Россия* — как страна, как народ, — пока не выдержала испытания свободой, не использовала очередной исторический шанс своего кардинального, глубокого цивилизования. Хочу при этом подчеркнуть, что я не согласна с оценками западных и отечественных критиков, согласно которым дело, де, в нарастании неких авторитаристских поползновений, в ущемлении свободы сверху. Убеждена, что и сегодняшние свободы (в том числе свобода слова) в России не только весьма широкие, но порой даже (уж простите, господа) слишком широкие, если учесть не-

способность и неумение весьма многих политиков, журналистов, предпринимателей, других слоев населения пользоваться этими свободами сколько-нибудь цивилизованно. Один из основных фактов современной российской жизни — это, по-моему мнению, разгул самой безответственной «свободы», при которой огромное число, если не большинство лиц, действующих наиболее активно, толкуют ее как беспрепятственное исполнение любых своих устремлений и замыслов. Причем с помощью каких угодно средств — и, если понадобится, с использованием крайнего насилия в отношении других людей, с нарушением закона, правил и норм морали.

Что касается свободы слова, то здесь в последнее время в оппозиционной и критической прессе обычно упирают на сужение возможности выражать антиправительственные, в частности, направленные против Президента, идеи и оценки (которые эти авторы, группы, тем не менее и слава Богу, успешно, подробно, методично выражают и на ЦТ, и во многих центральных и «нецентральных», частных изданиях; последнее, кстати, вполне процветает...). Это, разумеется, их взгляд и их святое демократическое право. Однако противопоставление «авторитарных» российских устремлений и того, что имеет место в «демократических странах, вряд ли правомерно. (Скажем, часто бывая в Германии и хорошо зная практику телевидения, прессы, могу засвидетельствовать: и государственные, и частные телевизионные каналы, а также основные газеты этой страны достаточно лояльны, по крайней мере уважительны и объективны по отношению к Канцлеру, к высоким государственным чиновникам. Доступ же к выражению критических мыслей на телевидении и в прессе регулируется, особенно в государственных mass media). Иными словами, в этом отношении *мы имеем дело не с чисто российской, а с общей для многих стран цивилизационной проблемой.*

Мне представляется, что главных болевых точек, имеющих прямое отношение к общей теме цивилизации и цивилизованности, а конкретнее, к свободе слова, в России сей-

час две. Первая — это наплевательское, даже циничное, а иногда, и действительно насильственно-авторитарное (особенно в регионах, на местах) отношение как властных структур, так и реальных «точек силы», к критическим сигналам свободной, независимой прессы. Вторая — это «пожелтение», опошление самих mass media, утрата немалым числом передач, программ и изданий элементарного профессионализма, вкуса, этических принципов и правил. Иными словами, в очень многих случаях здесь имеет место не ответственное использование свободы слова, а безответственная, разнузданная и хамская, т.е. нецивилизованная свобода.

Из ранее сказанного вполне ясно, что подобное понимание свободы не только противоречит принципам цивилизации, но как раз и означает пусть новое по форме, однако очень знакомое России варварство. Отсюда некоторые наблюдатели даже делают вывод: свобода вообще противопоказана России. С этим крайним выводом, скажу заранее, я не согласна. Но — к очень большому сожалению — он делается не без оснований.

При обсуждении проблем свободы и несвободы — в плоскости противопоставления цивилизованности и варварства — на первый план выходит вопрос о государственной власти. Ибо в периоды возможного перехода от несвободы к большей свободе именно государственная власть может и должна взять на себя ответственность и инициативу. А что произошло в России?

Власть и народ: парадигмы цивилизационной отсталости

Считается доказанным и является общим убеждением широких слоев российского народа тезис о том, что власть в новой России в решающий период была неэффективной в правильном определении и исполнении основных задач, стоящих перед страной, упустив шансы цивилизованного преобразования, так что сегодня она оказалась насквозь кор-

румпированной; что главный интерес подавляющего большинства российских чиновников состоит в беспрепятственном личном обогащении, причем по возможности «в особо крупных размерах». Изменения к лучшему, если и когда они имеют место (а в последнее пятилетие они произошли хотя бы с точки зрения энергии и эффективности власти), к сожалению, не меняют общей оценки. Ибо коррупция российской власти уже к началу XXI в. стала поистине универсальной. Сегодня аппетиты тех чиновников, которые воруют государственные средства и наживаются «в особо крупных размерах», выросли непомерно. Но и самые мелкие чиновники, клерки, вымогают и берут у граждан деньги за всякий документ, который они должны выдавать бесплатно и без проволочки. Между властью и гражданами — отнюдь не гражданское общество, как в других странах; здесь роятся многочисленные посредники, ставшие передаточным звеном в мздоимстве и взяточничестве. Правильно говорят, что сегодня в России «надо платить каждому столу и за вход в любую дверь» в органах центральной и местной власти. При этом в самые последние годы власть в губерниях, на местах, в сущности, стала даже превосходить центральную власть если не по размерам коррупции, то по ее безнаказанности и беззастенчивости. Если раньше еще боялись разоблачений, то теперь у чиновников (включая работающих в правоохранительных органах) исчезли всякие робость, нерешительность, стыд в деле вымогательства, коррупции и даже в наглom выставлении напоказ богатства, несоизмеримого с официально декларируемыми доходами. Взгляните на богатейшие виллы, возникшие вокруг больших, малых городов, поселков — они по большей части принадлежат вчерашним и сегодняшним чиновникам, их чадам и домочадцам. А начните что-то выяснять, не найдете концов, ибо технология сокрытия доходов, полученных от воровства, взяточничества, мошенничества, за какие-то десять лет была доведена до «совершенства». Вот такие энергию, изобретательность обратить бы на ликви-

дацию нищеты, ветхого жилья, разбитых дорог... Отсюда массовое недоверие населения почти *ко всем* чиновникам, к государственной власти *как таковой*.

* * *

Post scriptum 2007 года

Приведу данные социологических опросов 2006 и 2005 гг., касающихся отношения населения России к коррупции. «...Сравнивая по степени коррупционности различные органы власти, участники опросов на первое место ставят «глав регионов» — их считают самыми коррумпированными 42%, следом за ними называются «высшие чины правоохранительных органов» — 41%...» (Попов Н. Коррупция: кто кого // «Новое время», № 47, 2006., с. 9). Это недавние, конца 2006 г., данные ВЦИОМ. Сколько-нибудь заметного прогресса в изменении этого уровня недоверия пока не наблюдаются, о чем свидетельствуют данные Фонда ИНДЕМ за 2005 г.: «67% населения уверены: «большинство людей в высших органах власти нечестны, корыстны, приходят во власть только для своего обогащения», и еще 21% считает, что коррумпированных половина» (там же). Не только высшие органы власти, но и чиновничество в целом — согласно мнению большинства населения (71% по данным ИНДЕМ, 64% по данным ФОМ) — «подвержено коррупции и взяточничеству». Главную причину коррупции население видит в «жадности и аморальности российских чиновников и бизнесменов». Население, кстати, признает и факт своего участия в поощрении взяточничества и коррупции. «Лично давали деньги или подарки людям, от которых зависело решение каких-то проблем, 54% населения (по данным опроса ВЦИОМ от ноября 2006 г.)» (там же).

От самого чиновничества народ не ожидает, что оно откажется от коррупции и взяточничества. Надежды возлагаются не на правоохранительные органы (в успех их работы верят лишь 12% населения), не на суды (только 3% считают

их деятельность результативной), а на президента Путина. Показательны и представления о распространенности коррупции в прежней истории. Вот данные ИНДЕМ: «только 3% полагают, что больше всего коррупция была распространена «до революции», 14% — что в «советское время», 19% — что «в период М.Горбачева», 58% — в «период президентства Б.Ельцина» и 43% — «в нынешний период президентства В.Путина». Прошлогоднее (от 2005 г. — *Н.М.*) международное исследование центра Гэллапа показало, что 38% жителей России ожидают роста коррупции в ближайшие три года. Однако в будущем коррупцию все же удастся победить — так думают сегодня 48% россиян» (там же).

Одно ясно: недоверие большинства населения к чиновничеству, особенно к высшим органам власти, чрезвычайно велико. И если это мнение слишком сурово, если, например, есть не коррумпированные главы регионов, то убедить в этом жителей России весьма непросто.

* * *

В условиях всеобщего и по сути безнаказанного казнокрадства, взяточничества выборочные наказания и показушные кампании не приносят практического эффекта и почти не меняют резко негативного отношения населения к властвующим инстанциям и индивидам. Вопрос о том, остались ли во власти честные люди, в масштабах страны как бы теряет практический смысл уже потому, что население не верит почти никому во власти и что честные люди в ней независимо от своей воли все же оказываются вовлеченными в незаконные акции своих учреждений. Еще один конкретный аспект: западные либеральные догматики, средства массовой информации в последнее время педалировали тему отмены выборов губернаторов как удар по демократии. Между тем фактически дело обстоит иначе. Коррумпированная власть в губерниях и на местах так быстро «оседлала» меха-

низ выборов, так оперативно освоила все черные и серые технологии их фальсификации, что выборный пост стал не бастионом и знаком демократии, а своего рода средневековым «ярлыком» на несколько лет безнаказанного, наглого ограбления целой сворой чиновников и поддерживающим их криминалом соответствующего региона или города. Не удивительно, что население проявило полное равнодушие к отмене формы, на деле ставшей псевдодемократической, сохраняя надежду, что контроль со стороны энергичного Президента, возможность смещения им провинившегося губернатора будет все же эффективнее, нежели упомянутый ярлык, «легимитизированный» нечестными выборами. А быстро обеспечить «чистые» выборы на местах, чего с понятным гневом требуют упомянутые либеральные критики, столь же нереально, как с сегодня на завтра уничтожить коррупцию. Ведь по масштабам, по беззастенчивости обогащения, взяточничества, мошенничества и других преступных действий — то есть **по уровню варваризации власти** — чиновничество современной России оставило далеко позади не только аналогичные явления в других странах мира⁴⁴, но и всё то, что было в предшествующие периоды истории нашей страны. И все-таки обратиться к этой истории нужно, ибо она многое объясняет.

Неэффективность, некомпетентность власти, взяточничество, лихоимство чиновничества, его насилие над населением — тоже одно из a priori жизненного мира России, и по сути на всем протяжении ее государственной истории. Честные, законопослушные люди в нашей стране всегда страдали от чиновного варварства и насилия, а великие умы и таланты

---

⁴⁴ Это подчеркивают отечественные и западные эксперты, сравнивая коррупцию за рубежом и в России. Хотя коррупция растет во всем мире, в более цивилизованных странах ее все-таки удается «локализовать», как-то отслеживать и наказывать. «В России дело обстоит совершенно иначе. Опыт коррупции тотален и экзистенциален. Она охватывает все сферы хозяйства и жизни, не знает ни начала ни конца» (Holm K. Das Korrupte Imperium. Ein russisches Panorama. München—Wien, 2003. S. 17).

России с гневом, удивительной силой запечатлели эту весьма устойчивую, чуть ли не «вечную» структуру российской жизни (вспомним гоголевские «Ревизор» и «Мертвые души», Щедринскую «Историю одного города» и многое другое). Казалось бы, широко известный факт. Но в том-то и дело, что все силы противодействия в нашей стране — и реформаторы, и народ — в периоды, переходные от одних порядков к другим, когда надо бы кардинально менять положение дел, неизменно *ведут себя так, будто факта этого нет вовсе*. И только новые орды коррумпированных чиновников как бы носят его в своем наследственном коде, по крайней мере инстинктивно верят в укорененность, силу и безнаказанность коррупции. И потому, в конечном счете, выигрывают свою битву с народом, тем более что народ исправно платит взятки (а куда деваться, если тот или иной жизненный вопрос надо решать — причем часто под давлением карающих мер, исходящих от самой власти!)

Вот и в новейшей истории страны те люди, которые как будто были заинтересованы в ее благополучии и от которых зависела судьба народа, не сделали из упомянутого исторического факта никаких практических выводов. Они не били в набат, предупреждая страну, народ, весь мир: российские чиновники, старые и новые, в условиях расширившейся свободы просто не могут не устремиться на путь коррупции, если на этом их пути не будут поставлены преграды, непреодолимые и опирающиеся на силу закона.

Было также и конкретное обстоятельство, объясняющее, почему нужный баланс свободы и ответственности не был достигнут. Фактической властью в стране к началу 90-х гг. обладала партийная и номенклатурная верхушка СССР. Надо было серьезно опасаться того, что она, на время отступившая перед напором молодой российской демократии, а отчасти и заразившаяся ее умонастроениями, соберется с силами и снова устремится во власть, в бизнес, в политику. Так и случилось. У народа не оказалось ни руководителей из других слоев, ни, главное, социальной и политической воли, ни

организованности, ни способов давления на власть (а как они могли существовать при отсутствии гражданского общества?), ни ясного понимания проблем, чтобы заставить принять законы и провести в жизнь комплексную систему мер, которые бы препятствовали новому приходу к экономической и политической власти людей, усвоивших привычки управления в недемократические периоды цивилизационной отсталости. Я не стану дальше развивать эту тему — она ясна. Отмечу лишь, что достаточно плавному вращению партийно-государственной верхушки СССР (в центре и на местах) в российскую власть и российский капитализм способствовали по меньшей мере два обстоятельства. Под тонкой оболочкой «партийной этики» у людей этого типа скопилось столько безнравственных устремлений, вождедений, такая воля к накоплению богатства любой ценой и к наслаждению роскошью, что превращение бывших партийно-советских чиновников (их чад и домочадцев) в крупных капиталистов совершилось «сказочно» быстро и легко. Не надо забывать также, что именно они загодя накопили (особенно в уже коррумпированную и лицемерную брежневскую эпоху) основную массу первоначального капитала, связи с криминалом в стране и за рубежом. И они пустили все это «в дело», как только открылись первые возможности экономической «свободы». Было также наглядно продемонстрировано: приверженность этого слоя социализму и враждебность капитализму оказались мифом. Как только представилась возможность, последние представители партийной, (очень важно — и комсомольской), государственной верхушки, причем на всем постсоветском пространстве, с огромной активностью и удивительной предприимчивостью на глазах превращались в первых представителей крупного российского капитала. А также в новых государственных чиновников. Не успел народ опомниться, как на высших государственных постах в центре и на местах увидел до боли знакомые лица бывших обкомовских партийных (и комсомольских) секретарей и их приспешников. Вспоминать же об идеалах социализма и

коммунизма они предоставили старикам и старушкам, которых грабили в советские годы и которых особенно беззастенчиво обирали в 90-е гг., причем при активном участии слоя бывшей номенклатуры, сделавшегося правящим слоем и в «новой» России.

История, как известно, не развивается в сослагательном наклонении. Что случилось, уже случилось. Но при отыскании главных причин и извлечении выводов на будущее размышления о неверных действиях, упущенных шансах, а также о нереальных надеждах очень нужны и важны. Особенно если речь идет о цивилизационно отсталой стране. Ведь именно вековая цивилизационная отсталость и нецивилизованное правление советского периода, угнетенное, подавленное состояние широких слоев народа — глубинный исток неудач в завоевании свободы в последние пятнадцать лет, «наследственный код», обусловивший то, что произошло не излечение, а углубление тех заболеваний, которые традиционно и системно поражали и теперь поражают российскую власть. Отсюда понятно, почему горстка активных, ответственных политиков во главе государства и в оппозиции (я оптимистически исхожу из того, что они уже есть и еще будут приходить во власть) даже при очень большом желании не может, тем более с сегодня на завтра, исправить положение во властных структурах и слоях сколько-нибудь существенно. Мне остается исходить из предположения, что воля к изменению, возможно, и к самоформированию власти будет усиливаться и что она будет поддержана народом, причем его цивилизованными, а не бунтарски-разрушительными действиями (которые при дальнейшей безнаказанной коррумпированности власти совсем не исключены).

Отговорить народ от мер «нового передела» собственности и власти нецивилизованными революционными средствами сегодня так же важно, как вскрыть перешедшую все границы коррумпированность власти — главную причину недоверия к ней со стороны народа. Имея в виду ранее ска-

занное, очень важно поставить вопрос: что следует сделать весьма срочно, имея в виду антицивилизационные реалии нашей истории?

Прежде всего, надо (было и раньше, но неотложно нужно сегодня) радикально, неуступчиво, постоянно и гласно, с большим терпением утверждать, возводить в силу закона, исполнять, причем под строжайшим контролем, *основные цивилизационные — именно цивилизационные, опробованные в других государствах — требования, касающиеся государственной власти*. Это требования, на первый взгляд хорошо известные, но у нас совершенно не исполняемые. Вот некоторые из них.

Первое. В России надо было бы раньше и очень надо с сегодня на завтра — как раз во имя свободы — обратить первостепенное внимание на *ответственность, ограничения, запреты, юридическую и моральную чистоту доступа к власти* и самыми разными законами, практическими мерами *исключить* проникновение в нее всякого прежнего и нового чиновника, который (перед строгой и тоже честной проверкой) не смог бы доказать своей профессиональной подготовленности к исполнению тех или иных властных функций, а также законности собственности, личной и семейной, чистоту перед законом и правосудием. Нужно, чтобы и лица, рекомендовавшие, приведшие с собой к власти того или иного чиновника, подписавшие приказ о назначении, тоже становились известными, несли ответственность (в случае коррупции или должностного провала).

Второе — в том же духе и смысле: во имя свободы требовалось бы любого функционирующего чиновника, проявившего некомпетентность или разгильдяйство, впавшего в бюрократизм, обнаружившего поползновения к взяточничеству, вступившего в связь с криминалом, не просто снимать с поста, но строго и неукоснительно — конечно же, только по закону — лишать возможности в дальнейшем занимать государственные должности.

Третье. В случае выборности той или иной должности создать такую систему законов и практических мер, сквозь сито которых не мог бы проскочить непрофессиональный человек, тем более с темным прошлым, наклонностями к взяточничеству, воровству. Разумеется, и сами выборы на государственные посты нужно проводить иначе, нежели они проходят сейчас.

Перечень таких необходимых требований, предпосылок исправления болезней власти можно продолжить. Я уже говорила: в России они кажутся столь же очевидными, ясными, сколь и нереализуемыми. Между тем в цивилизованных странах (пусть случаи коррупции и неэффективности власти там тоже имеют место) они так или иначе работают, над чем нам всем следует задуматься, чему следует учиться и власти, и населению. Во всяком случае нужна неустанная и активная духовная, нравственная работа всех, кому дорога Россия, направленная на утверждение, пропаганду как будто бы общеизвестных, но на деле повседневно попираемых норм цивилизованного функционирования власти. (Чем я и занимаюсь в данной части моей работы).

В этом важном деле имеет место такое сложное переплетение самых разных факторов, что моменты, внушающие оптимизм, сталкиваются с моментами и аспектами, которые, к сожалению, склоняют к пессимистическим прогнозам.

С одной стороны, очень высокая степень согласия народа относительно нетерпимости коррупции и воровства внушает оптимизм. И я не вижу ничего плохого в том, что враждующие партии единодушно вписывают этот пункт в свои программы. С другой стороны, согласие здесь показное. Ибо правящая партия, заявляя о нетерпимости к коррупции, терпит ее во власти и сама в ней в какой-то мере участвует. А партии, борющиеся за власть или утратившие ее, обещают: вот мы придем к власти и быстро устраним коррупцию. И эти обещания сомнительны или лживы.

Согласно предлагаемой в этой работе концепции, вопрос о совершенно необходимом «очищении» насквозь коррумпированной власти или, скорее, о быстрой замене (а ча-

сто и наказании — обязательно по закону) массы нынешних чиновников новыми людьми в силу всего ранее сказанного в России пока, к сожалению, не имеет быстрого и кардинального цивилизованного решения. (Высказывается небеспочвенное суждение о том, что только Президент России с его широкой поддержкой со стороны населения, с весьма большими властными полномочиями мог бы и должен был бы объявить тотальную войну чиновничьей коррупции, чего пока не случилось. В моем восприятии дело выглядит еще суровее: полагаю, что в такой войне, будь она объявлена вчера или сегодня, победило бы монолитное, растущее в своей численности коррумпированное российское чиновничество...).

Резерв свободы и добровольности, на рубеже XX и XXI столетий самой историей отпущенный российским чиновникам, был весьма значительным. И именно и прежде *всего власть, чиновничество страны в массе своей не выдержали испытания свободой, используя ее в корыстных целях*, скомпрометировав сами ценности свободы и демократизма, доказав, что сиюминутные эгоистические соблазны в их умах и душах сильнее всех национально-патриотических цивилизационных соображений, более того, сильнее долгосрочных мотивов самосохранения, доброго имени семьи и т.д. Кажется ясным, что этот слой, варварски нарушающий законы страны и этические нормы, в своей массе пока вряд ли способен к добровольному самоисправлению, хотя пусть немногочисленные честные, ответственные чиновники должны стать известными стране и высоко цениться ею. Поэтому долгосрочные надежды надо, видимо, связывать с новыми поколениями, — и его воспитание в духе цивилизованных ценностей есть первостепенная задача.

Что же касается мер сегодняшнего дня, то я (в согласии с немалым числом авторов) считала бы необходимым *срочно*, именно с сегодня на завтра, создать два главных противоядия против чиновной коррупции. Первое противоядие — скорейшее *принятие законов о неотвратимой сменяемости чиновников, об их повсеместной перерегистрации* — со стро-

гим проведением в жизнь тщательно разработанных антикоррупционных мер, предотвращающих возможность любых лазеек, давления денег и власти и т.д.

Такой закон (или сумму законов) надо ввести совершенно срочно и провести в жизнь неукоснительно, несмотря на неизбежное сопротивление чиновничества. Эту меру считаю реальной, хотя и требующей самой тщательной подготовки, а также срочного формирования хотя бы начальных структур гражданского общества.

И это надо сделать — конечно, только по закону и согласно праву, также и с теми — чиновниками, которые попали на свои должности через выборы, т.е. казалось бы, благодаря демократии. Заранее слышу возмущенные голоса зарубежных и отечественных защитников демократии «во что бы то ни стало». Но, как уже отмечалось, ни выборы, особенно в губерниях и местечках современной России, не являются честными и чистыми (из-за административного ресурса, из-за конкретных политических технологий, господства криминала), ни выборная должность, согласно всем законам демократии, не является индульгенцией, освобождающей от ответственности, в том числе уголовной. Второе противоядие связано, на мой взгляд, с разработкой и утверждением — опять-таки по закону — системы не чисто разрешающей, а скорее контролирующей-запрещающей социальной технологии, препятствующей тому, что повсеместно и свободно происходит сегодня. Нужна основанная на новейших научно-технических достижениях и новейших же социальных технологиях общероссийская срочно выполняемая программа, которая была бы эффективным средством борьбы против коррупции, криминала во власти и вне ее, а также в бизнесе всех уровней. Поскольку о как будто бы сходных программах много говорится и поскольку вроде бы существуют специальные органы государства, чья функция — разрабатывать их и проводить в жизнь, хочу с самого начала подчеркнуть: эти органы и программы по разным причинам обнаружили несостоятельность в смысле *полной несоразмер-*

ности своих действий уровню, размаху, изощренности коррупции во власти и злоупотреблений в бизнесе. А потому, как я думаю, и программу надо формировать заново, и состав людей, которые будут ее разрабатывать и реализовывать, должен быть решительно обновлен. Однако, по моему мнению, *сейчас* и реально и необходимо выделить и сделать *приоритетной программой № 1 всей политики России* не просто борьбу с коррупцией (в самом общем, а потому практически бесполезном смысле), а нечто совершенно *конкретное, частное, реализуемое*. Поскольку все вращается вокруг присвоения денег, недвижимости, других материальных благ, необходимо (и, кстати, при достаточно изощренных современных технологиях и анти-технологиях, практически возможно):

- **поставить на строгий учет и сделать достоянием широкой гласности собственность всех без исключения чиновников России** (особенно чиновников руководящего звена), включая их чад и домочадцев, постоянно сопоставляя их официальные, декларируемые доходы, легальный заработок и *фактическое* (не на бумаге) состояние дел, удостоверяемое точно, объективно и, разумеется, законно; в случаях, когда заметные расхождения имеют место, об этом должны знать граждане соответствующих регионов и граждане страны, соответственно срочно должны предприниматься меры, предусмотренные законом; проверка счетов, собственности должна осуществляться в стране и за рубежом — законы для этого имеются;

- подобные меры должны распространяться также на бывших чиновников, затем плавно «превращающихся» в бизнесменов — в случае, если они сами добровольно не предлагают вернуть казне и народу то, что у них «заимствовали» (т.е. разницу между тем, что оказалось в их владении, и тем, что действительно законно заработали, — эту разницу легко подсчитать);

- должна быть разработана *анти-технология*, не позволяющая чиновникам (как сказано ранее) «технологично» жить не по средствам, «забирать» деньги народа и государст-

ва и направлять их — через подставные фирмы-однодневки — на свои счета и счета ближайших родственников; для этого *вся государственная система отслеживания денежных потоков и контроля за ними должна быть поднята на совершенно другой уровень.*

Уверена, что в России должна появиться новая партия или, еще лучше, действенная структура гражданского общества, которая затребует такую программу и цивилизованными средствами заставит ее выполнять. Но пока такого не происходит, надеяться на существенное преодоление цивилизационной отсталости России не приходится. Это нужно понять самой власти. В последнее пятилетие воля к преобразованию пробивается и в верховной власти. Однако за 10 лет — в силу упомянутой цивилизационной отсталости — коррупционность во власти как бы зацементировалась. Задачи очень трудны и, в частности, в силу уже сложившегося *отношения народа к власти.*

Мы уже показали: народ у нас устойчиво не доверяет власти в центре и на местах, для чего у него были и есть все основания, сегодня (как мы видели) как никогда веские. Но и власть у нас не доверяет народу — для чего у нее тоже, увы, есть свои резоны. Если государство через власть, центральную и местную, обворовывает и унижает народ, то ответное отношение довольно значительной части населения страны к обязанностям граждан государства далеки от добросовестности, законопослушания, ответственности. Так формируется одно из самых характерных отличий цивилизационной отсталости России (и не только ее): *отношения недоверия и даже вражды между государственной властью, управляющими структурами в центре и на местах и населением.* Эти отношения имели место и в полуфеодальной России, и при социализме, и в условиях современного дикого (нецивилизованного) капитализма. Традиционно они дополнялись страхом перед властью, верноподданническими чувствами. М.Е.Салтыков-Щедрин в «Истории одного города» говорил

о «трепете, исполненном доверия»⁴⁵, а Н. Бердяев писал об антиномии вражды и верноподданничества, «сервильности» в отношении народа к власти⁴⁶. А сегодня? Кто-то, возможно, еще трепещет, но доверие совсем улетучилось...

Но народ наш, наше население теперь весьма неоднородно, расколото. Насквозь коррумпированная власть — первая из наследственных болезней отсталости, варварства в России. Вторая — это поистине *варварский контраст* между на глазах возникшим огромным богатством и чудовишной бедностью, даже нищетой значительной части населения.

Богатство в современной России

Часто говорят и пишут, ссылаясь на историков, экономистов, философов, что первоначальное накопление капитала вписано в историю, как образно выразался Маркс, «пламенеющим языком огня и меча» и что крупнейшие состояния во всем мире наживались, как правило, несправедливым путем, за счет ограбления населения, мошенничества, нарушения закона. Но в истории человечества этот несправедливый генезис капитала в ходе веков смягчался особыми процессами цивилизации. Прежде всего, на заре нового времени возникло мощное социально-нравственное движение, противостоявшее всплескам варварства как в непосредственной сфере накопления, приложения капитала, так и в его отношениях с обществом. Об этой истории также много написано — в том числе с точки зрения формирования норм цивилизованного предпринимательства, его специфической, приемлемой для общества морали⁴⁷. По-

---

⁴⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. М., 2002. С. 28.

⁴⁶ По этому вопросу см: Мотрошилова Н.В. Споры вокруг «русской идеи» в российской философии XX в. // История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 3. М., 1998. С. 310.

⁴⁷ См. по этому вопросу работы Э.Ю. Соловьева, посвященные теме «Европейская цивилизация: отношение к труду и предпринимательству», статью Ю.А. Замошкина «Бизнес и мораль» (Филос. исслед. 1993. № 1—2. С. 103—118).

добно всем цивилизационным нормам и требованиям, те, что утверждались в «деловых» сферах, не функционировали автоматически и оставляли простор для нецивилизованных, даже варварских действий. И все же в наиболее развитых странах возникали своего рода *цивилизованные правила игры*, которых в определенных рамках придерживались предприниматели-работодатели, владельцы капитала, торговцы, их партнеры и потребители, наемные рабочие и служащие, население в целом, государственные структуры в их отношениях с бизнесом. Правда, отношения владельцев капитала, особенно самых богатых, и их работников, как и населения в целом, всегда были достаточно напряженными; они порою перерастали — о чем очень хорошо известно — в революции, гражданские войны. Но к началу XXI столетия, во-первых, устоялись структуры, формы, институты, через посредство деятельности которых оформляется, постоянно корректируется, контролируется *общественный договор* и ведется острый, но *цивилизованный диалог* между заинтересованными сторонами. Это не было бы возможно, если бы, во-вторых, в цивилизованных странах не произошло то, о чем ранее уже шла речь — существенное повышение уровня жизни большинства населения, формирование среднего класса, эффективного мелкого бизнеса и тем самым смягчение характерного для прежних веков поистине кричащего контраста между доходами, способами жизни богатых людей и остальной части населения.

Опыт России был особым. Российский капитализм существовал столь недолгое время, что он только начал формировать практику и этику честного, ответственного предпринимательства и так и не дожил, под корень подрезанный революцией, до цивилизованных отношений с обществом. Что было в истории советского периода, хорошо известно: равенства, конечно, не добились и не могли добиться, но уровень жизни большинства населения был весьма невысоким; начальство, более обеспеченное, все же не решалось, особенно при Сталине, наживать и тем более нагло демонстрировать большое богатство.

И вот прежняя система рухнула. На фоне не только весьма низкого уровня жизни, но и его резкого ухудшения к началу 90-х гг. XX в. на Россию буквально «обрушился» капитализм, во всех его характеристиках обусловленный попустительством и личной заинтересованностью тогдашних «сраставшихся» с криминальным бизнесом псевдолиберальных реформаторов, невиданной слабостью государства, незрелостью демократических сил, упомянутым разложением правящей верхушки, растерянностью населения и многими другими обстоятельствами. Возникшие в рекордно короткий срок баснословные состояния тех, кого у нас называют олигархами, — не только следствия их предприимчивости, делового чутья, энергии, но и беспрецедентного даже для жестокой истории капитализма пренебрежения всеми возможными правилами, принципами цивилизованного бизнеса и его этики, не говоря уже о попрании той бессильной, беззубой «законности», которая еще теплилась в криминальном беспределе 90-х гг.

Итак, *новый российский капитал явился миру и стране в самом варварском виде* — явился тогда, когда мир, как сказано, все-таки добился от владельцев капитала более или менее цивилизованных правил социальной игры. (Правда, страны Запада сильно подыграли российским владельцам весьма сомнительных состояний, когда в видах собственных экономических и политических дивидендов помогли им вывести из страны и разместить в зарубежных банках огромные капиталы, закупить в их странах виллы, яхты, самолеты, прочую недвижимость и движимость и даже организовывать политические игры, когда в России выдвигались законные претензии по поводу наворованных у народа несметных богатств. Только сейчас приходит некоторое отрезвление).

Далее я поведу разговор об ошибках, совершенных новым российским классом богатых. И сразу предупрежу, что речь пойдет об ошибках, обусловленных сцеплением многих объективных исторических обстоятельств, а не просто

порожденных недоброй волей разбогатевших людей, их личной бесчеловечностью, готовностью переступить закон и т.д. Это имеют в виду российские богатые, когда говорят, что наживали свои состояния, двигаясь в рамках *тогдашних* законов и что таковы были объективные условия, вся практика и обстановка: все-де энергичные, деловые люди, действуя в условиях всеобщего бардака, в том числе юридического, даже не по своей воле оказывались в «серой» или «черной» зонах... Эти разъяснения, оправдания отнюдь не беспочвенны, как по-своему оправданы ссылки на особое деловое чутье, энергию, таланты в ведении бизнеса и т.д. (Тогда, кстати, оставшиеся без денег, не нажившие состояний честные люди выглядят и подчас ощущают себя чуть ли не растяпами и лодырями, не использовавшими исторического шанса).

Но ко всему этому надо внести очень существенные уточнения. Прежде всего известно и во многих конкретных случаях при желании может быть доказано, что при формировании состояний, особенно крупных, в массовых масштабах нарушалась даже и существовавшая в тот период беззубая законность, имело место не отвечающее любым цивилизационным меркам разграбление «плохо лежавших» богатств страны. Нарушались выработанные веками элементарные правила поведения «деловых слоев» по отношению к своей стране, народу — не говоря уже о попрании вековых же требований морали. И впоследствии, когда ситуация стала хоть отчасти исправляться, когда еще можно было вернуться в поле законности и цивилизованности, шанс был использован лишь немногими. Итак, скажем здесь об исторических ошибках, которые сразу натворили крупные собственники из «новых русских», движимые гипертрофированным корыстным интересом и фактической безнаказанностью. Хочу предупредить читателей, что о первой и главной ошибке я по ряду причин скажу в конце этого подраздела.

Вторая же из них — почти полная дискредитация идеи свободного цивилизованного рынка и ее применимости в России. Сначала крупные состояния формировались под

шумок и на фоне нецивилизованного, поистине варварского базара с участием мелких предпринимателей и сразу проявивших особую активность, невиданно сплотившихся криминальных элементов. Здесь бы и появиться в качестве противовеса — под покровительством государственной власти, закона, правоохранительных органов — мелкому и среднему капиталу, свободной конкуренции. Но не тут-то было: к этому времени рынок уже был захвачен и — «свободно» для немногих участников, однако несвободно для большинства населения — поделен *между теми, кто оказался ближе к разделочному столу государственной (в то время будто бы общенародной) собственности*. Дальнейшая несвобода рынка была предопределена. Как предопределена и «свобода» криминала, быстро проникшего во все поры якобы свободной конкуренции.

Третья кардинальная ошибка крупного (и среднего) российского бизнеса — изначальная повязанность с криминалом, с нарушениями закона во власти и вне ее. (Что тут совершалось из-за невиданной объективной криминализации всей жизни страны, а что было «собственным вкладом» в такую криминализацию, вопрос в каждом случае особый). История развивается так, что тайное хоть в чем-то становится явным. В том числе и якобы тайное сотрудничество бизнеса с криминалом.

Четвертая ошибка в том, что капитал в массе своей не воспользовался неоднократными приглашениями власти впредь исправно и честно платить налоги, вкладывать деньги в социальные программы, а также предложениями экономической и правовой амнистии в обмен хотя бы на частичное покрытие материальных и всяких иных преимуществ, даром и за счет народа полученных в ходе тоже *варварской российской приватизации*. Впрочем, и власть не уделила проблемам такой амнистии необходимого внимания и, по моему убеждению, должна это сделать в ближайшем будущем.

Пятая и очень существенная ошибка русских капиталистов — это нетерпеливая и открытая демонстрация своего богатства перед страной и всем миром, причем не только

богатства, но и исключительно дурного вкуса в его использовании. Факты, в том числе и новейшие, здесь общеизвестны, и я не буду на них останавливаться.

Шестая ошибка: очень богатые и просто богатые люди России, сначала совершив всё то, что они совершили, создали для себя особые — по сути нецивилизованные, а то и варварские — способы бытия. Свои роскошные дома-дворцы в России (кстати, часто весьма сомнительной архитектуры) им приходится скрывать за уродливыми глухими заборами. Возникающие на глазах «элитные», как у нас говорят, поселки и дома тоже отделены от страны заборами, охраной, многочисленной челядью, «своими» магазинами, салонами красоты, спортивными комплексами, клубами, ресторанами, цены в которых повергают в изумление всю страну.

С этим тесно связана и **седьмая** ошибка: богатые россияне именно для себя и вокруг себя создали слой всяческой «обслуги», опять-таки сделав это по-варварски и часто на криминальном пути. Правда, сначала они спасли от голода и нужды сотни тысяч, а по всей стране, возможно, и пару миллионов людей, превратив их в челядь, охрану, всяческую обслугу, часть из которой занята в «спец-индустрии» развлечений, удовольствий, игорного бизнеса и т.д. Но прикормив их, богатые люди сильно способствовали разращению, проституированию, криминализации заметного числа людей, как правило, молодых, здоровых, энергичных. (Особая проблема России — очень сложная судьба молодых, как правило, красивых и привлекательных женщин, которые могли бы иначе построить свою жизнь...). Теперь этот социальный слой, тоже устремившийся в погоню за сверхдоходами и лишенный каких бы то ни было моральных принципов и законопослушания, обретает самостоятельность. И еще предстоит понять последствия всего этого для страны, в частности, для ее имиджа за рубежом.

Восьмая и тоже существенная ошибка российских богатых — в том, что они позволили обстоятельствам закрепить в сознании народа образ совершенно однородного класса,

однозначно повязанного с ограблением народа и использованием только в своих интересах недр страны, скорее с беспрецедентным мошенничеством, нежели с социально-производительной деятельностью, с трудом и талантом. Между тем какая-то часть богатства создана в России, в основном, трудом и талантом; оно все-таки функционирует и доставляет рабочие места в промышленности, строительстве, здравоохранении, образовании, участвует в социальных программах и благотворительности. И вот этой части богатых, если им дорога Россия и если они хотят жить и работать в своей стране, не следует неразличимо сливаться с ценностями, образом жизни печально знаменитых «новых русских».

Можно ли надеяться на то, что русские богатые как социальный слой захотят и смогут осознать эти и другие свои исторические ошибки? Должна признаться, что их сегодняшняя жизнедеятельность не внушает большого оптимизма. Надежды этого слоя (или класса), и даже тех его представителей, которые пока связывают свою судьбу с Россией, больше ориентированы на сохранение status quo, чем на действительное самоцивилизация и тем более цивилизация России. Более того, для многих русских богатых надежды состоят в другом: пока, де, используем все возможности извлечения высоких доходов; а если в России «вдруг» появятся законность и мораль, препятствующие баснословной и до сих пор связанной с криминалом наживе, уедем на Запад или Восток на заранее подготовленные (роскошные даже по западным меркам) позиции, благо что дети еще раньше отправлены туда на учебу, работу, место жительства...

А на что может надеяться Россия? Что будет происходить с капитализмом, который вряд ли мог стать иным в стране, где были вырублены и без того слабые корни цивилизованного предпринимательства? Я лично питаю надежды, прежде всего, на ту конкретную программу, о которой говорилось выше как *программе № 1* применительно к власти, но которая должна быть полностью отнесена и к бизнесу. *И в случае бизнеса можно и действительно нужно поставить под*

строжайший контроль финансовые потоки, источники доходов, налоги и т.д. Резервы свободы и доверия, которые капиталу предоставила история, были огромными и до сих пор остаются значительными. Не использовав их цивилизованно, представители крупного бизнеса (и их радетели за рубежом) не должны сетовать на то, что теперь акцент придется сделать на неукоснительной ответственности (конечно, по закону) и на перераспределении арены их деятельности в пользу среднего и мелкого бизнеса, тоже, конечно, вводимого в рамки ответственности и законности.

И хотя пережитая нами история становления нового российского богатства дает не так уж много оснований для надежд на быстрое установление цивилизованных отношений между богатыми (тем более сверхбогатыми) людьми и остальным населением, хотя наиболее вероятен сценарий, в соответствии с которым сильнейшее напряжение в этом поле будет сохраняться, а возможно, и нарастать, — соображения социального мира требуют от обоих социальных полюсов сознательного (и цивилизованного) сотрудничества как в интересах страны, так и в собственных индивидуально-групповых интересах. О том, что слою богатых придется срочно исправлять сделанные ошибки и вставать на путь самоцивилизации, ясно из всего сказанного, ясно из уроков истории различных стран и времен. А вот если такое движение со стороны российских богатых начнется, и на другом социальном полюсе необходимы поддержка, добрая воля, а главное, понимание того, что озлобление, зависть, заведомое недоверие ко всем без исключения богатым — плохие помощники в отношениях людей.

Главная же надежда — на приход в бизнес России молодых поколений предпринимателей, изначально осознающих целерациональность и перспективность цивилизованных правил игры, законности действий и ответственности своего слоя перед Россией. Определенную роль должен также сыграть страх, да, именно страх богатых и среднезажиточных людей России перед теми проявлениями отсталости и варварства, с

какими всегда была связана и остается связанной сегодня российская нищета. И вот тут я скажу, как и обещала, о *первой и главной* ошибке российского бизнеса и власти.

Считаю тяжелейшей (быть может, уже и роковой) ошибкой и новых властей, и крупного капитала то, что *срочно*, сразу же после первых накоплений богатства не была разработана и не начала претворяться в жизнь *совместная программа государства и бизнеса*, соответственно которой были бы учтены самые большие «точки» крайней нищеты, разрухи, одичания в современной России и что в них без промедления, под строжайшим контролем населения и власти, не были направлены весьма значительные средства. Если бы, накопив (за счет народа) поистине огромные, ошеломившие весь мир богатства, российский крупный капитал весьма заметную часть их отдал, как честные люди отдают долг, для выполнения такой программы, положение страны, престиж новой буржуазии и само отношение к богатству было бы в России существенно иным.

Ведь в России есть еще одна болезнь, особенно заметная в сравнении с *цивилизованными странами*, в которых *резко отрицательно относятся к криминально нажитому богатству, но не к богатству как таковому*. В этих странах считается: богатые люди нужны стране, ибо благодаря крупному и среднему капиталу богатеет страна, создаются рабочие места, формируются благотворительные фонды и программы, поддерживаются наука и культура. *Российский капитал в массе своей пока упустил историческую возможность добиться подобного же отношения к богатым и к богатству в нашей стране*. Ибо значительная часть российского крупного капитала, как известно, проистекала не из производственных областей, а из сфер и действий, которые были построены на грубых нарушениях закона, беспрецедентном мошенничестве — с массовым и безнаказанным обманом доверчивого населения, на монополистском сговоре в повышении цен, извлечении таких прибылей, которые во всем капиталистическом мире изначально считаются подозрительными и со-

циально непристойными. Правда, и российский бизнес подчас создает рабочие места, вкладывает деньги в науку, культуру, спорт. Однако эти вложения весьма малы и по сравнению с их доходами, и по сравнению с теми средствами, которые укрыты от налогов. Капиталистические пожертвования (относительно небольшие, но всегда оплакиваемые — государство, де, не поощряет их соответствующими налоговыми послаблениями) у нас в стране частенько перекочевывают в те карманы, которые и так далеко не пусты.

Но ведь *вопрос о российской нищете* — совершенно особый. Он касается не только капитала и власти, а всех нас. *Это самая глубокая, зримая и заразная из всех варварских болезней всей мировой цивилизации.* Россия болеет ею очень давно, но не лечит, а воспроизводит, накапливает, усугубляет нищету. Рассмотрим проблему специально.

Российская нищета (сверхбедность)

Сразу оговорюсь: употребляя в контексте данной работы слово «нищета», я не обязательно имею в виду только тех, кто от нужды просит милостыню и тем более не тех, кто пользуется жалостливостью россиян и за день собирает суммы, намного превосходящие доходы поделившихся с ними граждан. Под *нищетой, или сверхбедностью*, я здесь понимаю совершенно определенный социальный феномен — жизнь, действия, сознание заметной части российского населения, давно уже брошенного на произвол судьбы и потерявшего волю, ответственность, способность самостоятельно изменить свое бытие и быт. Эти люди с трудом влачат жалкое для человека существование, едва сводят концы с концами, а чаще вымирают, болеют, деградируют.

Мое определение поистине варварской «сверхбедности», «нищеты» перекликается с термином «обширное социальное дно», как его употребляет Т.И. Заславская, авторитетный российский социолог, в ее книге «Современное россий-

ское общество. Социальный механизм трансформации» (М., 2004). Она прежде всего имеет в виду нищих, алкоголиков, наркоманов (последних в России сейчас примерно 3 млн. человек, и число их стремительно растет), беспризорных детей (вероятно, около 2 млн.). Я их тоже (условно) причисляю к тому — объективно варварскому — феномену, который именую «сверхбедностью», или «нищетой». Это действительно, люди, которые — по разным объективным и субъективным причинам — опустились на дно. К слою сверхбедных я вообще причисляю всех, живущих в нищих, разрушенных, во всех отношениях запущенных сельских поселениях, небольших городах, в развалах на окраинах больших городов. Их сверхбедность, нищету признает и официальная статистика: так средний душевой доход в сельском хозяйстве в 2003 г. равнялся 2145,2 рубля и был самым низким в шкале доходов занятого в экономике населения (См.: «Россия в цифрах. Официальное издание. М., 2004. С. 106). В 2004 г. (согласно сайту Госкомстата — WWW. gks. ru, doc/2006) доходы ниже прожиточного минимума, к слову, сильно заниженного по сравнению с реальным положением, имели 25,2 млн. человек, или 17,6% населения. И хотя процент к предыдущему году несколько снизился, «дефицит» денежного дохода малоимущего населения оценивался в 2004 г. в 225,6 млрд. рублей. Данных за 2005 г. — как сложилось в нашей государственной статистике — нет еще и в начале 2007 г. (В отличие от схемы Т.И. Заславской, у которой к «социальному дну» справедливо отнесены воры, бандиты, рэкетеры, проститутки, я, конечно, никак не могу причислить этих людей с шальными криминальными, подчас весьма значительными доходами к слою «сверхбедных», «нищих»).

В интересующем нас здесь и очень важном для нашей темы слое сверхбедных людей есть свои (уже и у Гегеля описанные) социальные, нравственные градации, например, между теми, кто уже опустился на социальное дно, и теми, кто всеми силами, несмотря на ужасающие условия жизни, удерживается на грани хотя бы относительных выживания,

самосохранения. Но *социально-историческая проблема варварства и его преодоления касается данного слоя, взятого в целом*. По разным оценкам, к нему могут быть отнесены от 5 до 10% населения нашей страны. (Те аспекты, которые касаются социального различия сверхбедности и просто бедности, будут рассмотрены также и в последующих разделах).

Лик российской нищеты поистине чудовищен. В невыносимом состоянии пребывают целые деревни, малые города, окраины больших городов. Аварийные дома, жить в которых опасно и унижительно, надворные постройки, оскорбительные даже для скота; непроезжие и непроходимые дороги, разрушенные мосты; отсутствие или бедственное состояние школ, больниц; чудовищная грязь, антисанитария; убожество убранства и утвари в домах; допотопные общественные транспортные средства; а главное — население, часто спившееся, обнищавшее до крайности, лишенное достойных работы и заработка и часто уже неспособное к какому-либо труду, дичающее, опускающееся ниже всякого предела; исключение составляют терпеливые, рано стареющие женщины российской глубинки, с невероятными усилиями растящие детей и кормящие вечно пьяных мужиков (и от отчаяния тоже спивающиеся) — все это и многое другое суть леденящие душу приметы, бесспорно, варварской российской нищеты.

И она появилась не вдруг, и она — наследственная болезнь, перешедшая от эпох татарщины, крепостного права, разрушительных войн, раскулачиваний, гонки вооружений. Но ведь и в прежней истории других стран Европы и Азии нищета тоже была заметным фактом жизни. Она гнездилась, что мы знаем из истории и литературы, на окраинах Парижа, Лондона, Нью-Йорка. В сегодняшних же цивилизованных странах она является скорее исключением и редко имеет такой варварский облик, как в России. По характеру нищеты Россия — страна богатая ресурсами и играющая в мире достаточно важную роль — может сравниться разве с беднейшими странами Африки, Азии, Латинской Америки. **Терпеть**

ее дальше совершенно невозможно и следует преодолевать всем российским миром. Я глубоко убеждена, что это **самая неотложная, самая насущная проблема**, нерешенность которой угрожает России — и бунтами, бессмысленными и беспощадными, но уж точно стремительным падением количества деятельного, активного населения сегодня и завтра, повышением числа рождающихся неисправимо больных детей, а значит, падением качества генофонда народа, утратой будущих поколений. Есть другие стороны опасности, о которых я не говорю, ибо они ясны.

Но несмотря на все разговоры правящих сил и оппозиции о проблемах нищеты и бедности, пока не сделано ничего столь срочного, объемного и кардинального, чтобы оно отвечало всей серьезности и опасности проблемы. Выделение некоторых сумм на социальную помощь — в пересчете на душу нищенствующего населения — оказывается мерой ничтожной; да и эти суммы в большой их части разворовываются по дороге.

Против этой *программы № 2*, за которую я ратую (и которую ставлю на второе место только потому, что без исправления коррупции и грабежа во власти и бизнесе вообще ничего не может быть осуществлено), могут быть сделаны совсем несправедливые возражения. Во-первых, в стране очень много задач как будто бы равной приоритетности — требуются вложения в производство, в (тоже обездоленные) науку, культуру, образование, в создание новых систем вооружений, в укрепление армии, в здравоохранение и т.д. Во-вторых, может быть сказано, что нищета в немалой степени зависит от самих опустившихся, обнищавших индивидов и что помогать законченным алкоголикам, часто уже лишенным человеческого облика, давно забывшим, что такое труд, ответственность даже за себя и свою семью — все равно что бросать средства в бездонную бочку. И почему, могут сказать труженики, в поте лица зарабатывающие на совсем небогатую жизнь своих семей, мы должны выволакивать из нищеты тех, кто не хочет и не умеет трудиться? Но есть еще один

слой населения современной России, который при всех условиях не может спастись собственными усилиями — это бездомные, брошенные дети.

Беспризорные дети

Именно в связи с темой сверхбедности, нищеты я хочу сказать о *Программе № 3*, которую, несомненно, надо принимать и проводить в жизнь неотложно, *раньше всех других программ*, причем осуществлять ее последовательно и строго до тех пор, пока социальный феномен детской беспризорности и тесно связанного с нею стремительного, ужасающего роста детской преступности перестанет быть такой масштабной проблемой. Наряду с сверхбедностью, нищетой **брошенные дети (их, вероятно, около 2 миллионов) — самый явный и страшный признак варварства в новой России.** Здесь не нужно особых разъяснений: дело совершенно понятное и *на словах* признанное. Но опять-таки ясно видно, что эффективных средств, программ, институтов, нацеленных на лечение этой поистине варварской болезни, в России пока не существует. Более того, при всех гневных речах на эту тему ни власть, ни народ, как мне кажется, не осознают, что **нужны масштабные и сверхсрочные действия.** Сегодня решение проблемы огромной массы детей, скитающихся по подвалам, помойкам бескрайней России, спивающихся, криминализирующихся подростков и даже малышей, поручено разве что детским комнатам милиции, да детским приемникам, которые (при всех усилиях работающих в них благородных и самоотверженных женщин) совершенно не в силах справиться с задачами, сопоставимыми с важнейшими вопросами национальной безопасности и будущего страны. Бесспорно также бессилие политиков, которые «поручают» тему детства отдельным женщинам из Думы или других учреждений, чьи встревоженные голоса они к тому же не слушают.

Я думаю, что положение с детской беспризорностью сопоставимо с той обстановкой, которая существовала в стране некоторое время назад, когда мы столкнулись с лавинообразным нарастанием количества чрезвычайных ситуаций и с отсутствием специальной структуры, способной профессионально, оперативно, ответственно на них реагировать. Тогда почти что на пустом месте и в очень короткий срок возникло Министерство чрезвычайных ситуаций (МЧС) во главе с С.Шойгу, одним из самых эффективных чиновников современной России. Подобная по качеству новая управленческая структура с солидным (хорошо управляемым, прозрачным) бюджетом и лидером, подобным Шойгу, требуется, и именно сегодня (завтра будет поздно), для решения обсуждаемого вопроса — со сроком действия, достаточным для его коренного решения. (И если бы министерство Шойгу не было так загружено своей прямой работой, я бы сказала: поручите проблему беспризорных детей спасателям, ибо чрезвычайная необходимость спасения детей — самая приоритетная задача).

А поскольку беспризорными дети России в наше время становятся, как правило, при живых родителях, то в рамках программы, о которой я веду речь, настоятельно требуется высоко «технологичная» (социально-технологичная) законодательная программа и (обязательно) программа создания духовного, морального, психологического климата, на всех возможных уровнях препятствующая тому, чтобы родители безнаказанно бросали своих детей. Надо сделать так, чтобы и эти родители, и население страны в целом поняли и почувствовали: **беспризорные дети — самый главный позор современной России**, по характеру и следствиям самое опасное из наших социальных заболеваний, хотя и всеми нитями связанное именно с обсуждавшейся ранее проблемой нищеты.

Такому осознанию препятствует, в частности, широко распространенное в России суждение, согласно которому брошенные дети и другие варварские проявления нищеты как социального феномена однозначно связаны с бедностью.

Связь тут существует, но она далеко неоднозначна. И доказательством может служить то, что в России имеется социальный слой, еще более массовый — это очень небогатые или просто бедные люди, которые, однако, не бросают своих детей и во многих других отношениях сохраняют человеческое достоинство. Это заставляет нас присмотреться к феномену бедности в современной России.

«Бедные люди»

Считаю необходимым *проводить различие между сверхбедностью (нищетоу) и (просто) бедностью*. Сделать это на строгом количественном уровне непросто: понятия «богатство», «бедность», «нищета» — сугубо исторические, соотносительные, зависящие от условий места, времени, умонастроений, ожиданий и многого другого. Ясно, что содержание этих понятий в России и в материально благополучных странах Европы и Азии существенно различны. Да и вообще попытки определить какие-то верхние и нижние границы доходов, перечни «критериальных» предметов и услуг и т.д., которые могут позволить себе приобрести различные группы населения, сугубо условны. Поэтому здесь трудно опереться на достоверные статистические данные. Официальная статистика, конечно, указывает величину прожиточного минимума (в 2003 г., IV квартал — сумма в среднем 2113 рублей на душу населения; она, несомненно, занижена. См. «Россия в цифрах. Официальное издание». М., 2004. С. 109). На сайте Госкомстата ([www.gks.ru, doc/2006](http://www.gks.ru/doc/2006)) по прожиточному минимуму на 2004 г. указывается цифра в 2376 руб., считаю, существенно заниженная. Подобные издания, приводящие цифры за 2005 г., выйдут только в 2007 г. (Понятно, что для сегодняшнего дня цифра из-за инфляции должна быть более высокой). Указывается и число людей, живущих ниже этого исключительно «скромного» уровня: в 2004 г. их было 30 млн.; в 2005 г., согласно данным, приведенным Президентом В.В. Путиным, — 25 милли-

онов, т.е. около 17% населения России. Если прибавить значительное число тех, кто живет чуть выше означенного уровня, то все равно получится, вероятно, *не менее 40–50 млн. бедных или сверхбедных*. Иными словами, это почти треть населения страны. Из них, по оценкам Т.И. Заславской, «социальное дно» составляет примерно 5% населения, т.е. около 6 миллионов (в моей терминологии — сверхбедных) людей⁴⁸.

Интересующее нас различие редко приводится и в отечественных конкретных социологических исследованиях, даже наиболее добротных. Примером может служить весьма ценный аналитический доклад «Богатые и бедные в современной России» (М., 2003), подготовленный Институтом комплексных социальных исследований РАН в сотрудничестве с Фондом им. Фридриха Эберта. Как критерии бедности были выделены: плохое питание, дефицит одежды и обуви, плохие жилищные условия (отсутствие своей квартиры (дома) или менее 10 кв.м. общей площади на человека), отсутствие недвижимости (дачи, земли, гаражи), невозможность пользоваться платными услугами и т.д. «Как оказалось, доля россиян, находящихся в подобных условиях, составляет сегодня 23,4%, т.е. практически четверть населения страны. Это и есть по социологическим меркам настоящие бедные в современной России. Причем только у половины их представителей уровень доходов действительно не превышает 1500 руб., а у другой половины душевые доходы составляют от 1500 до 3000 руб. В отдельных же случаях (6,5 %) их среднедушевые ежемесячные доходы были даже выше 3000 руб., но это не спасало их от реальной бедности» (С. 9). Совершенно ясно, что к концу 2006 г. даже эти вариативные цифровые данные должны выглядеть по-иному.

---

⁴⁸ Эти расчеты сугубо приблизительны — и потому, что они основываются на официальной, нередко «лукавой» или неточной статистике, и потому, что наше население имеет устойчивую тенденцию скрывать свои реальные доходы, уходить от налогов и т.д., и потому, что грань между «бедностью» и «нищетою» (социальным дном) в таких документах и подсчетах почти не принимается во внимание.

P.S. 2007 года. Уже отмечалось, что официальные данные Госкомстата даже за 2005 г.(!), не говоря уже о только что закончившемся 2006 г., недоступны широкой публике. Это тем более досадно, что за 2005—2006 гг. произошли, вероятно, заметные сдвиги в улучшении уровня доходов жизни тех слоев населения, которые у нас называют «бюджетниками». Властные структуры неповоротливы даже в том, чтобы оперативно сообщить населению о таких сдвигах и успехах.

* * *

Выделенные в вышеупомянутом докладе признаки, положенные в основу опросов, имеют отношение к бедности как экономическому состоянию и способу жизни. Но они как бы затушевывают различие между двумя формами бедности с точки зрения интересующего нас аспекта — наличия или отсутствия личной, семейной и социальной ответственности, трудового этиоса, образа жизни, ценностей и интересов, как видно, не вытекающих прямо и непосредственно именно из приведенных выше материально-имущественных критериев. В двухкомнатной квартире может жить, получая невысокий доход, семья, жизнь которой, отмеченная настоящей бедностью, очень трудна, но достойна, семья, заслуживающая всяческого уважения российских граждан, которые и сами живут благодаря своему труду и своими налогами, своим трудовым вкладом поддерживают государство. Но в таких же квартирах могут жить и такие семьи, в которых один родитель или оба уже спились, опустились, бросили или довели до варварского состояния своих детей (хотя эти люди что-то и где-то зарабатывают или уворовывают, чтобы сразу же заработанное пропить). Это явление я ранее (условно, конечно) назвала сверхбедностью, нищетой; *именно с цивилизационной точки зрения считаю необходимым хотя бы качественно отделить его от просто бедности.* При этом можно опереться на уже упоминавшуюся книгу Т.И. Заславской «Современное

российское общество. Социальный механизм трансформации» (М., 2004. С. 278—288), где есть очень важные для нашей темы социологические выкладки относительно основных слоев российского общества и их (приблизительного) процентного соотношения в составе российского населения последнего десятилетия: правящий (5%), верхний (11%), средний (49%), базовый (30%) слои и «обширное социальное дно» (5%).

К «среднему слою» (не путать со средним классом) у Заславской отнесены: представители среднего звена бюрократии, высшие и средние офицеры, мелкие и средние предприниматели, высококвалифицированные и востребованные части профессионалов и др. Для обсуждаемых здесь оттенков проблемы особое значение имеет слой, который Т.И.Заславская называет «базовым» и к которому она относит «массовую социальную базу общества»: рядовых специалистов массовых профессий — инженеров, врачей, учителей, клерков, индустриальных рабочих, крестьян, работников торговли и обслуживания и т.д. К ним относятся, согласно Т.И.Заславской, 2/3 всех занятых в экономике россиян.

Я же выделяю из этого, действительно базового слоя (который тоже внутренне дифференцирован), ту, весьма обширную группу населения, которую (условно) именую «*бедными людьми*», имея в виду, что доходы, а главное образ жизни, ценности, человеческий облик этих наших соотечественников ясно отличают их и от первых трех (в классификации Заславской) — очень или довольно состоятельных — слоев и в то же время от сверхбедного слоя, тем более от обитателей «социального дна».

Провести на качественном уровне различие между «нищетою», сверхбедностью и «бедностью» и настоятельно необходимо, и вполне возможно. Ибо **бедные люди в России — традиционно примечательный и социально важный слой**. В особенности надо выделить тех очень, очень небогатых людей, которые живут своим трудом, соблюдают законы, регулярно платят за квартиру и коммунальные услуги, исправно пла-

тят (вернее, у них вычитают) налоги. Налоги в каждом случае как будто небольшие, но их общая сумма, добровольно и исправно выплачиваемая очень небогатыми, а то и просто бедными людьми России, составляет совсем немалую часть в бюджете страны. Итак, заметим: *очень небогатые и бедные люди* — это большая масса исправных налогоплательщиков, которые и должны строго спрашивать с государства и чиновников за то, как расходуются деньги, значимость которых в составе их доходов куда бóльшая, чем впечатляющие как будто бы налоговые поступления олигархов — в составе их состояний.

Далее, русские бедные очень часто — гордые люди. Они не только не демонстрируют свою бедность, но скрывают, маскируют ее. Своих детей они кормят, одевают, учат, в своих крошечных квартирах поддерживают порядок, на маленьких дачных участках (которых не имеют спившиеся сверхбедные, но часто имеют просто бедные) выращивают урожай, своими руками строят дома; если у них есть (не новые и не шикарные) автомобили, то они служат многие годы. Род занятий сегодняшних бедных людей весьма различен, но тенденции показательны и печальны для страны. **Сегодня бедные люди обладают, вероятно, самым высоким образовательным статусом во всей истории России.** Это инженеры, врачи (особенно тяжело им в глухой провинции), другие работники медицинских учреждений, учителя, библиотекари, музейные работники и работники других учреждений культуры, научные сотрудники, (не берущие взятки) работники вузов, студенты и аспиранты, не имеющие материальной поддержки от родителей, офицеры невысоких званий, да и вообще многие из тех, кого у нас называют бюджетниками. В том, что они — живущие на зарплату **бедные люди**, нет сомнения. Надо, правда, сделать оговорку, что и в этих слоях имеется заметное расслоение: есть очень богатые и бедные врачи; работники преуспевающих частных вузов зарабатывают существенно больше, чем работники академических научных учреждений. Но общей картины это не меняет, ибо именно

сферы образования, науки, культуры, здравоохранения варварски, позорным образом являются в России такими социальными областями, где трудится — в основном, честно, профессионально и достойно — основная масса бедных людей страны.

Так, согласно справочнику «Россия в цифрах» (М., 2004. С. 105–107) в этих сферах (а также в легкой промышленности, розничной и оптовой торговле) — наименьшая среднемесячная номинальная заработная плата среди всех областей занятости (около 3300 рублей). По науке приводится цифра 6933,2 руб. Но по опыту могу сказать, что цифра применительно к периоду, к которому ее относят, эта весьма лукавая, ибо «средние» расчеты (включающие относительно небольшой процент — не более пяти — самых высокооплачиваемых ученых и доходы коммерческих научных организаций) маскируют неопровержимый факт: основная зарплата подавляющего большинства ученых, включая кандидатов и докторов наук, до 2006 г. колебалась между 3 и 4 тысячами рублей. Чтобы выжить, им приходилось и сегодня приходится работать в двух-трех местах и, конечно, в ущерб здоровью. (К слову, согласно справочнику 2004 г., в сфере управления, т.е. у чиновников, средняя зарплата будто бы была даже несколько ниже, чем у ученых — 6784,9 руб.!) И если среднемесячная начисленная заработная плата в целом составляла в 2003 г. 5509 руб. (180 долларов США)⁴⁹, то легко видеть: перечисленные категории населения в массе своей получали существенно меньше этой небольшой, а по понятиям благополучных стран (и на фоне установившихся у нас «европейских» цен) просто мизерные суммы! Соответствующие данные на первое полугодие 2005 г.: средняя зарплата по России 8464 руб., а у учителя в школе — 4808 рублей, т.е. почти в 2 раза меньше; у воспитателя в детском саду — 3966 рублей, преподавателя в вузе — 8164 рубля. По нашим данным, в академических институтах повышение зарплаты по

---

⁴⁹ *Post Scriptum 2007 года*. По данным сайта Госкомстата (www.gsk.ru, doc/2006) в 2004 г. она составляла 6739,5, а в 2005 г. — 8550,2 руб.

сравнению с 2003 г. было незначительным. При этом рост зарплаты не покрывал издержек инфляции. Это позволяет — пока — отнести их к бедным людям — и более бедных даже в сравнении, скажем, с основной массой занятых в промышленности, строительстве, транспорте (хотя и этих людей тоже трудно назвать богатыми)⁵⁰.

Хочу особо подчеркнуть: **тот факт, что страна, общество допускают массовую бедность своих наиболее образованных или получающих высшее образование слоев, бедность людей честного труда, исправных налогоплательщиков — один из самых верных показателей цивилизованной отсталости, переходящей в варварство.** Одновременно это обвинительный приговор в адрес российской власти, а также новых российских богатых. Ведь они часто произносят правильные слова о потребности общества в современных технологиях, самых передовых научных и технических знаниях, как бы «упуская из виду», что **в России наших дней они вверяют их разработку бедным и очень бедным людям.** Эти люди продолжают трудиться в своих обнищавших лабораториях, вузах, библиотеках, музеях и т.д., за гроши добывая, создавая, сохраняя высокопродуктивные знания и технологии и обучая им.

Сколько этих людей — по общей численности и проценту в составе населения, точно сказать трудно. Но приблизительные цифры назвать можно. Согласно справочнику «Россия в цифрах» (2004 г.), в сферах здравоохранения, образования, культуры, науки трудилось примерно 20% населения (причем в экономике специалистов с высшим образованием и высшей квалификацией примерно 15 миллионов, со средним уровнем квалификации — примерно 10 миллионов, студентов вузов — 6,5 миллионов). Даже если предполагать, что 2–3% из них — богатые или очень богатые люди, то все

---

⁵⁰ *Post Scriptum 2007 года.* Позитивные изменения, несомненно, произошли в 2006 г. благодаря национальным программам. Но привести точные цифры невозможно. О госстатистике уже говорилось. Что касается сайта «Национальные программы России», то там (по состоянию на январь 2007 г.) пока не приведены даже промежуточные итоги.

равно получается многомиллионная армия тех образованных людей, которые подведены к самой черте бедности или не очень значительно над нею поднимаются. По терминологии Т.И.Заславской, они составляют значительную часть «базового слоя», т.е. такого, на плечи которого фактически и ложатся основные социальные функции — труд, здравоохранение, образование, культура. Соотнося это свое рассмотрение с объемом понятия «базового слоя» у Т.И.Заславской, хочу сделать уточнения.

С одной стороны, несколько вперед массового слоя интеллигенции в базовом слое по своим доходам и уровню жизни ушли даже рядовые работники немалого числа (но, конечно, не всех) предприятий промышленности. Относительно новое явление состоит в том, что квалифицированные российские рабочие (не гастарбайтеры) в промышленности, строительстве, торговле, транспорте, не говоря уже о сырьевых отраслях, сочли бы для себя тягчайшим оскорблением, если бы им предложили заработную плату, сопоставимую с окладом научного работника высокой квалификации — даже доктора наук, профессора, руководителя подразделений. (Я при этом не имею в виду работников разваливающихся, обанкротившихся, ограбляемых, плохо управляемых промышленных предприятий — их в России тоже немало, и на них тоже работают бедные люди). С другой стороны, *еще ниже по доходам и уровню жизни стоит основная масса крестьянства, где гнездится даже не бедность, а поистине варварская сверхбедность, настоящая нищета.* Но вопрос о крестьянстве — особый, и я не буду его здесь обсуждать. Что касается сельской интеллигенции, то положение врачей и больниц, учителей и школ на селе — особенно бедственное. И так, получилось, что упомянутые представители образованных слоев живут в сегодняшней России куда хуже, чем люди, не получившие высшего и даже среднего образования (но нередко приобретающие липовые дипломы вузов за приемлемую плату). Прошу понять меня правильно: я не утверждаю ни того, что все российские интеллигенты — обязательно

бедные люди, ни того, что все бедные люди — непременно представители интеллигенции. Я утверждаю лишь, что среди российских бедных очень заметную, если не решающую часть составляют люди образованные, а часто — и представители российской интеллигенции в традиционно высоком значении этого слова. Я также утверждаю, что именно *материальное положение интеллигенции сегодня, пожалуй, наиболее тяжелое в российской истории.*

Россия традиционно не только не умела достойно ценить, вознаграждать и почитать честных, благородных образованных людей, но и «изобретала» все новые способы наказать, унижить, а то и просто уничтожить носителей самых ярких умов и талантов, которые всегда в изобилии рождались на бескрайней российской земле. И так, болезнь опять наследственная. Но то, что происходит сегодня, снова же не имеет прецедентов. В старой России образованные люди, люди интеллектуальных профессий редко были очень богатыми (если не располагали унаследованным богатством), но в массе своей они не были и бедняками. Престиж инженера, врача, учителя, ученого, университетского профессора был достаточно высоким. В советское время большинство представителей интеллигенции жили не так, как до революции, — совсем скромно, но ведь скромно жили и другие слои населения. А вот столь бедными, по престижу и доходам стоящими **в самом низу социальной лестницы**, они не были никогда.

В последние десятилетия имело место социальное изменение катастрофического характера, сопоставимое с всплеском варварства, который произошел в ходе и результате Октябрьской революции. Это угроза **уничтожения российской интеллигенции** как уникального социального слоя и феномена, получившего высочайшее мировое признание.

Всей современной цивилизации присуще, впрочем, существенное смещение, выражающееся в том, что «звездам» политики, спорта, шоу-бизнеса, средств массовой информации (таланты которых порой весьма скромны, а то и просто сомнительны) эта цивилизация позволяет получать много-

миллионные вознаграждения, несопоставимые даже с нобелевскими премиями выдающимся ученым. Поскольку все это происходит в эпоху, когда жизнь людей решающим образом зависит от новых парадигмальных научно-технических знаний, постольку здесь тоже можно видеть *одно из характерных заболеваний всей современной цивилизации*. В России же «явление» миру разбогатевшей, наглой, безвкусной «попсы» выглядит просто по-варварски — на фоне нищеты населения, а в особенности на фоне массовой бедности российской интеллигенции. Вдумайтесь, за что чаще всего хвалят Россию за рубежом. Именно за **интеллектуальный и художественный** вклад в развитие мировой цивилизации, за безусловную «конвертируемость» научных идей, литературно-художественных шедевров, за гуманизм ценностей. Значит, как раз за то, что — несмотря на все социальные, политические, идеологические препятствия — на протяжении своей трудной истории создала российская интеллигенция. Ее травили политическими преследованиями, несвободой. Теперь ее удушают и унижают самой большой в стране бедностью.

За бедность и унижение интеллигенции и — шире — образованного слоя России никто не понес и не несет никакой ответственности. Более того, очень многие люди в России удивились бы, если бы кто-то поставил сложившееся положение дел в вину не только властям, но и народу в целом. Здесь тоже — одно из отличий России от цивилизованных стран. Припоминаю, как в Мюнхене мне довелось разговаривать с таксистом, коренным жителем города, типичным баварцем. В разговоре он, в частности, спросил меня, во сколько раз больше в России платят профессору по сравнению с таксистом. Я ответила, что сам вопрос поставлен неправильно: в России профессору платят в два-три раза меньше. Тогда таксист спросил, протестуют ли против этого российские *таксисты* (!). И доходчиво объяснил: если бы в его государстве высокообразованные люди с профессорскими званиями получали бы куда меньше таксистов, он, таксист, первым бы вышел на улицу с протестом против такой

несправедливости и нелепости.... Согласитесь, что это многое объясняет и что в нашей стране подобное отношение к проблеме со стороны народа даже трудно помыслить. Допущенная, «узаконенная» бедность интеллигенции, т.е. людей, которые не только сами много учились, но и научились учить других, выглядит особенно варварским парадоксом в условиях, когда привлекательность высшего образования в глазах всех слоев населения России не только не снизилась, но и неизмеримо возросла.

Но я хотела бы снова и снова подчеркнуть: при всех выпавших на его долю испытаниях слой российских бедных (в моем понимании) в массе своей как раз всегда выдерживал и выдерживает эти материальные и моральные испытания — в отличие от представителей того слоя, которых я (условно) называю сверхбедными, «нищими». Главное различие в свете нашей темы: сверхбедность, нищета в России — прямое варварство, в которое впадают захваченные ею, терпящие его отдельные люди, семьи, целые поселения. Сколько здесь зависело и зависит от тяжелейших объективных условий, а сколько — от собственной воли опустившихся людей, вопрос особый. Но как раз пример бедных людей показывает, что весьма многое упирается в характер личности каждого человека. *Ибо то, что я именую бедностью — с точки зрения сознания и действий самих бедных российских людей — ассоциацией с варварством не вызывает.* Социальная граница между нищетой и бедностью очень подвижна, но она, несомненно, существует — и прежде всего потому, что бедные люди в России активно не хотят и очень боятся впасть в такую нищету, при которой им уже как бы независимо от их воли грозит утрата самостоятельности, человеческого достоинства, социальной роли. Правда, это порой происходит, особенно со старыми, больными и одинокими людьми, поистине нищенская пенсия которых как бы определяет их незавидную судьбу. И все-таки даже обездоленные российские пенсионеры (у которых к тому же к концу жизни вероломно отняли даже их скромные накопления) — тоже тот значительный по ко-

личеству слой очень бедных людей, который достоин всяческого уважения. Они берегут свою гордость, наши старички и старушки, многие из них хотят по возможности играть активную социальную роль. (Что, кстати, очень неглупо используют коммунисты, опирающиеся на пенсионеров как свой главный электорат).

В России наших дней только очень ленивые политики не говорят о борьбе с бедностью, о создании и выполнении соответствующих социальных программ. Государственные чиновники, в чью компетенцию входит борьба с бедностью, свою политику уже определили: это распределение бюджетных денег, при котором бедным даются небольшие, никак не решающие проблему подаяния именно «на бедность», быстро съедаемые инфляцией. (Только в самое последнее время государство, накопив солидные суммы благодаря нефтяным долларам, начало поднимать зарплаты как раз тем слоям работающего населения, о которых мы здесь ведем речь. Остается надеяться, что планы эти будут осуществлены и что новые выплаты не съест инфляция, вернее, массовые стоворы монополистов, быстро повышающих цены соответственно любым дополнительным выплатам населению)⁵¹. В ответ на традиционный русский вопрос «Что делать?» — в данном случае с бедностью — я не предлагаю конкретной программы, аналогичной программе № 2, направленной на ликвидацию сверхбедности, нищеты. Я предлагаю нечто иное — не то, что другие (например, чиновники) будут делать с бедными и бедностью, а то, что нынешние российские «бедные люди» (в моем понимании) должны будут сделать *со страной* в целом, в том числе и со своими проблемами. Объясню, что я имею в виду.

Из сказанного ранее вытекает, что *несмотря на свою бедность рассматриваемый социальный слой обладает потенциалом, несопоставимым с тем, каким располагают другие соци-*

---

⁵¹ Об этих новых программах и мерах — см. в конце данной главы Post Scriptum 2007 года.

альные слои и группы (чиновники, богачи, сверхбедные). Этот совокупный и уникальный потенциал качеств — активность, ответственность, честность, высокая образованность, интеллигентность, патриотизм, законопослушание, терпеливость, умение ориентироваться на других людей, на другие группы, обуздывать, цивилизовать негативные эмоции и т.д. Иными словами, *этот слой*, на плечи которого обрушились самые негативные следствия цивилизационной отсталости, пусть тоже неоднороден в своих действиях, ориентациях⁵², но *в целом живет и действует в соответствии с ценностями и требованиями цивилизации*. Самое существенное, чего ему не хватает — это *самостоятельной* политической активности, способности к самоорганизации. Слой этот, к сожалению, пока пассивен и находится в растерянности. (К тому же выживание отнимает много сил и времени). Слой этот пока не создал «своей», но и общенародной — объединенной с другими слоями — партии, которая в принципе способна достойно противостоять и сервильизму проправительственных партий, и показной, но безвредной оппозиционности, а главное, интеллектуальной импотенции типичных для сегодняшней России партийных программ. (Наиболее активные в политике представители российской интеллигенции некоторое время связывали свои надежды с представителями так называемых правых партий, которые, увы, их надежд не оправдали. Этот важный вопрос я здесь разбирать не могу). Но создавать та-

---

⁵² Неоднородность подходов, реакций людей в ответ на нищету и бедность (старую и новую) рассмотрела в цитированной книге Т.И.Заславская, различившая различные «стратегии» поведения — от растерянности, отчуждения, пассивности («регрессивная» поведенческая стратегия) до опаснейших для «общества» агрессивно-разрушительных линий поведения «социального дна» (Цит. произведение. С. 252–253). Подобные реакции подчас характерны и для того специального слоя, о котором я говорила. Но мне кажется, что никак нельзя недооценивать *силы сопротивления и самосохранения*, которую сообщает и бедным людям причастность к образованию, культуре, ценностям труда, цивилизованности, свободы, достоинства человеческой личности.

кую партию, как и действительно независимые институты гражданского общества, им придется. Вот тогда дело преодоления как нищеты, так и бедности может сдвинуться с мертвой точки. И в деле честного, ответственного выполнения тех конкретных срочных программ, которые я предложила в этой работе, надо решительно опираться на народ и, в частности, на упомянутый слой, представители которого не запятнали себя коррупцией, устояли перед моральной деградацией и сохранили, как сказано, очень высокий и пока мало востребованный интеллектуальный потенциал.

Глава шестая.

О национальных российских программах последних лет и новой актуальности цивилизационного подхода

Предшествующие главы были написаны в 2005—2006 гг., хотя до сих пор не публиковались. Предложенные в них *Программы* не были чем-то совсем новым и оригинальным. Сформулированные мною предложения были обобщением тех требований, которые дружно, согласованно, энергично выдвигались на самых разных уровнях: и на уровне теории, т.е. в научной литературе, и на уровне практики, в социально-политических дискуссиях, в средствах массовой информации, а главное, в процессах выражения самим населением своих мнений, оценок и ожиданий. Но у народа сложилось ощущение, что власть медлит и с разработкой, и с реализацией более чем назревших социальных программ, которые привели бы к реальному улучшению уровня, форм и условий жизни большинства населения. И вот в 2005—2006 гг. дело, кажется, сдвинулось с мертвой точки.

Мне лично было отраднo видеть, что основные предложения, обозначенные в предшествующих текстах, по существу совпадают с рядом конкретных Национальных программ и мер, более энергично и эффективно предпринимаемых Президентом и правящими кругами России в последние годы. (Я, разумеется, бесконечно далека от мысли, будто именно мой голос услышан, тем более что основной и наиболее подробный текст на эти темы, как сказано, еще не публиковался). Какие сдвиги произошли, а главное, каково именно влияние Национальных программ на *реальное улучшение уровня жизни большинства населения*, сейчас

трудно оценить (ибо, как было отмечено, сколько-нибудь точные результирующие данные пока не представлены широкой публике). Но мы сами чувствуем определенные сдвиги, улучшения — и не говорить о них было бы необъективно и совершенно недобросовестно. Ругать власть мы очень хорошо научились (характерно, что это произошло поистине стремительно — после десятилетий страха и сервильности). Однако пока не научились объективно и своевременно оценивать, поддерживать ее действительные позитивные усилия и меры. Не научились и пониманию того, что сдвиги не могут происходить сразу и на всех фронтах и что возможны, успешны только постепенные и, вместе с тем, последовательные, энергичные, хорошо продуманные шаги в этом направлении.

В свете исследуемых в этой книге цивилизационных проблем хотела бы внести еще ряд предложений, которые в конечном счете опираются на разрабатываемую здесь теорию цивилизации.

Я продолжаю думать, что, к сожалению, в политике (внутренней и внешней), а особенно в масштабной, например, общегосударственной программатике не осознана в достаточной мере необходимость учета именно цивилизационных факторов, т.е. во всех насущных делах по существу *не применяется цивилизационный подход*. Между тем это, на мой взгляд, ошибочно как в политико-тактическом, так и в социально-стратегическом отношениях. Здесь внимание будет сосредоточено на социально-стратегических аспектах.

Возьмем те же Национальные программы. Как сказано, точные данные об уже достигнутых результатах, доступные широкой публике, пока отсутствуют. Но можно не сомневаться: они, по обычной схеме наших статистических отчетов, будут в основном (если не исключительно) содержать данные «по валу» (скажем, количество введенных в строй домов и квартир, израсходованных на те или иные цели денег, новых машин скорой помощи или новых компьютеров, поступивших в школы и т.д.). Нет никакого сомнения в том, что *все такие данные очень и очень важны* — особенно в объ-

ективном сопоставлении с прошлыми годами. Однако представляется, что наряду с ними было бы очень важно определять то, что я называю «цивилизационными коэффициентами». Поясню, что имеется в виду.

В общей форме: это отношение чего-то вновь сделанного к тому, что до этого (и увы, после этого) находилось и находится ниже (хотя бы среднего) цивилизационного уровня. До сих пор, насколько можно судить, из многих такого рода возможных показателей официально определяется некий прожиточный минимум, притом, как правило, слишком оптимистично: *выживать* еще можно, а *жить* — по меркам цивилизации — невозможно...

Цивилизационные коэффициенты, о которых далее будет сказано более конкретно, необходимо (и вполне возможно, в том числе на количественном уровне) определять и вычислять как при подготовке, так и при учете результативности социальных программ — причем на общегосударственном, региональном, местном (муниципальном) уровнях. Они важны и ценны тем, что, в частности, способны показать, изменились ли реально и в чем именно изменились основные конкретные факторы действительной жизни населения. (Что далеко не всегда фиксируют общие показатели «по валу»).

К примеру, первостепенное значение приобретают — в свете цивилизационного подхода — следующие коэффициенты.

На уровне материально-предметных показателей:

- процент цивилизованных, т.е. нормальных, всесезонных, содержащихся в порядке (в наше время — неоднородных) дорог — по отношению к общему количеству и протяженности дорог и к бездорожью⁵³;

---

⁵³ В прекрасной статье М.Я.Блинкина и А.В.Сарычева, руководителей НИИ транспорта и дорожного хозяйства, о нашей «дорожной статистике» сказано, что она «и по сей день базируется на объемах перевозок грузов и пассажиров, выполняемых статусными перевозчиками» и, в сущности, не касается «уровня автомобилизации домохозяйств» (несмотря на то, что в 1991–2004 гг. этот уровень вырос примерно в 3 раза).

- процент четко функционирующих, современных средств общественного транспорта в отношении к общему количеству транспортных средств и к потребности в них;

- при подсчете недавно так радовавшего увеличения количества автомобилей сейчас особенно важно оценивать использованные и неиспользованные возможности справиться с лавинообразно растущим потоком автотранспорта при соответствующем состоянии дорог, состоятельность (сегодня — несостоятельность) комплексных мер, направленных на решение этих трудностей;

- то же — об авиатранспорте...

То же — о проценте современных больниц, оснащенных новым медицинским оборудованием и квалифицированным персоналом, по отношению к общему числу «учреждений здоровья» и к цивилизационно отсталым медицинским учреждениям. То же — о современных школах, техникумах, вузах в их соотношении с общим числом таких учреждений и «средней цивилизационной потребностью» в них. (И еще многое другое).

На уровне показателей, характеризующих здоровье и повседневную жизнь населения.

- «процент здоровья» — продолжительность жизни, рождаемость, наиболее опасные заболевания (в пересчете на количество населения, в сопоставлении с другими странами); такие данные имеются и уже приводятся. Так, на сайте Национальной программы «Современное здравоохранение» (16 марта 2006 г.) сказано, что в России — весьма низкие показатели, т.е. в нашей терминологии — «цивилизационные коэффициенты здоровья»: низкий уровень рождаемости (10,5 рождений на 1000 населения), высокий уровень общей смертности (16 случаев на 1000 населения) — особенно среди мужчин трудоспособного возраста; печальные показатели по продолжительности жизни (по 2004 г.: средний показатель — 65,5 г., причем у мужчин — 59 лет, у женщин — 72 года). Отмечено, что по продолжительности жизни мужчин

Россия занимает в мире 134-е место, по продолжительности жизни женщин — 100-е место в мире ([www.rost.ru / projects / health / p 01 / p 11 / all.shtml](http://www.rost.ru/projects/health/p01/p11/all.shtml));

- процент, уровень, формы обеспеченности населения качественными медикаментами и современным медицинским оборудованием; возможности и пути подделки лекарств — и степень, возможности предотвращения этого;

- процент «*спортивной цивилизованности*» (стадионы, бассейны, спортивные площадки и школы — в пересчете на качество населения и особенно детей, молодежи);

- процент алкоголизации (причем речь должна идти о *реальном* положении дел и *действительной* динамике, а не только о тех людях, которые позволили поставить себя на официальный учет). И опять-таки — еще многое другое.

На уровне непосредственной безопасности повседневной жизни или, напротив, ее криминализации: здесь не только должны учитываться подсчитываемые сегодня данные о числе преступлений, о проценте раскрытых и нераскрытых преступлений, но и должны проводиться постоянные мониторинги, опросы населения (и разных его слоев), чтобы выявить, сколь цивилизованны и нецивилизованны — с этой точки зрения — условия жизни, труда, отдыха граждан в конкретных местах их проживания (в тех или иных городах и селах, а также и в отдельных их районах или даже на определенных улицах, в конкретных домах).

Аналогичным образом необходимо вполне конкретно определять цивилизационные коэффициенты на других уровнях. Это, конечно же, экология, озеленение, цветы и т.д.; чистота, санитария, комфортность жизни, как они проявляются в облике поселений, в жилых домах, их подъездах и в учреждениях, на производстве; уборка и переработка отходов и т.д. Важнейший, просто-таки первостепенно значимый уровень — количество, качество, формы работы, финансирование учреждений культуры (музеи, библиотеки, театры и т.д.).

Есть еще один важный уровень, на котором необходимо по-прежнему определять *состояние, динамику психологических, духовных, моральных, ценностных факторов реальной*

жизни людей — в данном случае с точки зрения цивилизационных составляющих. Например, это готовность населения, вернее, его определенных групп к тем отношениям с другими людьми, которые могут считаться цивилизованными, а соответственно, наличие ориентаций на согласованность, солидарность, взаимопомощь, вежливость, предупредительность и т.д. в человеческих отношениях на разных уровнях. Или, наоборот, нарастание тех чувств, которые Ницше назвал «ressentiment» — злобы, зависти, мести, вражды, неприязни, отчаяния и т.д. И которые могут быть индикаторами нарастания опасных тенденций в социальных взаимодействиях.

Итак, при подготовке тех или иных важнейших проектов представляется очень важным определять, прогнозировать уровень цивилизационной готовности (или, напротив, неготовности) населения к их выполнению, а при подведении результатов — наиболее точно (в свете возможных сегодня методов) учитывать, как изменилась, сколь цивилизовалась реальная жизнь населения благодаря новым финансовым расходам, оргмерам и т.д.

Полагаю, «технические» проблемы, могущие возникнуть при учете цивилизационных показателей, хоть и трудны, даже очень трудны, но все-таки решаемы. (А в отдельных случаях речь идет лишь об увязывании, сопоставлении данных, которые пока существуют разрозненно). Целесообразность же применения цивилизационного подхода тоже, полагаю, вполне ясна.

У него есть еще одна сторона, особенно существенная для условий России. Речь идет о повсеместном сегодня объективном (и субъективном) *блокировании* мер, необходимость которых вполне ясна и признается самим населением — и блокировании как раз из-за *цивилизационной отсталости страны, т.е. очень немалой, даже значительной части населения*. Европейская практика, скажем, такова, что вся социальная программатика строится в расчете не некоего «среднестатистического» гражданина (в частности, чиновника) — законопослушного, рационального, сознающего собствен-

ную выгоду, реально способствующего улучшению жизни своего государства, региона, города, своей community и т.д. Эти расчеты более или менее оправдываются, ибо такое население составляет большинство, почему, собственно, страны становятся и остаются (относительно) цивилизованными. Сегодня, впрочем, и в Европе (в связи с иммиграцией, с растущим расслоением и т.д.) политикам, практикам приходится вносить существенные поправки в расчете не только на «процент цивилизованности», но и на «процент нецивилизованности» (а в отдельных случаях — как это, скажем, случилось в последнее время на окраинах Парижа — и в расчете на возможность прямого варварства). Люди, действующие и в России согласно либеральным рецептам и рекомендациям, тоже по большей части принимали и принимают к сведению и в расчет скорее воображаемых цивилизованных граждан, готовых и даже жаждущих дружно идти по размеченной дороге цивилизации, нежели тех, кто привык к разрухе, одичанию, недисциплинированности, разгильдяйству и вряд ли отступит от этих своих привычек даже в видах собственного благополучия. Но надо хотя бы приблизительно прикинуть, каков процент таких граждан в стране (конкретно — в том или ином регионе, городе, в той или иной деревне) и, что первостепенно важно, определяют ли в данный момент стиль жизни и поведения населения цивилизованные, законопослушные граждане (пусть в принципе их в стране и большинство) или *господствуют способы действия и стиль жизни, нравы коррумпированного, криминализованного меньшинства*, как это, увы, случилось в России нашего времени. Сказанное ни в коей мере не означает недоверия к народу в целом. Ранее я уже говорила о достаточно цивилизованном поведении тех, кто был назван «бедными людьми» России, которым современная история страны так и не обеспечила достойных условий жизни. Однако нелицеприятно определять и учитывать *куда больший, чем в цивилизованных странах*, процент нецивилизованности условий жизни, нецивилизованности поведения людей, а то и прямого варвар-

ского одичания, совершенно необходимо. А потому при разработке проектов, мероприятий, прогнозировании и т.д. в нашей стране надо специально и системно предусматривать меру, характер, формы возможного *нецивилизованного*, а то и *варварского сопротивления* цивилизованию страны — и столь же настойчиво, системно, конкретно, если не полностью преодолевать (что еще долго будет невозможно), то смягчать его. Это касается и разработки законов, при которой именно в России надо системно обдумывать формы, способы их возможного блокирования, нарушения, осмысливать методы контроля за денежными потоками — в предвидении полной готовности воров, коррупционеров, мошенников разграбить их. Иными словами, *необходимо специально продумать такую сторону программ, как самое конкретное техническое, социально-технологическое, административное противодействие со стороны нецивилизованности и варварства.*

Все это в немалой степени зависит от состояния общественного, общенародного сознания, от акцентов, которые расставляют средства массовой информации, влиятельные в стране люди культуры, искусства, науки, религиозные деятели. Здесь, как я думаю, ситуация — пока — довольно печальная, по крайней мере двойственная. С одной стороны, часто приходится слышать голоса мудрых и ответственных людей, обращающих внимание на проблемы цивилизования страны и на нетерпимость одичания, отсталости, варварства. И подчеркивающих: в цивилизовании нашей родины не может быть надежды ни на чудо, ни на «добраго дядю». Только упорные, долговременные усилия всего населения страны, и верхов, и низов, способны заметно улучшить положение дел. Здесь нет «мелочей».

С другой стороны, небескорыстное разжигание национальной гордыни, дешевый и, как правило, политически выгодный кому-то популизм, да и просто непонимание того, сколь нужен самим нашим гражданам диагноз тех социальных заболеваний, которыми болеет страна, т.е. (в известной степени и форме) сам народ — вот духовно-нравственные

причины того, почему осознание и решение назревших цивилизационных проблем все время отодвигаются на задний план. Во весь рост встает также вопрос об ответственности индивидов за свою судьбу. К сожалению, эта принципиально важная черта цивилизованности у нас не акцентируется и по существу не воспитывается.

Один частный пример. Мошенничество, аферизм, жульничество имели и имеют место во все времена и во всех странах. Мировая литература или, скажем, кинематограф полны повествованиями о мошенниках и аферистах, «симпатичных» и не очень. Однако и здесь современная Россия бьет все рекорды. Размах, беззастенчивость, безнаказанность мошенничества, его спаянность с коридорами власти поражают воображение. В нашей стране особенно нужно, чтобы, во-первых, на уровне государственно-управленческом, юридическом и т.п. пресекались попытки нецивилизованных, обманных действий, а во-вторых, чтобы население не страдало легковерием, не надеялось на чудеса, не бросалось в объятия тех, кто заманивает во всяческие «мышеловки» обещаниями чего-то «бесплатного» или баснословно дешевого (домов, квартир, «сказочных» путешествий и т.д.). А ведь это регулярно происходит, причем в массовых масштабах. И тогда люди, пострадавшие и от мошенников (поддержанных какими-то властными структурами), и от собственного легковерия, опять требуют компенсаций, забывая о собственной вине и фактически перелагая материальную ответственность на законопослушных налогоплательщиков. Дело, конечно, не только в мошенничестве, связанном с деньгами и другими материальными благами. А легковерие в делах духовных, нравственных? Несть числа расселившимся по бескрайним просторам России «целителям», «ясновидящим», «пророкам» и прочим шарлатанам, способным убедить целые толпы россиян (конечно, при опустошении их карманов и «прихватывании» их собственности) в самом невероятном — в воскрешении мертвых, в том, что некий мошенник — чуть ли не Иисус Христос...

Снова хочу подчеркнуть, что дело цивилизации России, столь же неотложное, сколь и первостепенно важное, может выполнить только ее население, а не «пророки», «миссионеры», «учителя цивилизованности» из других стран. Может возникнуть вопрос: но как же это возможно, если болезни цивилизационной отсталости или прямого варварства, если язвы разрухи, одичания — это реально и фактически болезни, которые поражают способы действия, чувства, умонастроения, привычки разных слоев этого самого населения? Здесь, несомненно, и заключена самая главная трудность, тут коренится **цивилизационный парадокс**, относящийся не только к России, но и к другим странам, коль скоро речь идет об исторической динамике цивилизации. Но это трудное, даже парадоксальное противоречие, которое в те или иные века приходилось и приходится разрешать, если, конечно, население, его наиболее активные слои обладают тем, что правомерно назвать *«волей к самоцивилизации»*, т.е. ведущей к конкретным действиям *решимостью* изменить сложившееся состояние дел. И, конечно, двуединым *пониманием* того, что, с одной стороны, процесс самоцивилизации в высшей степени труден и длителен, а с другой стороны, что желание жить лучше, жить достойно, по-человечески, не приведет к реальным результатам до тех пор, пока народ не вступит на дорогу цивилизации, пока варварство в действиях и привычках не будет преодолеваться последовательно, настойчиво и в массовых масштабах. Но возможно ли это?

Исторический пример других стран показывает, что возможно. Более того, он подтверждает: цивилизование страны — это и есть прежде всего и по преимуществу самоцивилизация населения; во всяком случае без него не достигнут успеха никакие внешние меры — распоряжения, установления, действия государства, его законы, ибо и они реально суть действия какой-то части населения. Например, мы справедливо требуем полностью цивилизованной, законной практики от правоохранительных органов и инстанций.

Но в стране, где массово не закрепились общие принципы цивилизованного взаимодействия людей, ожидать такого нереалистично. Так и нарастает своего рода снежный ком нецивилизованности: поразив одни структуры, она, подобно заразной болезни, распространяется и на другие формы.

К счастью для человечества, цивилизованные формы жизни и поведения, цивилизационные ориентации, привычки, тоже обладают своей силой и относительной устойчивостью. И они, как уже отмечалось, по-своему «заразительны» уже самим примером. Так и расширялась, распространялась цивилизация. Люди делали комфортными, чистыми одни дома, улицы или целые города — и беспорядок, антисанитария, грязь в других местах по контрасту становились нетерпимыми. При относительно хороших дорогах в одной части страны особенно ясно видно, сколь нетерпимо бездорожье. Пока подавляющая часть нашего населения проживала в коммунальных жилищах, благом могла казаться уже и тесная отдельная квартирка. Сегодня такое жильё проходит по категории трущоб, хотя у нас и оно все еще не стоит на последней ступеньке бытия и быта, где находятся бараки, аварийные коммуналки, общежития. Парадокс: строится и строится, дорожает «элитное жильё», сегодня недоступное не только самым бедным, но и относительно обеспеченным слоям населения России. Однако раз оно воздвигается, наглядный эталон (более) цивилизованного жилья уже не даст обществу примириться с тем уровнем, который еще недавно был приемлемым и желаемым. И так — во многом другом, что характеризует уровень цивилизации. В начале 90-х гг. даже улицы столицы, не говоря о других городах и всяях, превратились в помойку. Сегодня Москва — довольно чистый город. Но нас не удовлетворяет достигнутое состояние — и именно в силу *возросших цивилизационных критериев и ожиданий*. А их возрастание по мере цивилизования можно считать одной из частных закономерностей человеческой цивилизации, что и позволяет говорить о ее «заразительности».

Некоторый оптимизм в отношении *принципиальной возможности* цивилизования России, преодоления очагов одичания, варварства может внушать и то, что в таком деле многое зависит и многое может быть *конкретно* исправлено *обычными* индивидами в реальном пространстве их повседневных действий.

Цивилизование России как предмет заботы философии и рядовых граждан страны

Откуда такое сочетание: «заботы философии» (весьма абстрактной области знаний) и заботы конкретных граждан? Попытаюсь объяснить это.

Занимаясь, особенно в последние два десятилетия, построением *философской теории цивилизации* и осознавая неизбежную удаленность такой теории от практических областей, я полагала (как оказалось, наивно), что практики различного рода уже занимаются насущными и неотложными проблемами цивилизования страны. И что сферы социального знания, наиболее близкие практике, уже сформулировали и задачи, и пути такого цивилизования.

Под «практиками» в данном случае можно было подразумевать прежде всего политиков всех уровней, от федерального до местного. А их в сегодняшней России развелось, вероятно, рекордное количество, если считать депутатов всяческих Дум и собраний, верхушку и членов множества партий, штат всяческих пиарщиков, придворных и «независимых» политологов с вверенными им центрами и институтами и т.д. Одним словом, это многочисленная «королевская (и не королевская) рать» тех, кто группируется вокруг политики и политических процедур, кормится от них, и, как видно, совсем неплохо.

Под «практиками» справедливо разуметь и целую армию чиновников, постоянно растущую и все более влиятельную. А также журналистов, публицистов, освещающих жизнь

страны, желающих и умеющих влиять на общественное мнение. Или (баснословно или просто) богатых людей, которые продолжают жить, делать деньги в России и которые (хотя бы в видах собственной выгоды) могли бы задуматься о цивилизации страны.

Так вот: все эти практические люди, люди дела, полагаю я, должны бы (по их функциям, по интересам дела, соображениям выгоды, не говоря уже об «интересах страны») предпринять системные практические действия по цивилизации России. Например, «поставить на учет» те поселения и жилища, где царит варварство, немыслимое в цивилизованных странах. Или нанести на «социальную карту» страны те места, где зимой или в половодье ни пройти, ни проехать. Или точно обозначить растущие «территории свалок». Или пометить точки самых нетерпимых экологических катастроф. И сделать все это, как и многое другое, чтобы принудить государство *приступить к немедленным действиям*. Что касается и этих «практиков», и работающих на них идеологов, теоретиков самых различных конкретных специальностей, то (представлялось мне) они давно уже должны были внести в программу реальной деятельности государства, его регионов, городов и весей следующий тезис: раз все формы и области деятельности в той или иной стране опираются, что очевидно, на цивилизационный фундамент, то в России невозможно, нереально ждать существенных социально-исторических сдвигов до той поры, пока не будет решительно и кардинально обновлен этот фундамент. А в качестве первой и самой неотложной группы мер это обновление предполагает, что надо *в самое короткое время* преодолеть (по крайней мере смягчить) самые неприглядные не- и анти- цивилизованные (т.е. варварские) формы жизни и жизнеустройства.

(Хотела бы сразу оговорить: допускаю, что этот, отстаиваемый во все моей работе, тезис неверен. Тогда, возможно, не имеют силы мои констатации, недовольства, предложения. Утвердительная, возможно, излишне категорическая форма выражения не содержит категорических претензий;

ко всему, что читатель уже прочитал и прочтет, можно было добавить: «я так думаю», «это мое мнение» и т.д., что не делается лишь из стилистических соображений. Продолжу).

Я не практик и не знаю, сколько именно средств и времени потребуется на «обновление цивилизационного фундамента», если будет признана его настоятельная, первоочередная необходимость. Но можно было бы ожидать, что «практики» заявят именно *цивилизационную реформу* в качестве первоочередной задачи, определят, подсчитают, что для нее необходимо и какие именно приоритетные шаги сегодня возможны. Так вот: за двадцатилетие реформ пока ничего подобного не случилось. А что случилось, мы уже описывали, да оно всем известно. Современная Россия (в чем она всего разительнее отличается от цивилизованных стран) бьет все рекорды по антицивилизационным социальным контрастам. Каковы они, теперь знают и сами россияне, и остальной мир: на одном социальном полюсе — роскошные дворцы, «элитные» поселки, где (более или менее) честно, трудом и талантом заработанное богатство в буквальном смысле соседствует с криминалом и казнокрадством, а на другом же полюсе — леденящие душу нищета, одичание, поистине нечеловеческие условия существования, жизнеустроения, повседневных бытия и быта. Есть доля истины в том, что в создании и, главное, тупом претерпевании такого образа жизни есть и собственная вина людей, попавших на «дно жизни» и уже не имеющих ни воли, ни способности из него выбраться. Как бы то ни было, проблема преодоления цивилизационной отсталости, в каких-то «точках» жизни и даже на целых территориях страны уже переросших в прямое варварство и одичание, может решаться только «всемирно». И — что я здесь снова настойчиво подчеркиваю — решать ее по уже указанным причинам надо срочно, в качестве первой и первостепенно значимой проблемы.

А что же сделали и делают наши «практики»? В этом отношении — почти ничего, кроме произнесения общих слов, да и то тонущих в потоке других слов и прожектов. Во вся-

ком случае пока не приходилось встречать ни одной заявленной государством, партиями, в том числе «оппозиционными», вразумительной (и тем более практически реализуемой) *программы преодоления хотя бы самых нетерпимых форм и проявлений цивилизационной отсталости России, прежде всего форм и проявлений одичания, прямого варварства*. Хочу также подчеркнуть: лишь в самое последнее время осуществляемые программы (они имеют в виду отдельные, правда, очень важные области нашей жизни), бесспорно, *способствуют* цивилизации страны, но не имеют это цивилизование *первой, прямой и системно осмысленной целью*.

Словом, от «практиков» инициатива в этом деле пока не исходит. Правда, Президент Путин недавно вполне верно высказался в том смысле, что для страны недопустимо, когда по какой-то специально обустроенной дороге двигаются роскошные автомобили, а совсем недалеко в разваливающихся бараках люди живут в ужасающих запустении и нищете... Впрочем, социальная изоляция, на которую, видимо, надеется «высший слой» богатых и властвующих и которую они отчасти себе уже обеспечили, в полной мере невозможна. И опять-таки невозможна из-за воздействия внутренних законов цивилизации — в данном случае в силу *закона растущей взаимозависимости всех звеньев социально-цивилизационного организма*. Можно «выгородить» себе особые поселения с отличными от остальной страны формами бытия и быта, но полностью укрыться в них нереально: ведь все же приходится «окуна́ться» в обычную жизнь... Сейчас она уже настойчиво напоминает о себе — часовыми пробками на благоустроенных дорогах, забитых самыми «крутыми иномарками», невозможностью спасти жизни, свои и своих близких, от посягательств криминала или другими вмешательствами окружающего мира. Но самое страшное случится, если во весь рост поднимется так знакомый России прирост очередного «черного передела» и сколько раз сопутствовавшего ему физического уничтожения целых групп, слоев населения, многих семейств. И, соответственно, чреватого

новым обвалом в варварство. Такой обвал никак не исключен — и снова же потому, что существующая сейчас человеческая цивилизация (не только в России) нередко отвечает на язвы цивилизации, что было ранее показано, мощными выбросами крайнего варварства.

А что же наши «практики»? — снова спросим мы. Да ничего; они, как говорится, в ус не дуют, ибо заняты, как сами полагают, самыми неотложными делами. Между тем *более неотложного дела, чем скорейшие цивилизационные реформы, у России сейчас нет*. Но пока отстаивание такого тезиса остается скорее делом и уделом теории, да и то больше философской, чем конкретно-социальной. Оно остается, как сказано в заголовке, «предметом философской заботы». Как остается, к сожалению, заботой философии (по преимуществу) даже и конкретный анализ существующей в стране цивилизационной ситуации и возможных способов ее реального изменения. Чтобы хотя бы в небольшой мере способствовать этому, зададимся такими тремя взаимосвязанными вопросами: во-первых, в чем состоит то сущностное, главное, чего не хватает нашей стране, чтобы стать подлинно цивилизованной; во-вторых, на каком пути действительно возможно преодолеть этот *сущностный цивилизационный дефицит*, и, в-третьих, каковы те «мелочи» цивилизации, которыми мы то и дело пренебрегаем, а вместе с этим отодвигаем в неопределенное будущее реальное приобщение к преимуществам, благам цивилизованности в нашей повседневной жизни. И раз спасение утопающих (утопающих в потоке цивилизационной отсталости) остается пока что делом самих утопающих, подумаем и попытаемся определить, что от них зависит. Иными словами, займемся вопросом: что требуется от населения в плане его самоцивилизации? Но еще прежде *требуется убеждать и убедить, наконец, население, народ в том, что от цивилизования, самоцивилизации в немалой степени* зависит конкретная и повседневная, а также историческая судьба отдельных индивидов, семей и страны в целом. Сделать это непросто, по-

тому что в обыденном массовом сознании и действии господствуют иные, в известном смысле противоположные стереотипы, привычки, обычаи.

Самоцивилизация российского народа как его историческая задача

Нет ничего привычнее для нашего населения вот какого типа мысли и действия. Мы недовольны условиями жизни, поступками, действиями других людей. Например, сегодня имеет место массовое недовольство богатыми, казнокрадами, бюрократами и т.д. Впервые за многие десятилетия это оправданное недовольство выражается открыто и гневно. Однако если этим же недовольным людям предоставляется какая-то возможность нажать на других, дать или взять взятку, украсть, обмануть и т.д., лишь немногие от подобных действий воздерживаются. Если описать такую парадигму сознания и действия в более общей форме, получится вот что: *в адрес других людей выдвигаются те строгие претензии и требования, которые фактически не применяются индивидами к самим себе*. Более того, в действие вводятся многие оправдания и объяснения (например, «все так делают», «что я могу сделать один», «все воруют» или: «другие воруют в особо крупных размерах и не несут никакого наказания» и т.д.). В коллективном сознании подобные оправдания закрепились очень прочно и действуют повсеместно. Так и нарастает «снежный ком» нецивилизованности, антисоциальных действий, причем растопить его уже представляется нереальным.

Спросим себя: а разве не столь же «эгоистичны» действия индивидов в других странах, в том числе цивилизованных? Спора нет, по причинам, которые коренятся в человеческой природе, отдельные люди заботятся прежде всего о своих потребностях, о нуждах своей семьи. И, кстати, когда они этого не делают, а ведут себя поистине самоубийственно и когда такое самоубийственное, направленное и против

тых «новых русских» усиливается уверенность в том, что именно такие качества разбогатевших индивидов и социальных групп способствуют их успеху, богатству, карьерному росту.

Одним словом, нецивилизованность именно в нашей стране опасна тем, что она превращенным образом влияет даже и на тех людей, на те слои (причем и на их действия, и на умонастроения, «оптику» социального видения), которые по всем параметрам, предпосылкам, по своему образованию и реальному социальному положению не должны были бы позволить агрессивному «дну» влиять на их жизнь и их мысли.

Я сейчас оставляю в стороне обсуждение проблемы преступности в современной России во всей ее сложности и многослойности. Вот что ужасает: каждый пятый мужчина у нас в стране был (часто не один раз) или пребывает, как принято говорить, «в местах не столь отдаленных». А сколько наших сограждан состоят в нелегальных или полуполициальных криминальных группировках, иногда явно мафиозного типа? Сколько чиновников или бизнесменов сотрудничали и продолжают сотрудничать с криминалом? Не потому ли нравы, образ жизни «братвы», блатной, тюремный жаргон так распространились в обществе: «субкультура» зоны по многим направлениям теснит цивилизационную культуру и высокое искусство. Тот печальный факт, что непропорциональное воздействие «стиля» социального дна или криминала поистине роковым образом влияет на имидж России за рубежом, хорошо известен: из-за этого при произнесении слова «Россия» у многих иностранцев сегодня возникают ассоциации с мафией, криминалом, шальными деньгами и тратами, покупками футбольных клубов или миллиардной стоимости яхт, неприличными разгулами богачей на зарубежных курортах. И многим другим, к чему многие миллионы, т.е. абсолютное большинство наших соотечественников, в поте лица и честно зарабатывающих средства для более чем скромной жизни, совершенно непричастны.

Над всем этим надо серьезно задуматься — и надо упорно, последовательно решать проблемы цивилизации страны. Это я и хотела доказать во всем втором разделе книги.

(есть и типичные оправдания: «верхи» сами безнаказанно нарушают закон; мои незаконные и противозаконные действия — «мелочь» в море царящего в стране беспредела и т.д.);

- то же — применительно к аморальным действиям: громко и гневно осуждается «падение нравов», повсеместные аморализм, цинизм, хамство, корыстолюбие и т.д.; но собственные действия, мягко говоря, несовместимые с ценностями морали, так или иначе оправдываются («Я не мог поступить иначе»; «все так делают» и т.д.); место пресловутой классовой морали, например, «морального кодекса строителей коммунизма» фактически заняли неписанные «кодексы» группового, кланового, тусовочного поведения и т.д.;

- В отношении экологии, санитарии, комфорта и т.д. повседневно и повсеместно господствуют правила наплеватьства и «отгораживания»: даже если приведены в порядок мои квартира, дом, дача, если они отгорожены забором, я буду по-прежнему гадить в подъезде, на улице, в общем, коммунальном пространстве; уберу на своем балконе, а на другие балконы буду бросать окурки и мусор; почищу свой участок, а мусорные отходы сброшу где попало; искупаюсь в реке, озере, а пляж превращу в помойку; выпью с друзьями, разожгу костер в лесу, а бутылки, мусор оставлю на поляне, воспользуюсь лесом, а уходя, не загашу костер — гори оно все огнем...

Это лишь отдельные примеры, хорошо всем нам известные. Бесспорно, в них есть общесоциальные аспекты, которые должны находиться, но не находятся под эффективным попечительством государства, властных структур (например, это отсутствие строгих и повсеместно действующих систем цивилизованной уборки мусора, отходов, почему и у достаточно цивилизованных граждан порой не остается другого выхода, как использовать стихийно возникающие свалки и бросать окурки мимо всегда переполненных мусорных урн). Однако признаемся честно: даже и зная цивилизационные правила, даже и понимая ущерб от их несоблюдения, мы, то есть значительная часть населения страны, поступа-

эту частную закономерность цивилизации так или иначе (иногда весьма внятно) осознают, принимают в расчет даже и самые простые люди в цивилизованных странах, то *в России до сего дня подобное осознание не было и не является сколько-нибудь заметным и тем более влиятельным историческим фактором развития страны*. Что относится у нас и к «рядовым» гражданам, и к правящим кругам. Согласно концепции, которую я здесь развиваю, именно здесь заключена одна из главных причин многих социальных бед, просчетов, неудач.

Наши парадоксальные, а отчасти и просто убийственные исторические «парадигмы», или а ргіогі, но не цивилизованности, а антицивилизованности достаточно известны и расхожи. Многие люди практически и фактически исходят из таких, например, впрямую антицивилизационных посылок:

- государство, т.е. масса других людей и институций, имеют передо мной множество обязанностей; но поскольку эти свои обязанности они исполняют далеко не идеально, я имею право, когда за это не следует прямого наказания, пренебречь своим долгом, своими обязанностями (при этом эффект замкнутого круга и нарастания, в том числе по моей вине, меры социального зла мною не принимаются в расчет и не осознаются как причина собственных бед);

- Я вполне могу, а потому и делаю в адрес других людей то, относительно чего протестую, негодную, когда они точно то же делают в мой адрес; что это противоречит древнейшему библейскому правилу (и *одной из частных формулировок общего правила цивилизованного отношения людей друг к другу*), как будто бы ясно, однако такая «ясность» по сути дела не влияет на повседневные практические парадигмы действия и сознания;

- я, в частности, протестую, негодную против насилия, нарушения закона, если это направлено против меня и моих ближних, однако считаю возможным и даже не зазорным со своей стороны обходить, нарушать закон и совершать насильственные, неправовые действия против других людей

(есть и типичные оправдания: «верхи» сами безнаказанно нарушают закон; мои незаконные и противозаконные действия — «мелочь» в море царящего в стране беспредела и т.д.);

- то же — применительно к аморальным действиям: громко и гневно осуждается «падение нравов», повсеместные аморализм, цинизм, хамство, корыстолюбие и т.д.; но собственные действия, мягко говоря, несовместимые с ценностями морали, так или иначе оправдываются («Я не мог поступить иначе»; «все так делают» и т.д.); место пресловутой классовой морали, например, «морального кодекса строителей коммунизма» фактически заняли неписанные «кодексы» группового, кланового, тусовочного поведения и т.д.;

- В отношении экологии, санитарии, комфорта и т.д. повседневно и повсеместно господствуют правила наплеватьства и «отгораживания»: даже если приведены в порядок мои квартира, дом, дача, если они отгорожены забором, я буду по-прежнему гадить в подъезде, на улице, в общем, коммунальном пространстве; уберу на своем балконе, а на другие балконы буду бросать окурки и мусор; почищу свой участок, а мусорные отходы сброшу где попало; искупаюсь в реке, озере, а пляж превращу в помойку; выпью с друзьями, разожгу костер в лесу, а бутылки, мусор оставлю на поляне, воспользуюсь лесом, а уходя, не загашу костер — гори оно все огнем...

Это лишь отдельные примеры, хорошо всем нам известные. Бесспорно, в них есть общесоциальные аспекты, которые должны находиться, но не находятся под эффективным попечительством государства, властных структур (например, это отсутствие строгих и повсеместно действующих систем цивилизованной уборки мусора, отходов, почему и у достаточно цивилизованных граждан порой не остается другого выхода, как использовать стихийно возникающие свалки и бросать окурки мимо всегда переполненных мусорных урн). Однако признаемся честно: даже и зная цивилизационные правила, даже и понимая ущерб от их несоблюдения, мы, то есть значительная часть населения страны, поступа-

эту частную закономерность цивилизации так или иначе (иногда весьма внятно) осознают, принимают в расчет даже и самые простые люди в цивилизованных странах, то *в России до сего дня подобное осознание не было и не является сколько-нибудь заметным и тем более влиятельным историческим фактором развития страны*. Что относится у нас и к «рядовым» гражданам, и к правящим кругам. Согласно концепции, которую я здесь развиваю, именно здесь заключена одна из главных причин многих социальных бед, просчетов, неудач.

Наши парадоксальные, а отчасти и просто убийственные исторические «парадигмы», или а ргіогі, но не цивилизованности, а антицивилизованности достаточно известны и расхожи. Многие люди практически и фактически исходят из таких, например, впрямую антицивилизационных посылок:

- государство, т.е. масса других людей и институций, имеют передо мной множество обязанностей; но поскольку эти свои обязанности они исполняют далеко не идеально, я имею право, когда за это не следует прямого наказания, пренебречь своим долгом, своими обязанностями (при этом эффект замкнутого круга и нарастания, в том числе по моей вине, меры социального зла мною не принимаются в расчет и не осознаются как причина собственных бед);

- Я вполне могу, а потому и делаю в адрес других людей то, относительно чего протестую, негодную, когда они точно то же делают в мой адрес; что это противоречит древнейшему библейскому правилу (и *одной из частных формулировок общего правила цивилизованного отношения людей друг к другу*), как будто бы ясно, однако такая «ясность» по сути дела не влияет на повседневные практические парадигмы действия и сознания;

- я, в частности, протестую, негодную против насилия, нарушения закона, если это направлено против меня и моих ближних, однако считаю возможным и даже не зазорным со своей стороны обходить, нарушать закон и совершать насильственные, неправовые действия против других людей

тому что в обыденном массовом сознании и действии господствуют иные, в известном смысле противоположные стереотипы, привычки, обычаи.

Самоцивилизация российского народа как его историческая задача

Нет ничего привычнее для нашего населения вот какого типа мысли и действия. Мы недовольны условиями жизни, поступками, действиями других людей. Например, сегодня имеет место массовое недовольство богатыми, казнокрадами, бюрократами и т.д. Впервые за многие десятилетия это оправданное недовольство выражается открыто и гневно. Однако если этим же недовольным людям предоставляется какая-то возможность нажиться на других, дать или взять взятку, украсть, обмануть и т.д., лишь немногие от подобных действий воздерживаются. Если описать такую парадигму сознания и действия в более общей форме, получится вот что: *в адрес других людей выдвигаются те строгие претензии и требования, которые фактически не применяются индивидами к самим себе*. Более того, в действие вводятся многие оправдания и объяснения (например, «все так делают», «что я могу сделать один», «все воруют» или: «другие воруют в особо крупных размерах и не несут никакого наказания» и т.д.). В коллективном сознании подобные оправдания закрепились очень прочно и действуют повсеместно. Так и нарастает «снежный ком» нецивилизованности, антисоциальных действий, причем растопить его уже представляется нереальным.

Спросим себя: а разве не столь же «эгоистичны» действия индивидов в других странах, в том числе цивилизованных? Спора нет, по причинам, которые коренятся в человеческой природе, отдельные люди заботятся прежде всего о своих потребностях, о нуждах своей семьи. И, кстати, когда они этого не делают, а ведут себя поистине самоубийственно и когда такое самоубийственное, направленное и против

тых «новых русских» усиливается уверенность в том, что именно такие качества разбогатевших индивидов и социальных групп способствуют их успеху, богатству, карьерному росту.

Одним словом, нецивилизованность именно в нашей стране опасна тем, что она превращенным образом влияет даже и на тех людей, на те слои (причем и на их действия, и на умонастроения, «оптику» социального видения), которые по всем параметрам, предпосылкам, по своему образованию и реальному социальному положению не должны были бы позволить агрессивному «дну» влиять на их жизнь и их мысли.

Я сейчас оставляю в стороне обсуждение проблемы преступности в современной России во всей ее сложности и многослойности. Вот что ужасает: каждый пятый мужчина у нас в стране был (часто не один раз) или пребывает, как принято говорить, «в местах не столь отдаленных». А сколько наших сограждан состоят в нелегальных или полуполициальных криминальных группировках, иногда явно мафиозного типа? Сколько чиновников или бизнесменов сотрудничали и продолжают сотрудничать с криминалом? Не потому ли нравы, образ жизни «братвы», блатной, тюремный жаргон так распространились в обществе: «субкультура» зоны по многим направлениям теснит цивилизационную культуру и высокое искусство. Тот печальный факт, что непропорциональное воздействие «стиля» социального дна или криминала поистине роковым образом влияет на имидж России за рубежом, хорошо известен: из-за этого при произнесении слова «Россия» у многих иностранцев сегодня возникают ассоциации с мафией, криминалом, шальными деньгами и тратами, покупками футбольных клубов или миллиардной стоимости яхт, неприличными разгулами богачей на зарубежных курортах. И многим другим, к чему многие миллионы, т.е. абсолютное большинство наших соотечественников, в поте лица и честно зарабатывающих средства для более чем скромной жизни, совершенно непричастны.

Над всем этим надо серьезно задуматься — и надо упорно, последовательно решать проблемы цивилизации страны. Это я и хотела доказать во всем втором разделе книги.

оправдание и пьяного дебоша, и алкогольного разгильдяйства — даже в самых страшных по своим последствиям случаях: а что с него возьмешь, если он в стельку пьян... И даже если такой нелюдь по пьянке убьет своих родителей, детей, подожжет соседние квартиры, подъезд или взорвет целый дом, понимающе разводят руками: что поделаешь, напился...

В связи с только что сказанным такой способ жизни и отношений можно описать и в более общей форме. Подобное наплевательское, выразимся мягко, отношение к самой жизни, благополучию ближних и дальних, даже к собственной жизни, характерное для представителей социального дна, заражает и людей, которые вообще-то живут, трудятся по нормальным человеческим законам. Заражает в том смысле, что не переступить грань, ведущую на самое дно, оказывается делом трудным, а переступить — более чем возможным. И хотя по всем подсчетам подавляющее большинство населения нашей страны не скатывается на «социальное дно», умонастроения, способы жизни последнего (а это, как говорилось, одичание, «пофигизм», фатализм, отсутствие всякой ответственности, паразитический образ жизни, неуважение даже к своей жизни, к собственному достоинству, принесение в жертву своей семьи, собственных детей и многое другое) — все это непропорционально influentially, оказывает сильное воздействие и на слои, не относящиеся к социальному дну. Так и оказывается, что люди, которые в принципе (по своим занятиям, доходам, способам жизни и т.д.) могут и должны жить цивилизованно, в нашей стране тоже в той или иной мере заражаются антицивилизационными болезнями. Кого-то от них оберегают хорошее образование, семейное воспитание, моральные устои. Но это происходит далеко не всегда. Тем более в социальных ситуациях, в которых (как в последние десятилетия) общие «обвалы» в неизвестность способствуют произрастанию антицивилизационных тенденций — накоплению потенциала агрессивности, злобы, аморализма, хамства. Из-за нецивилизованности стиля жизни и поведения немало числа печально знаменитых бога-

Но ведь история нашей страны богата примерами того, что стойкость народа России — почему именно она и остается великой страной, единой державой — пробуждается и укрепляется в эпохи, времена особенно тяжелых испытаний, новых исторических вызовов. Да и вся человеческая цивилизация — при всех откатах, обвалах, угрозах — пока доказывала способность справляться с насущными проблемами, выполняя свои главные функции, каковыми были самосохранение, преемственность существования, целостность и хотя бы относительное единство человеческого рода. На это же остается надеяться и в будущем.

Содержание

Введение	3
----------------	---

РАЗДЕЛ I. ЧТО ТАКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Глава первая. Цивилизация как таковая	13
Цивилизация и цивилизованность	17
Глава вторая. И снова — о понятии «цивилизация» и значимости цивилизационного подхода (Post scriptum 2007 года)	45

РАЗДЕЛ II. ВАРВАРСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава первая. Варварство — общенсторическая предпосылка и спутник цивилизации	68
О сути варварства — в связи с понятием цивилизации	69
Отношение человека к природе с точки зрения проблемы цивилизации и варварства	72
Отношение человека к человеку в свете проблемы цивилизации и варварства	75
Ответы на вопросы	83
Глава вторая. Варварство — оборотная сторона цивилизации	91
Споры вокруг определения варварства в западной литературе последнего десятилетия	94
Некоторые механизмы современного варварства	105
Глава третья. О варварстве и цивилизации — применительно к России	118
Глава четвертая. Современная цивилизация и варварство как ее оборотная сторона	138
Общий смысл понятия варварства как оборотной стороны цивилизации	138
Уникальность кризиса современной цивилизации и проблема варварства	143
Объективные и субъективные формы бытия цивилизации	152
Цивилизованность и варварство в человеческих отношениях ...	159
Проблемы и противоречия индивидуальной программы цивилизационного действия	163
Индивидуальная программа и история господства — подчинения	171
Заключение: угроза современного варварства как вызов для социальной теории	175

ем так, как поступаем, то есть ведем себя нецивилизованно. И пока цивилизационные нормы не превратятся в интериоризированный способ действия, положение не изменится.

Снова приведу в качестве примера Германию (у нее, конечно, есть свои проблемы, особенно сегодня, вместе с притоком иммигрантов из менее цивилизованных стран. Но и после этого — «нам бы ваши проблемы»...). Мне неоднократно приходилось наблюдать, как на пустых улицах немецких городов, когда есть все возможности (и нет никакого риска) не соблюдать правила дорожного движения, дисциплинированные немцы все равно подчиняются указаниям светофора. Или как они по осознанной собственной воле сортируют мусор и отвозят, относят его туда и только туда, где стоят аккуратные мусорные контейнеры. (У нас контейнеры, конечно, поплоче — не для сортированного мусора. Но и страсть нашего населения «бросать мимо» контейнеров и урн, и обычай коммунальщиков не содержать их в должном порядке «достойны» друг друга). Моя немецкая подруга пришла в неподдельный ужас и изумление, когда из окна увидела, как на мой (полностью пустой балкон) с верхних балконов летели какие-то коробки и окурки...

Нельзя не акцентировать еще одно обстоятельство, свидетельствующее о том, что у нас отнюдь не цивилизованные, законопослушные граждане задают тон в делах совместной жизни и соблюдения ее необходимых правил. Напротив, как раз социальное дно, нецивилизованность уже продиктовали, навязали многие свои обычаи, привычки. Считается, и правильно, что пьянство, алкоголизм — наследственный бич российской жизни. Но у нас есть и нечто другое, вряд ли известное в других странах. А именно: одно из *argot* нашего жизненного мира состоит в более чем снисходительном, даже сочувственном отношении к пьяным, к алкоголикам, в готовности заслонить этих (подчас действительно несчастных, больных) людей от любых наказаний, административных мер, избавить от какого бы то ни было осуждения, неодобрения. У нас более чем распространено такое объяснение-

Теперь задумаемся: есть ли в нашей стране люди, социальные слои, дела, профессии, относительно которых можно утверждать то же, что только что рассказано о типичных немецких работягах? Несомненно, есть, но хотя бы приблизительно сказать о том, сколько их, совершенно невозможно. (Уже и потому, что ни опросы, насколько мне известно, ни другие выкладки выяснению этого вопроса не посвящались). Но на интуитивном уровне, а также на основе повседневных наблюдений вырисовывается нечто противоположное. А именно: в очень большом — «статистически» — количестве случаев (и на уровне сознания, и на уровне действия) цивилизационные парадигмы в нашем отечестве почти не задействованы. Не укоренилось понимание того, что допущенное *тобою* — скажем, злоупотребление, головотяпство, халтура и т.д. в твоем деле, пренебрежение интересами других людей — обязательно вернутся к тебе антицивилизационным бумерангом и в общем, и в конкретном смысле. Все как будто хотят жить лучше, но ни улучшение, ни ухудшение условий своей жизни никак не связывают с тем, соблюдаются ли (ими и окружающими их людьми) или, напротив, нарушаются, притом повседневно и повсеместно, обрисованные цивилизационные правила и установления совместной жизни. В этих вопросах мы, во-первых, не умеем, да и не хотим, обнаружить, ясно прочертить простейшие связи и взаимозависимости. Во-вторых, у нас нет честности и искренности даже в «разговоре» с самими собой, не говоря уже о «публичных» высказываниях. Массовый случай: в очень частых разговорах о «бардаке» в стране собеседники постоянно имеют в виду кого угодно, кроме самих себя.

Так вот: если цивилизация и допускает возможность неправомерно нажитого богатства, преступлений без наказания, то она уж точно не допускает обеспечения благосостояния большинства населения страны в условиях массового разгула нецивилизированной, а то и антицивилизированной «независимости» действий и ориентаций, нетребовательности к себе, а то и безответственности индивидов и сословий. И если

Издания 2005 года

- 1. Аристотель. Евдемова этика /РАН. Ин-т философии; Изд. подгот. М.А.Солопова. – М., 2005. – 448 с.**
Настоящее издание впервые представляет перевод «Евдемовой этики» на русский язык, греческий текст и комментарии. Текст этики публикуется вместе с тремя обычно опускаемыми в издательской практике т.н. «средними книгами», общими для «Евдемовой» и «Никомаховой» этик.
- 2. Бескова И.А. Природа сновидений: (эпистемологический анализ) /РАН. Ин-т философии. – М., 2005. – 239 с.**
В книге прослеживаются особенности отношения к сновидениям, сложившиеся в разные исторические эпохи в разных сообществах, включая традиционные примитивные культуры.
- 3. Диалог цивилизаций. Повестка дня /РАН. Ин-т философии; Горбачев-Фонд; Сост. и общ. ред. В.И.Толстых. – М., 2005. – 145 с.**
Предлагаемая читателю книга «Диалог цивилизаций. Повестка дня» подводит итоги совместного исследования Института философии РАН и Горбачев-Фонда и является своего рода российским откликом на тему и проблему общемирового уровня и значения.
- 4. Кацапова И.А. Философия права П.И. Новгородцева /РАН. Ин-т философии. – М., 2005. – 188 с. – ISBN 5-9540-0028-X.**
Монография посвящена творчеству одного из видных русских теоретиков права к. XIX — н. XX вв. Павлу Ивановичу Новгородцеву.
- 5. Коллаж–5 /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.Сырдеева. – М., 2005. – 145 с.**
Пятый выпуск серии «Коллаж» посвящен феномену *другого*, снова и снова напоминающему о себе на повседневном уровне в виде вопросов и проблем политического, исторического и культурного, межличностного характера.
- 6. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов; Изд. подгот. В.М. Яковлев. – М., 2005. – 404 с.**
Инициатором обращения к древней китайской мысли в новоевропейской философии был Лейбниц. Об этом свидетельствует публикуемая переписка Лейбница с христианскими миссионерами в Китае.

7. Меркулов И.П. Когнитивные способности /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 182 с.

В книге с позиций эволюционно-информационной эпистемологии исследуются общие характеристики человеческого познания и когнитивные способности — восприятие, мышление, сознание и память.

8. Методология науки: статус и программы /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П.Огурцов, В.М.Розин. — М., 2005. — 295 с.

Сборник — результат работы семинара Центра методологии и этики науки в 2002–2004 гг. В нем продолжается изучение различных программ и проблем философии науки, которое начато в сборнике «Методология науки: проблемы и история» (М., ИФ РАН, 2003). В приложении, завершающем сборник, печатаются перевод фрагментов из трактата Иоанна Солсберийского «Металогик». Сборник представляет интерес для историков науки, философов, для всех интересующихся методологическими проблемами научного знания.

9. Мочкин А.Н. Фридрих Ницше: (интеллектуальная биография) /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 246 с.

Монография является опытом комплексного анализа философии Ф.Ницше. Философия немецкого мыслителя рассматривается как «авансцена», за которой скрыты сложные мотивы, сочетающие в себе личностные и патографические характеристики.

10. Наука и искусство /РАН. Ин-т философии; Общ. ред. А.Н.Павленко. — М., 2005. — 206 с.

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает работы, посвященные анализу взаимоотношения науки и искусства в творчестве Николая Орема, Князя Вл.Ф.Одоевского, Велимира Хлебникова, Вернера Гейзенберга, В.С.Библера и Ж.Делеза.

11. Противоречие и дискурс /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.А.Герасимова. — М., 2005. — 184 с.

Проблема противоречия представлена во множестве аспектов: методологическом, когнитивном, лингвистическом.

В очерке предпринят анализ работ теоретика контркультуры Т.Розака, его философско-интуитивистские, антитех-ницистские и антитехнократические идеи, идеи «экологического персонализма», как и религиозно-мистические мотивы, присущие контркультуре.

своей семьи поведение становится сколько-нибудь распространенным, то цивилизация в целом тоже страдает. Однако века (более) цивилизованного существования сумели убедить поколения за поколениями в том, что для них как для отдельных индивидов полезны, выгодны, достойны цивилизованные парадигмы действия, сознания, мысли. Поясню это на примере.

Однажды в прекрасном немецком городе Марбурге мне пришлось видеть, как рабочие настилают асфальт. Разговори-лась с немолодым человеком, по-видимому, их бригадиром и спросила, как им удастся сделать ровное, без ям покрытие (а в Марбурге, городе, где много слепых, самостоятельно двигающихся по улицам, особо стоит вопрос об идеально ровных краях тротуаров, служащих подспорьем для незрячих и их палочек). Бригадир охотно ответил, что, во-первых, у них в бригаде есть человек, специально за это отвечающий, во-вторых, они «в компьютере», и всякий брак будет записан за ними, что обязательно скажется на их зарплате и рабочей судьбе. А то, о чем он сказал «в-третьих», и есть, по моему мнению, «во-первых», т.е. главное всякой цивилизации. Вот какую он сформулировал мысль: если я плохо сделаю здесь, на улицах, по которым, быть может, и не хожу, то так же может поступить «герр Шмидт», который плохо сделает покрытие возле моего дома и на моих улицах. И наоборот, я сделаю все нормально — и так же поступит «герр Шмидт». Утверждаю: трудно лучше, понятнее, доходчивее выразить *самое фундаментальное правило цивилизации — взаимность деятельности, даже «взаимную предупредительность»*, о которой на философском языке говорил еще великий Аристотель. Еще раз подчеркиваю, что достаточно ясное *осознание большинством населения подобных цивилизационных максим и деятельность* (в основном) *в согласии с ними* — фундамент и главное объяснение цивилизованности той или иной страны. (Понятно, что потребовались века истории, прежде чем такое состояние массовых сознания и действия стало фундаментальным фактором развития тех или иных стран).